С. Э. ЗВЕРЕВ

РУССКИЙ МАТ, БЕССМЫСЛЕННЫЙ И БЕСПОЩАДНЫЙ,

НА ВОЙНЕ И ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ

С. Э. ЗВЕРЕВ

РУССКИЙ МАТ, БЕССМЫСЛЕННЫЙ И БЕСПОЩАДНЫЙ, НА ВОЙНЕ И ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ

Сергей Зверев

Русский мат, бессмысленный и беспощадный, на войне и военной службе

Введение

Этика воинского дискурса регулируется положением современного устава: «Военнослужащие должны постоянно служить примером высокой культуры, скромности и выдержанности, свято блюсти воинскую честь, защищать свое достоинство и уважать достоинство других»[1]. Однако в речевой практике наблюдаются массовые нарушения данного уставного требования, выражающиеся в широком распространении в воинском дискурсе грубости, брани и, в особенности, матерщины.

В языке, наверно, нет явления, менее отвечающего требованиям культуры, чем сквернословие. Тем не менее, явление это занимает прочные позиции в современном русском воинском дискурсе, находя даже своих адептов и «теоретиков». «И мне странно читать в уставе приказ «В атаку, вперед!» — заявлял, например, генерал А.И. Лебедь. — Смею утверждать, что в такой редакции она звучит только при проведении учебных атак. Ни разу в жизни не слышал сам, специально интересовался этим вопросом у ветеранов, и они подтвердили: да, в настоящую атаку этой сухой фразой людей не поднять. **Мат является основой управления общевойсковым боем** (выделено нами. — С.З.)»[2]. Такое откровение из уст боевого генерала ошеломляет, пожалуй, не меньше его категоричности.

К глубокому сожалению, матерщина настолько укоренилась в воинском дискурсе, что современные курсанты, например, полагают, что великий Суворов матерился, в чем на полном серьезе даже пытаются убеждать преподавателей. Матерное «кредо» будущих офицеров незыблемо, — а как иначе руководить личным составом? Конечно, если бы молодые люди всерьез изучали военную историю, им было бы известно, что в обширном суворовском эпистолярном наследии (около 2000 документов) встречается только одно «выражение»: «… не должно ничего моего при ней остаться, ни людей, ни лошадей, ни экипажей, но моего серебра, ни иного чего, а только еще парочка бл…дунов, Кузьма и Ульяна (дворовые люди. — С.З.)», — до глубины души уязвленный истинной или мнимой изменой жены полководец наставлял своего доверенного человека, как

обеспечивать раздел имущества. Согласимся, скорее смешно, нежели грубо или оскорбительно. И уж точно не на службе.

В наше время меры борьбы со сквернословием начальством принимаются спорадически; они сводятся, как правило, к представлению оптимистических докладов по команде, что мат в подразделении, части или вузе изжит. Автор этих строк был свидетелем, как два курсанта одной военной академии, опаздывающих на занятия, обсуждали эту проблему с таким жаром и в таких забористых выражениях, что случайным свидетелям впору было затыкать уши. Скрытый юмор ситуации заключался в том, что буквально накануне воспитательный отдел академии окончательно отчитался перед главкоматом, что в славном военном образовательном учреждении мата нет. Курьезно, но факт, что от мата здесь избавлялись планово, пофакультетно, еженедельно добросовестно оповещая о ходе борьбы за чистоту языка курсантов и офицеров Москву. Происходило это в тот памятный период нашей истории, когда выражение «вежливые люди» на короткое время вдруг стало необыкновенно популярным, и высокое начальство попыталось было закрепить достигнутый успех в массах служилого люда. Мы специально не приводим здесь названия академии, чтобы, несколько перефразируя цитату из популярного кинофильма, не быть несправедливым к другим академиям, где могла произойти точно такая же история.

Как тут не вспомнить горькие слова морского министра России адмирала И.А. Шестакова: «Дорого достается России всякое улучшение, медленно подвигается она к усовершенствованию! Потребовалось… великое национальное унижение (адмирал имел в виду Восточную войну (1853–1856) — С.З.), чтобы она додумалась до аксиомы, на которой зиждется человеческая жизнь от начала мира; чтоб убедилась, что действия, основанные на тупой вере в традиции, несвойственны природе человека, что все, так называемые непреложные истины, служат средством тлетворным, разлагающим, если рядом нет умственной оценки причин и последствий»[3]. В этой книге мы как раз и попытаемся дать по возможности объективную *оценку причин и последствий* зарождения, постепенного проникновения и современного коловращения мата в армейской и флотской среде.

Полезно попытаться взглянуть на проблему сквернословия в диахроническом аспекте с тем, чтобы проанализировать отношение к ней со стороны самих военных — великих воинов и выдающихся полководцев и флотоводцев — и выяснить, насколько совместимы сквернословие в воинском дискурсе и боеспособность, ибо в конечном счете, боеспособность армии и флота есть главный критерий, определяющий ценность любых элементов воинской деятельности.

Глава 1

Инвективы в жанре боевого вызова

Сквернословие надо отличать от почти ритуальных инвектив в адрес противника, которые находили отражение уже в эпосе многих народов. Риторика героев «Илиады», например, часто реализовалась в жанре *боевого вызова*, отголоски которого дошли и до наших дней. Функцией этого архаического жанра воинского дискурса в первую очередь была функция, как сказали бы сейчас, морально-психологического обеспечения боя, или «функция инвективы как дуэльного средства»[4]. Для этого применялся широкий спектр приемов: от восхваления собственной силы, храбрости и непобедимости до насмешки, издевательства над врагом.

Илиада. Поединок Ахилла и Гектора

Когда судьба сводит в единоборстве сына Геракла грека Тлеполема и ликийца Сарпедона — двух потомков Зевса, Тлеполем, который приходится Зевсу внуком, отчаянно пытается убедить себя, что его

противник Сарпедон — сын Громовержца — и трусоват, и значительно слабее его физически, а значит, несмотря на высшее положение в «божественной иерархии», должен несомненно пасть:

«Что у тебя за нужда, Сарпедон, советчик ликийцев,
Ежиться здесь и дрожать? Ничего ведь в боях ты не смыслишь
Кто это лжет, будто сын ты эгидодержавного Зевса?
Нет, несравненно слабее мужей ты, которые раньше
На свет родились от туч собирателя Зевса-Кронида…»

[Илиада, 5, 633]

В отличие от Тлеполема Сарпедон вполне уверен в себе — его ответ краток: он просто обещает отправить противника к «конеславному богу Аиду» и вскорости сдерживает обещание.

Нередко опытные в военном деле и владевшие правилами словесных поединков герои прямо предлагали соперникам оставить оскорбительные речи и переходить к бою: «Не побегу от тебя, не в спину ты пику мне всадишь», — так мрачно отвечает на традиционный оскорбительно-насмешливый вызов Ахилла троянец Гектор.

Ритуальные оскорбления врага были свойственны не только европейской эпической традиции. Древнеиндийский эпос «Махабхарата», повествующий о грандиозной битве между племенными союзами пандавов и кауравов, также содержит многочисленные описания поединков, которым часто предшествует словесная перепалка участников. Подобно героям Гомера, перед решительной схваткой воитель кауравов Бхишма и герой пандавов Шикхандин осыпают друг друга колкими насмешками:

«Бхишма так молвил, усмехаясь: “Будешь ли ты разить или нет, ни за что не стану я с тобой сражаться. Ибо как Творец тебя создал, так и [остался] ты Шикхандини”. Выслушав эти слова его, Шикхандин, вне себя от гнева, сказал Бхишме на поле боя, облизывая губы: “Я знаю тебя, кшатриев[5] истребителя, о мощнорукий! Слышал я, что [обладаешь] ты божественной силой. Но и зная о силе твоей, я буду с тобой сражаться!.. Будешь ли ты разить или нет, живым ты не уйдешь от меня! Посмотри

хорошенько, о Бхишма, на этот мир [в последний раз], о победоносный в боях!”»

[Бхишмапарва]

Суть насмешек Бхишмы легко понять, если учесть, что Шикхандин, по преданию, сотворен был женщиной, но впоследствии предпочел стать мужчиной, — об этом удивительном факте источник упоминает как-то туманно. Именно на данную метаморфозу намекает Бхишма, присоединяя к имени Шикхандина окончание женского рода. Заметно, что «стрела» инвективы попала в цель, и противник совершенно вышел из себя.

Герой древнеиранского эпоса «Шах-намэ» юный богатырь Сухраб также перед боем вступает в острую перепалку с воином Хаджиром, почти теми же словами, что и античные рыцари Гомера. Как Ахиллес перед схваткой с Гектором пытался подавить его волю: «Ближе иди, чтоб скорее предела ты смерти достигнул!», — так и Сухраб сулит неприятелю смерть от своей руки, что тот парирует инвективой:

«Один ты вышел, гневом распален?
На что надеешься? Куда стремишься?
Или драконьей пасти не боишься?
И кто ты, предстоящий мне в бою,
Скажи, чтоб смерть оплакивать твою?»
И отвечал ему Хаджир: «Довольно!
Сам здесь падешь ты жертвою невольной
Себе я равных в битве не встречал,
Лев от меня уходит, как шакал…
Знай — я Хаджир. О юноша незрелый,
Я отсеку главу твою от тела
И Кей-Кавусу[6] в дар ее пошлю.
Я труп твой под копыта повалю»[7].

[Шах-намэ]

Сюжет поэмы позволяет понять, что боевым вызовом попутно решалась еще одна задача: понять, кто стоит перед поединщиком и подобает ли скрестить с ним оружие[8]. Пока не изобрели геральдику, оставалось только расспросами убеждаться в благородстве и славе противника. Эпические герои были очень требовательны в этом

смысле, для них было мало чести обагрять себя кровью простых воинов, тех просто избивали без разбора и счета. Сохранялась опасность не узнать знакомого или родственника — такая судьба постигла, например, никогда не встречавшихся прежде Сухраба и его отца Рустама, не пожелавшего признаться молодому витязю, что он сам прославленный богатырь, чтобы не добавлять тому цены лавров и мотивации в стремлении к победе.

Эпос и литература раннего европейского Средневековья свидетельствует о сохранении в воинском дискурсе жанра боевого вызова, наполненного инвективами в адрес противников. Следует отметить, что с возникновением основных монотеистических религий вооруженное противостояние переместилось из среды профессионального воинства, родовой аристократии в широкие народные массы и ознаменовалось крайним ожесточением. Героями эпических произведений все чаще стали становиться простые люди, волею судеб взявшие в руки оружие, мстившие врагам за поругание и разорение семьи, гибель или пленение родичей и соотечественников. Соответственно, инвективы в значительной степени утратили изощренность, стали проще и грубее.

Герой византийской поэмы «Армурис» (IX в.), например, при обращении к захваченному им «языку»-арабу совершенно не стесняется в выражениях, честя его «вздорным сарацином» и сопровождая допрос для вящей убедительности мощной зуботычиной. Прежде чем обрушиться на вражеское войско, он в лучших традициях героической словесности представляется врагам, не забывая помянуть их недобрым словом, самой, пожалуй, распространенной инвективой в адрес иноверцев:

«К оружию, поганые собаки-сарацины!
Скорей наденьте панцири, скорей седлайте коней,
Не медлите, не думайте: Армурис перед вами,
Армурис, сын Армуриса, отважный ратоборец!»[9]

[Армурис]

В русских былинах неверного Калина-царя «собакой» именуют буквально через слово настолько привычно, что он и сам себя устами сказителя в разговоре с Ильей Муромцем покорно величает точно

таким же образом: «Не служи-тко ты князю Владимиру,/Да служи-тко ты собаке царю Калину»[10].

В. Васнецов Богатыри

Русские богатыри, герои былин и сказок, в массе своей также «люди из народа», казаки-порубежники, взявшие на себя ратный труд защиты родной земли от непрошеных гостей из Великой Степи. Их речь далека от рыцарской куртуазности; даже Добрыня Никитич, известный среди прочих соратников своей вежливостью, умением с молодцом съехаться-разъехаться, «и молодцу честь воздать», так обращается к встреченному им татарину:

«Уж ты гадина, едешь, да перегадина!
Уж сорока, ты летишь, да белобокая!
Да ворона ты летишь, да пустоперая,
Пустопера ворона да позагуменью!
Не воротишь на заставу караульнюю!
Ты уж нас молодцов, видно, нечем считать?..»[11]

[Застава богатырская]

После столь выразительного приветствия встреченный богатырем Сокольник задает Добрыне порядочную взбучку по мягкому месту (!); потом достается и Илье Муромцу, по законам жанра обратившемуся к поединщику с подобными же словами. Только молитва к Пречистой Божьей Матери спасает «стара казака» от неминуемой смерти. В противном случае не выручает и силушка богатырская. Например, когда явно нарушается заповедь «Не искушай Господа Бога твоего» (Мф. 4,7):

«И стали витязи похвалятися:
“Не намахалися наши могутныя плечи,
Не уходилися наши наши добрые кони,
Не притупилися наши мечи булатные!”
И говорит Алеша-попович млад:
“Подавай нам силу нездешнюю,
Мы и с тою силою, витязи, справимся!”»[12]

[С каких пор перевелись витязи на святой Руси]

По сюжету былины, богатыри, истребив несметную «силу басурманскую», возгордились и молвили «слово неразумное». В ответ откуда ни возьмись явились два «воителя», которые тут же предложили семерым богатырям бой с ними держать. И сколько богатыри ни рассекали супротивников, число их только удваивалось; в итоге не спасло притомившихся-таки истреблять врагов хвастливых витязей и бегство.

Похвальба противников сказочных героев по типу «Я посажу тебя на ладонь одною рукою, прихлопну другою — костей не найдут»[13] также всегда выступает только прелюдией к сокрушительному поражению.

Примеры свидетельствуют, что вызывающее поведение, пустое кичение силой, выражающееся в брани и насмешке, в отечественной эпической традиции неявно осуждаемо и обычно наказуемо. Объяснить это можно двояко.

Во-первых, русские сказки и былины иллюстрируют важное отличие победы от физического истребления, заключающееся в нравственном превосходстве победителя. Именно оно удерживает руку богатыря от удара, когда сам поверженный враг коварно просит: «Секи

вдругорядь!»[11] И горе витязю, если он, движимый чувством мести или ненависти, попытается добить лежачего, — тот восстает с новыми силами или вместо одного воина встают два, как в приведенном примере. В этом сюжетном ходе слышен отголосок слов апостола Павла: **«…не участвуйте в бесплодных делах тьмы» (Еф. 5Д1) — не соглашайтесь ни словом, ни делом с велениями нечистой силы, дабы ни на йоту, пусть и невольно, не уподобиться ей.**

Во-вторых, русское воинство вынуждено было веками вести борьбу на *своей* территории, противостоя многочисленным, сильным и агрессивным соседям, природным, в силу своего образа жизни, воинам-кочевникам. Монголо-татарское нашествие привело фактически к полному уничтожению профессионального княжеского войска. Моральный урон, который претерпело русское воинское сословие, оказавшееся неспособным выполнить свой долг, — защитить народ от захватчиков — оказался сильнее физических потерь. Русская воинская эмблематика так и не выросла в геральдику, а жанр воинской повести в литературе оказался насквозь проникнутым духом жертвенности, чуждым всякой земной суеты. В свете высшей жертвы, которую может принести человек «за други своя» все зримое, осязаемое, плотяное не казалось существенным: сила и воинское умение не спасали — даже самого могучего русского былинного богатыря выручает то молитва, то крест, удачно оказавшийся на пути вражеского копья. [14]

В совершенно других условиях происходило формирование менталитета западного рыцарства — в ходе преимущественно завоевательных походов, носивших нередко откровенно грабительский характер. Даже возвышенные цели Реконкисты[15] не исключали внимания к вполне земным интересам. В «Песне о моем Сиде» (XI в.), например, описание воинских подвигов благородного рыцаря Руя Диаса Кампеадора (Ратоборца) сопровождается почти таким же простодушным восхищением, как и исчисление захваченного им у мавров добра.

Нравы европейцев, по крайней мере, в период раннего Средневековья были еще довольно грубы, — не стоит забывать, что христианство среди воинственных германских племен насаждалось весьма жестокими методами. Даже священники и епископат каролингской[16] эпохи были скорее воинами, чем пастырями;

современники удрученно отмечали, что «клир предпочитает скачки, турниры, соревнования в стрельбе из лука христианскому богослужению»[17].

Отношение к прекрасному полу на первых порах было чуждо всякой куртуазии[18]. Храбрый Зигфрид из «Песни о нибелунгах» не стесняется поколачивать свою прекрасную жену Кримхильду за чрезмерно длинный язык. В романах артуровского цикла благородным дамам нередко грозят оскорбления и посягательство на честь от встретившихся некстати на их пути рыцарей-хищников. Высокородные аристократы из «Песни о Сиде», считая свой брак с дочерями Сида, навязанный им королем Испании, неравным, избивают несчастных женщин чуть не до смерти ременными плетями, колют до крови шпорами и бросают беспомощных умирать в лесу.

Возможно, поэтому в средневековой литературе постепенно начал создаваться и пропагандироваться идеал рыцаря без страха и упрека, унаследовавшего лучшие черты эпического героя: непоколебимо верного сюзерену, изысканно галантного в служении Даме, несгибаемого перед лицом неприятеля, милостивого к побежденным, скромного и вежливого в общении с друзьями и врагами. «Истинный влюбленный, — наставляла, например, знаменитого французского рыцаря Жана де Сентре его дама, — склонен только к оной благороднейшей и блистательной науке — владению оружием… Его слуха не достигает ни одно грубое слово, его взора — ни один лживый взгляд; его уста не осквернены низкими речами, руки — ложными клятвами»[19].

Согласно рыцарскому этикету, турнирной или смертельной схватке предшествовал письменный или устный вызов, составленный в самых изысканных выражениях. По мере укоренения традиций куртуазности и роста самосознания рыцарства, инвективы стали рассматриваться как атрибут дискурса только неблагородных противников, как зримое свидетельство низменности побуждений, вспыльчивости и заносчивости. Как и в русском былинном эпосе, такие воинские качества не приносят победы: ни в одном рыцарском романе нельзя найти ни одного случая, чтобы неблагопристойно выражавшийся рыцарь-буян и задира не был посрамлен на ристалище или на поле боя. Мало того, ими гнушались даже ближайшие родственники, не находя извинений их грубости:

«Пойми, мой сын, и посмотри:
Ты груб и холоден внутри,
Для дружбы, нежности потерян
И миловать ты не намерен,
И ненависти сдался в плен,
И потому-то мной презрен,
Навек с несчастьем обручишься.
Ты доблестью своей кичишься,
Но в нужный час и на поверку
Найдется тот, что даст ей мерку.
Достойным рыцарям не след
Кичиться доблестью побед,
Хвалиться собственной отвагой.
Все видно: худо или благо.
Для подтверждения величья
Бахвальство — словно перья птичьи…»[20]

Рассчитывать на успех у дам подобные бахвалы также, конечно, не могли.

Следует заметить, что куртуазия не исключала проявления сугубо мужских качеств: твердости, доходящей до жестокости. Сдавшихся в смертельном поединке на милость победителя ждал ужасный позор и исключение из рыцарского сословия. Рука героя романа «Тирант Белый», которым, кстати, зачитывался Дон Кихот, после отказа благородного противника сдаться, не дрогнула поразить того через забрало в глаз кинжалом, сопроводив свой поступок надлежащей отповедью: «Что ж, все рыцари, желающие свершать ратные подвиги и биться как подобает, должны быть жестокими, не страшась за то даже мук адовых»[21].

И все же после оформления на страницах романов и песней рыцарской этики, «чтобы прослыть рыцарем, — пишет итальянский исследователь истории рыцарства Ф. Кардини, — уже было мало иметь оружие, боевого коня, физическую силу, профессиональное мастерство, личную храбрость. Необходима была воля и дисциплина в следовании нравственной норме»[22].

В «Песне о Роланде» (XI в.) — библии рыцарства — оскорбительные выпады исходят исключительно из уст противников

франков, как например, от племянника сарацинского короля Аэльро, который перед началом битвы:

«Пред войском мавров мчит во весь опор,
Язвит французов наших бранью злой:
“Эй, трусы, ждет вас ныне смертный бой.
Вас предал ваш защитник и оплот:
Зря бросил вас в горах глупец-король.
Падет на вашу Францию позор,
А Карл[23] простится с правою рукой[24]”»[25].

[Песнь о Роланде]

Не было для рыцаря худших грехов, нежели трусость и предательство. Обязательства вассалов и сеньоров были взаимными, поэтому Аэльро, чтобы посеять неуверенность во франкском войске, стремится опорочить их сеньора-короля подозрением в предательстве, а воинов унизить обвинением в трусости. Злоречие, однако, сарацину не помогло, он был тут же проколот копьем славного Роланда, сопроводившего свой удар надлежащей отповедью наглецу.

Следует отметить, что помимо «рыцарской литературы», так сказать, литературы Дон Кихота, в европейской культуре XI–XIII веков существовал эпический жанр литературы Санто Пансы, предназначенной для народа. В этом ряду выделяется жеста[26] о графе Гильоме Оранжском — любимом персонаже французского простонародья, в своем воображении создавшего своего рода антипод благородному сословию, нисколько, однако, последнему не уступавшего ни в доблести, ни в происхождении — если граф Роланд приходился племянником Карлу Великому, то граф Гильом стал его кузеном. В образах Роланда и Гильома Оранжского воплотилось восприятие рыцарства образованными классами Средневековья и народными массами; соответственно и в дискурсе этих персонажей наблюдается разделение между куртуазней и инвективизацией (по В.И. Жельвису).

Граф Гильом говорит сочным простонародным языком, ну а будучи выведенным из себя происками врагов, — а происходит это довольно часто, фраза «Гильом чуть не сошел с ума от злости» повторяется в тексте чуть ли не рефреном, — разражается тирадами, наполненными грубыми инвективами, в которых не щадит, что называется, ни

женщин, ни детей. Вот как честит он под горячую руку, ни много ни мало, королеву Франции, некстати встрявшую в его разговор с королем:

«По меньшей мере сто попов распутных
Свои персты в твою совали ступку,
И ты ни одного из них не шуганула,
Болтливая и злая потаскуха.
Снять голову с тебя давно пора бы —
Всю Францию покрыла ты позором.
Одно ты знаешь — у огня в покоях
Цыплят с подливкой перечною лопать,
Да задирать в своей постели теплой
Повыше и понепотребней ноги.
Грешит с тобою всяк, кому охота.
А мы беремся за мечи с зарею,
Удары получаем и наносим».

[Песни о Гильоме Оранжском]

Привилегированное сословие — священники, монахи и «харистократы, нашей Франции объедалы», по выражению Кола Брюньона, даже сам папа римский — все без исключения подвергается в речах графа Гильома уничижению и насмешке. Инвективы в их адрес немногим отличаются от тех, каковыми награждаются внешние враги-сарацины: «псы», «бездельники», «мошенники», «трусливые вонючки», «шлюхины сыны» из уст бравого графа так и сыплются. Здесь эти элементы народной смеховой культуры играют роль предохранительного клапана, через который выпускается лишний пар, — осуществляется эмоциональная разрядка, воссоздающая атмосферу бахтинского карнавала.

В исландских сагах воины-поединщики обмениваются очень схожим набором инвектив — «щенок», «трусы», «собаки». Так, в «Саге о Гисли, сыне Кислого» (X в.) схватка между главным героем-изгнанником и преследующими его врагами начинается с такого обмена любезностями:

«Эйольв сказал Гисли:

— Мой тебе совет, больше не убегай, чтобы не приходилось гоняться за тобою, как за трусом. Ведь ты слывешь большим храбрецом. Давно мы с тобой не встречались, и хотелось бы, чтобы эта встреча была последней.

Гисли отвечает:

— Нападай же на меня, как подобает мужу, ибо я больше не побегу, и твой долг напасть на меня первым, ведь у тебя со мною больше счетов, нежели у твоих людей.

— Мне не нужно твоего позволения, — говорит Эйольв, — чтобы самому расставить людей.

— Вернее всего, — говорит Гисли, — что ты, щенок, вовсе не посмеешь помериться со мною оружием»[27].

[Сага о Гисли]

Эйольв, видя такую уверенность в себе Гисли, действительно не стал искушать судьбу и расставил своих людей в таком порядке, чтобы самому оказаться за их спинами; этим он сохранил свою жизнь, но не спасся от позора, ибо Гисли в одиночку уложил восьмерых из двенадцати напавших на него, снискав бессмертную славу.

Похожим образом начинается схватка между воинами Хьяльмаром и Оддом из «Саги о Хервер и Хедреке», с одной стороны, и Агантюром и одиннадцатью его братьями-берсерками, — с другой:

«[Хьяльмар] обнажил меч и выступил против Ангантюра, и каждый вслух послал другого в Вальхаллу… Одд позвал берсерков и сказал:

“Один на один сразимся,
кто тут не трус,
мужи проворные,
или храбрости мало?”»[28]

[Сага о Хервер и Хейдреке]

В Вальхалле в итоге оказались берсерки во главе с Агантюром.

«Повесть временных лет» донесла до нас два любопытных эпизода, свидетельствующих об использовании инвектив в жанре боевого вызова на территории Древней Руси. Перед сражением на р. Листвене (1016) войска Ярослава Мудрого и Святополка Окаянного три месяца стояли по обе стороны реки, не решаясь переправиться и вступить в

бой наконец, воевода Святополка стал, разъезжая по берегу, укорять новгородцев Ярослава: «Что пришли с хромцом этим? Вы ведь плотники. Поставим вас хоромы наши рубить!». Инвектива, содержащая в себе намек на физический недостаток их князя и унижение боевых качеств новгородских воинов, сыграла, однако, дурную шутку со Святополком — похвальба не на шутку раззадорила неприятеля: «Слыша это, сказали новгородцы Ярославу, что "завтра мы переправимся к нему; если кто не пойдет с нами, сами нападем на него". Наступили уже заморозки, Святополк стоял между двумя озерами и всю ночь пил с дружиной своей. Ярослав же с утра, исполнив дружину свою, на рассвете переправился. И, высадившись на берег, оттолкнули ладьи от берега, и пошли друг против друга, и сошлись в схватке. Была сеча жестокая, и прижали Святополка с дружиною к озеру, и вступили на лед, и подломился под ними лед, и стал одолевать Ярослав, видев же это, Святополк побежал, и одолел Ярослав»[29].

Другой случай инвективизации боевого вызова не принес чести и выгоды уже Ярославу. В 1018 году Святополк пришел на Русь со своим зятем и союзником польским князем Болеславом I Храбрым. «Ярослав же, собрав русь, и варягов, и словен, пошел против Болеслава и Святополка и пришел к Волыню, и стали они по обеим сторонам реки Буга. И был у Ярослава кормилец и воевода, именем Буда, и стал он укорять Болеслава, говоря: „Проткнем тебе колом брюхо твое толстое». Ибо был Болеслав велик и тяжек, так что и на коне не мог сидеть, но зато был умен. И сказал Болеслав дружине своей: „Если вас не унижает оскорбление это, то погибну одинП. Сев на коня, въехал он в реку, а за ним воины его. Ярослав же не успел исполниться, и победил Болеслав Ярослава. И убежал Ярослав с четырьмя мужами в Новгород, Болеслав же вступил в Киев со Святополком»[30].

Как видим, пустое бахвальство, соединенное с обидными инвективами в адрес неприятеля, может быть небезопасным. С одной стороны, сдержанность в ответном слове неприятеля оскорбителями принимается за его слабость, что питает ложную уверенность в собственном превосходстве, порождает беспечность и шапкозакидательные настроения в войске; с другой, — еще осмотрительные византийцы не рекомендовали увлекаться оскорблением противников, как «это в привычке у людей

невежественных»[31], чтобы не разжечь во врагах опасное желание отомстить за насмешки. Византийский полководец XI века Кекавмен особо подчеркивал, что некий протоспафарий[32] Никулица приступил к осаде Сервии только будучи уязвленным высокомерием и оскорблениями, которыми его осыпали со стен крепости ее жители и защитники. На этом историческом примере Кекавмен делал вывод: «Если враг явится осаждать крепость, отнюдь не оскорбляй его… Дело в том, что, оскорбляя его, ты приводишь его в ярость и толкаешь на коварство против тебя. Какая тебе выгода от брани и сквернословия? Более того, если ты увидишь, что кто-нибудь оскорбляет врага, заткни ему рот и пристыди его»[33].

Реальные рыцарские поединки в период Средневековья также нередко развивались в полном соответствии с эпической и литературной традицией, как это было, например, в Третьем крестовом походе (1189–1192) при осаде крепости Птолемаиды, длившейся около трех лет. «Христианские и мусульманские воины, подобно героям Гомера, вызывали друг друга на единоборство и **обременялись взаимными ругательствами…** Борцы обеих сторон прежде вступления на поприще **приветствовали друг друга речами** (выделено нами. — С.З.)»[34], — так писал об этом французский историк Г. Мишо. Эти «взаимные ругательства» не имели, конечно, ничего общего со сквернословием, о чем свидетельствует далее и сам Мишо, указывая, что бойцы «приветствовали» друг друга речами; скорее это был тот обмен инвективами, примером которого может служить приведенные выше диалоги между Тлеполемом и Сарпедоном, Бхишмой и Шихкандином, Сухрабом и Хаджиром, Армурисом и сарацинами.

Отголоском жанра боевого вызова в эпоху Нового времени может считаться полулегендарное письмо казаков турецкому султану, наполненное язвительными, пародийными инвективами, сосредоточенными в основном, в «титуле»-обращении, которые, однако, нигде не опускаются до явного сквернословия[35]. И это при том, что казаки, конечно, не могли похвастаться благородством происхождения, подобно греческим родоплеменным вождям, индийским царям или рыцарям-крестоносцам.

Художественно переосмысленное явление ритуальных перепалок на поле боя между поляками и запорожцами нашло отражение и в знаменитой повести Н.В. Гоголя:

«И крепок был на едкое слово Попович…

— Вот, погодите, обрежем мы вам чубы! — кричали им сверху.

— А хотел бы я поглядеть, как они нам обрежут чубы! — говорил Попович, поворотившись перед ними на коне. Потом, поглядевши на своих, сказал: — А что ж? Может быть, ляхи и правду говорят. Коли выведет их вон тот пузатый, им всем будет добрая защита.

— Отчего ж, ты думаешь, будет им добрая защита? — сказали козаки, зная, что Попович, верно, уже готовился что-нибудь отпустить.

— А оттого, что позади его упрячется все войско, и уж черта с два из-за его пуза достанешь которого-нибудь копьем!

Все засмеялись козаки».

[Тарас Бульба]

И. Репин Запорожцы пишут письмо турецкому султану

Здесь мы видим скорее парирование в духе непрямой коммуникации оскорбительных выпадов неприятеля, чтобы не дать прийти в уныние соратникам. Все воители испокон веку старались привести войска в бодрое настроение; вспомним Суворова: «… забавлять и веселить солдата всячески». Задолго до возникновения системы нервно-мышечного обучения Томаса Ханны было подмечено, что человек со здоровой психикой, находящийся в хорошем настроении, лучше управляет своим телом, рефлексы, помогающие адекватно реагировать на внешние раздражители, не затормаживаются под воздействием страха или боевого стресса. Вот и в приведенном примере казак Попович перед тем как отпустить шутку, сначала оглядел ряды своих и, видимо, прочитал на их лицах некоторое смущение, вызванное угрозой поляков, что и заставило его принять неотложные меры психической регуляции, как сказали бы теперь. Дружный смех товарищей свидетельствовал, что его усилия не пропали даром.

В более близкое нам время, в истории Великой Отечественной войны известна стилизация под письмо запорожцев — послание, написанное защитниками Одессы румынскому главнокомандующему маршалу И. Антонеску, в котором одесситы со свойственным им остроумием сообщали: «Не тебе с дурною головою выступать против нас войною. Огнем и мечом расправимся с тобою… Запомни, что наша Одесса, как и вся Украина, будет только советской, а не твоей, боярской. Об этом ты, фашистский холуй, и Гитлеру отрапортуй»[36]. Аналогичное письмо защитников п-ова Ханко барону Маннергейму от 10 октября 1941 года, авторство которого принадлежало поэту М. Дудину, по тону и стилю значительно грубее. Боевой комсомольский задор вкупе с безапелляционностью суждений, свойственной молодости, так и брызжет со страниц письма: «Красная Армия бьет вас с востока. Англия и Америка — с севера, и не пеняй, смрадный иуда, когда на твое приглашение мы — героические защитники Ханко — двинем с юга!»[37].

Как видим, до сквернословия дело не доходило; инвективы *холуй* и *иуда* литературного свойства, хотя советские войска в том и другом случае находились в очень тяжелых обстоятельствах, фактически в условиях осажденной крепости, окруженной превосходящими силами противника. Известны несколько вариантов стилизованных

партизанских писем Гитлеру, текст которых содержит многочисленные инвективы матерного характера, но поскольку партизанские отряды не являются регулярными воинскими формированиями, текст указанных посланий не может быть отнесен к воинскому дискурсу, и здесь не анализируется.

При обращении к собственным воинам все полководцы с глубокой древности были особенно осторожными в речах. В первом полнотекстовом документе, регулирующем правила военной речи, — византийском трактате «Rhetorica militaris» (VI в.), — говорилось: «Следует, чтобы стратег, выступая перед народом, **воздерживался от грубости и горячности** (выделено нами. — *Автд*, говоря перед слушателями как муж умелый в военных делах и искусный в том, чтобы советовать полезное и все говорящий и делающий ради спасения слушающих, как и Одиссей ругал ахейцев ахеянками, что является горячностью, не потому что проклинал, но побуждая их к мужеству»[38]. Даже в речах, которые в трактате именуются *гневными*, обращенных к потерпевшим поражение войскам, стратигу рекомендовалось не называть провинившихся воинов поименно, «чтобы слушающие не сильно огорчались», поскольку «где имеет место поношение, исчезает исправление вины»[39]. В образцовых речах, приведенных в трактате, подчиненные именуются не иначе как «прекрасные и благородные соратники».

В период ожесточенной борьбы с арабской агрессией в VII веке в византийском воинском дискурсе получила распространение молитва. Строгое следование воинов и полководцев религиозным канонам стало восприниматься непременным условием достижения военных побед. В трактате «Стратегика» (X в.) императора Никифора II Фоки подробнейшим образом расписывалась организация в армии богослужения, практически как вид обеспечения боевых действий: «Следует же командиру заранее постановить, чтобы в лагере, во время славословия и в вечерних и в утренних гимнах священники совершали после исполнения гимнов усердные молитвы, а все войско люда восклицало «Господи помилуй!» **вплоть до сотни раз со вниманием и страхом Божиим и со слезами** (выделено нами. — С.З.), чтобы никто не отваживался в час молитвы заниматься каким-то трудом… Кто же будет найден в час произнесения усердной молитвы занимающимся какими-либо делами, кто не встал и не воздал Богу

свою молитву в страхе Божием, оного с наказанием, остриженными волосами и достойной его процессией пусть понизят, опуская до незначительного чина»[40]. Эти наставления принадлежат перу не монаха, как можно подумать, а императора-воина в полном смысле этого слова, с юности жившего боевой жизнью походов и сражений. Нечего говорить о том, что в армии, в которой столь строгие наказания возлагались на всего лишь *не моливших*ся, было немыслимо какое-либо сквернословие.

Сами инвективы в адрес противников носили в византийском средневековье возвышенный характер, основываясь на персоналиях и образах священной, преимущественно ветхозаветной истории. Так, Продолжатель Феофана приводит пример некоего Андрея, по происхождению скифа (славянина), который был возведен за доблесть в борьбе с сарацинами в сан патрикия и назначен стратегом. В ответ на наглый вызов эмира Тарса, содержавший оскорбления христианской религии, Андрей обратился к иконе Богоматери и сказал: «Смотри, мать Слова и Бога, и ты, предвечный от отца и во времени от матери, как кичится и злобствует на избранный народ твой сей варвар, спесивец и новый Сеннахерим, будь же помощницей и поборницей рабов твоих и да узнают все народы силу твоей власти»[41]. Упоминающийся в речи Сеннахерим — ассирийский царь, который пытался взять Иерусалим при царе Иезекии (4 Цар. 18) выступает в речи синонимом захватчика и угнетателя.

Традиции византийского военного красноречия воплотились в древнерусском воинском дискурсе. На Руси сложился своеобразный риторический канон, которому неукоснительно следовали все князья-христиане при подготовке к битве. Начинался канон с гласной публичной молитвы военачальника перед строем и заканчивался кратким словом ободрения, обращенным к дружинникам.

Традицию следования этому канону заложил, очевидно, уже рязанский князь перед первым столкновением с татарами (1237), как изображает это «Повесть о разорении Рязани Батыем»: «И увидел князь великий Юрий Ингваревич братию свою, и бояр своих и воевод, храбро и мужественно скачущих, возвел руки к небу и сказал со слезами: «Изми нас от враг наших, Боже, и от восстающих нань избави нас, и покрый нас от сонма лукавнующих, и от множества, творящих беззаконие. Буди путь их тма и ползок». И сказал братии своей: «О

государи мои и братия, если из рук господних благое приняли, то и злое не потерпим ли?! Лучше нам смертию славу вечную добыть, нежели во власти поганых быть. Пусть я, брат ваш, раньше вас выпью чашу смертную за святые божьи церкви, и за веру христианскую, и за отчину отца нашего великого князя Ингваря Святославича»[42].

В молитве Александра Невского перед Ледовым побоищем (1242) наблюдается интересное переплетение сюжетов ветхозаветной и русской истории. «Суди меня, Боже, — воздев руки к небу, воззвал князь, — рассуди распрю мою с народом неправедным и помоги мне, Господи, как в древности помог Моисею одолеть Амалика и прадеду нашему Ярославу окаянного Святополка»[43]. Псалмы, как можно видеть и из молитвы рязанского князя, цитирующего 19-й псалом, служили основой воинских молитв. Поэтому в воинских повестях и житийных рассказах русского Средневековья встречается такое обилие ветхозаветных имен и сюжетов

Речевая деятельность русских полководцев в битве на Куликовом поле (1380), послужившей сюжетом нескольких летописных повестей и литературных произведений первой четверти-середины XV века, также демонстрирует следование указанному канону на всех этапах подготовки и развития сражения. Великий князь Дмитрий Иванович творит молитву и обращается к войску, принимая решение перейти Дон; «витийствует» накануне сражения после коленопреклоненной молитвы прямо перед черным знаменем большого полка; молится в день сражения и даже перед вступлением в схватку воинов из его ближайшего окружения.

Инвективы в военных речах в этот период немало говорят о характере и степени опасности, которые те или иные противники представляли для русских. Против западных воинов, воспринимавшихся врагами православной веры, применялись возвышенно-религиозные инвективы (народ *гордый*, *Амалик)*, в то время как инвективы в адрес монголо-татар по большей части основывались на национально-бытовом неприятии *(поганые*, *сыроядцы*, т. е. язычники, питающиеся сырым мясом).

И все же дух средневековых русских военных речей удивительно несуетен и возвышенно печален; они чем-то неуловимо напоминают народные песенные «страдания». Перед судьбоносной схваткой с вековыми угнетателями Дмитрий Иванович Донской, чутким

христианским сознанием прозревая трагизм предстоящего смертоубийства, роняет: «…нам с ними пить общую чашу, друг другу передаваемую»[44]. Аллюзия с евангельским сюжетом «моление о чаше» (Матф. 26, 39; Лука 22, 42; Марк 14, 36) не случайна. Восприятие врагов как сопричастников общей кровавой жертвы, уравнивающей всех перед Смертью, когда кажутся нелепыми земные распри и утихают страсти, характерно для средневекового русского воинского сознания. «Слово о полку Игореве» после инвектив вроде «черный ворон, поганый половчанин» также горько подытоживает: «…сватов напоили, и сами полегли».

Высокую эффективность религиозного воспитания для формирования боевого духа воинов иллюстрирует тот факт, что русские, потеряв в Куликовской битве 5/6 всего войска, выстояли и одержали победу. Причем после изнурительного сражения воины, собираясь к знаменам, «шли весело, ликуя, песни пели: те пели богородичные, другие — мученические, иные же — псалмы, — **все христианские песни** (выделено нами. — С.З.)»[45].

Даже в индивидуальном риторическом стиле Иоанна Грозного с характерной для него неожиданной сменой тональности, переходами от велеречивой убедительности к резкой язвительности и инвективам, последние редко выражаются в прямой номинации, как в его ультиматуме казанским татарам в 1552 году: «Говорю вам истинную правду для вашей же пользы, щадя вас и оберегая, ибо не кровопийца я и не сыроядец, как вы, поганые басурмане, и не рад я пролитию вашей крови, но за великую неправду вашу пришел я, посланный Богом, оружием наказать вас. И если не послушаете слов моих, то с помощью Бога моего возьму город ваш на щит, вас же всех, и жен ваших, и детей без пощады склоню под меч. И падете вы и будете, как пыль, попраны нашими ногами…»[46].

И в дальнейшем литературные источники — «Повесть о прихождении Стефана Батория на град Псков», «Приход под Троицкий Сергиев монастырь панов польских и литовских», «Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков» — не устают акцентировать внимание на удивительной сдержанности на язык русского воинства. Несмотря на «угрозы», «укоры», «насмешки» и даже «богохульные слова» неприятеля наши предки умели обуздывать себя, явно в надежде на то, что «явит нас Бог за наше смирение

христианское львами яростными перед вами, собаками»[47]. Что и происходило в действительности — сдержанность в речи позволяла аккумулировать *и*, мы бы сказали, сублимировать нерастраченный гнев воинов за оскорбления в боевую энергию, беспощадную рубку.

Первый зафиксированный в исторической литературе факт проникновения брани, понимаемой как божба и проклятия, в воинский дискурс относится ко времени Столетней войны (1337_1453) Религиозный пафос, находивший применение в эпоху Крестовых походов, на первых порах не употреблялся обеими сторонами в этом споре христиан между собою, перефразируя А.С. Пушкина. Героический пафос личной чести и воинской доблести в описываемый период до определенной степени исчерпал себя. Это было связано с тем, что война шла очень долго; призывы к доблести, что называется, «приелись» и перестали вызывать в душах воинов эмоциональный отклик. К тому же войска вынуждены были кормиться за счет населения, что на деле означало практически узаконенное мародерство и грабежи.

К 1429 году, когда Карл VII предоставил Жанне д'Арк войско для помощи осажденному Орлеану, продолжительная война привела к тому, что по выражению М.И. Драгомирова, «и войска, и начальники озверели и изразбойничались вконец»[48]. Грабеж и насилие считались делом настолько законным, что один из французских капитанов Этьен де Виньоль по прозвищу Ла Гир имел обыкновение говаривать, что «если бы Бог воплотился в воина, он стал бы грабителем»[49]. Одним из признаков полного морального разложения французского войска было повальное сквернословие, поразившее всех: от капитанов до простых солдат. «Богохульственное сквернословие составляло неминуемую приправу чуть не каждой фразы, как в нашем великорусском простонародье поминание родственников по восходящей линии», — так с юмором комментировал М.И. Драгомиров работу Ж. Мишле, посвященную Жанне.

Дева-воин сочла возможным выступить в поход только после того, как очистила армию от этой разлагающей сознание солдата скверны. По свидетельству герцога Алансонского, «Жанна сильно гневалась, когда слышала, что солдаты сквернословят, и очень их ругала, и меня также, когда я бранился. При ней я сдерживал себя»[50]. Причем сама удивлявшая Мишле легкость, с которой французские солдаты меняли

свои привычки: исповедовались, причащались, изгоняли из лагеря продажных женщин — лучше всего свидетельствует о том, что человек, даже занимающийся таким тяжелым и кровавым ремеслом как военное, всегда нуждается в пафосе, возвышающем цели войны над простым убийством.

Другой пример торжества морального духа, воплощенного в чистоте речи, можно почерпнуть из Тридцатилетней войны (1618–1648). Войну эту современники справедливо отождествляли с концом света и первой если не мировой, то всеевропейской войной, от которой Германия не могла вполне оправиться и столетие спустя. В одном из стихотворений немецкой народной литературы XVI век под красноречивым названием «Сатана не пускает больше в ад ландскнехтов» приводится (от лица нечистой силы) описание обика воинов тогдашних европейских армий.

На лицах шрамы, борода щетиной, Взгляд у них самый неукротимый. Короче, вид у ландскнехтов таков, Какими нас малюют спокон веков. В кости играли они меж собой, Вдруг крик поднялся, гам и вой. Полезли в драку, топочут, орут, Друг друга и в рыло, и в брюхо бьют. При этом так сквернословят погано, Как будто турки они или басурманы[51].

Подстать внешности и поведению был дискурс наемников, пример которого дает роман фон Гриммельсгаузена «Симплициус Симплициссимус» — энциклопедия нравов Тридцатилетней войны: «“Разрази тебя громом (право слово!), так ты еще жив, брат! Да провались ты пропадом, как черт свел нас вместе! Да я, лопни мои глаза, уже думал, ты давно болтаешься в петле!” На что тот отвечал: “Тьфу ты, пропасть! Браток! Да ты ли это или не ты? Черт тебя задери! Да как ты сюда попал? В жись не подумал бы, что тебя повстречаю; я завсегда полагал, что тебя давно уволокли черти!”»[52].

На фоне всеобщего падения нравов особенно выделялись порядки, установленные в лагере «шведского героя», «северного льва» — так современники единодушно величали Густава II Адольфа — энергичного, честолюбивого и глубоко религиозного шведского короля из династии Ваза. В его армии строго преследовались распущенность, грабежи, азартные игры, дуэли и особенно богохульство; солдат все время находился под бдительным присмотром:

«Зорю пробьют, — полк, молиться изволь: Нас на молитву выстроят рано, И так под призывную дробь барабана, День — бегай, молись, а как лопнет терпенье, С коня сам король прочтет нравоученье»[53]

Высокий строй души шведского полководца и внимание, которое он неослабно уделял воспитанию своих войск, приносили поражающие современников плоды. Лишившись практически в начале сражения при Лютцене (1632) своего главнокомандующего, шведы смогли (крайне редкий, если не исключительный случай в истории военного искусства) довести дело до победы, причем в решительный момент дрогнувшие было войска увлек за собой… королевский капеллан.

К концу Тридцатилетней войны относится и первое замечание относительно не лучших порядков, перенятых русскими от европейцев, в поисках заработков и приключений потянувшихся на русскую службу при царе Алексее Михайловиче. В уставе «Ученье и хитрость ратного строения пехотных людей», изданном в 1647 году, находим такой язвительный пассаж: «А как ныне меж иными нашими ратными людьми делается, не так как предки наши чинили, которые на недругов своих смелым и неробливым сердцем оружьем своим дерзали, руками своими смели прииматся и побеждати. А нынешние проклинанием и божбою себя хотят обороняти, мыслят и чают как у них у всякого слова не по сту клятвенных бесчинных слов, что они

тогда не ратные люди»[54]. Несмотря на то, что устав представлял собой переложение сочинения фон Вальхаузена «Kriegskunst zu Fuss», вряд ли бы переводчик стал переводить все подряд, что не имело бы отношения к современной ему русской действительности.

Нетрудно заметить, что описанные обычаи не имели уже ничего общего со средневековым воинским риторическим каноном, зато сильно напоминали порядки, распространенные в армии Священной Римской империи германской нации. Пагубное пренебрежение моральным духом, упование исключительно на численность, выучку и оснащенность, выразились в запальчивой фразе воеводы Василия Борисовича Шереметева: «При моих силах можно с неприятелем управиться и без помощи Божией!» Судьба судила ему убедиться в своей опрометчивости при оценке морального духа армии: после разгрома и капитуляции под Чудновым (1660) он 22 года провел в татарском плену. Достаточно закономерно, что многолетняя борьба русских с Речью Посполитой при Алексее Михайловиче закончилась фактически ничем, сведясь только к взаимному истощению сторон.

Устранению из жизни войск всего, что ведет к деморализации, уничтожению нравственности, препятствует доброму солдатскому поведению, укреплению субординации и дисциплины служили меры, предпринятые Петром Первым.

«Артикул воинский» (1715) устанавливал суровые наказания за богохульство, божбу и проклятия, истинные или ложные, как теперь называет их В.И. Жельвис, междометные. Тем, кто «имени божию хулению приносит, и оное презирает, и службу божию поносит, и ругается слову божию и святым таинствам» надлежало прожигать раскаленным железом язык и отрубать голову (артикул з); рисковавшему «пресвятую матерь божию деву Марию и святых ругательными словами» поносить, грозило отсечение «сустава» и казнь (артикул 4). Даже само недоносительство о таковых высказываниях преследовалось весьма сурово: лишением имущества или самой жизни (артикул 5). Легкомысленное употребление святых имен в речи, не содержащее признаков их оскорбления, наказывалось в первом случае двухнедельным заковыванием в «железа» с вычетом месячного жалованья в пользу госпиталя, в другой раз — «наказанием на теле» шпицрутенами, ну а в третий раз — каралось расстрелом (артикул 6). Употребление имени божия всуе, в божбе или клятве,

сгоряча, в сердцах или даже, заметим, от ложного рвения к службе, могло привести к денежному вычету и постановке «под ружье» в присутствии всего полка (артикул 7); если же это имело место обдуманно, в пьяном виде или со злости — то такое поведение влекло за собой вычет половины месячного жалованья и постановку на час-другой под ружье. Все указанные провинности, если они не наказывались смертью, могли сопровождаться церковным покаянием.

Особое внимание в воспитании русских войск уделялось предотвращению словесных оскорблений и искоренению брани: «От всех чести нарушительных бранных словес, брани и бесчестия имеют, как начальные люди, так и солдаты весьма воздерживатись и никого оными, хотя он солдат или нет, никаким подобием не оскорблять и не бесчестить»[55], — читаем в гл. 59 «Устава прежних лет» (1702).

Еще определеннее эта тема звучит в ст. 9 гл. 2 «Артикула краткого», предназначенном светлейшим князем и кавалером А. Д. Меншиковым для употребления в кавалерии: «Кто смрадным, а особливо самым злобственным, которое у русаков гораздо суть в употреблении своего подобного будет бранить, то бы оного явно просил о прощении»[56]. А поскольку «скверные слова великое попущение к прелюбодейству подают», то надлежало воздерживаться не только от брани, но и от скверных песен, каковое требование с еще большей определенностью было выражено в 177 артикуле «Артикула воинского» (1715): «От позорных речей и блядских (блудных, нескромных. — *Авт.)* песней достойно и надобно всякому под наказанием удержатись»[57].

Весьма характерно, что требования, касающиеся искоренения в русском войске сквернословия, прозвучали в самое напряженное время, всего через два-три года после нарвского погрома, когда, казалось бы, державные русские головы должны были бы быть заняты проблемами гораздо более материального свойства. Тем не менее, мы убеждены, что без воспитания нравственного употребления слова, без чего немыслимо и воспитание воинской чести, не могла бы состояться и Полтавская победа. О чести подчиненных заботились неукоснительно, поскольку последняя воспринималась как действенное средство предупреждения дисциплинарных проступков. Воинские статьи «Устава прежних лет» предварял эпиграф: «Чрез оружие домогаются чести»[58].

Петровская традиция сохранялась на протяжение всего времени существования русской армии. Полезно вспомнить, что А.В. Суворов, будучи еще в совсем не таких уж высоких чинах не побоялся написать 26 себентября 1770 года своему начальнику генералу И.И. Веймарну: «Осмеливаюсь Ваше Превосходительство просить, дабы меня ныне по некоторым ордерам Вашим частых суровых выражениев избавить приказать изволили»[59]. Даже в жестокое николаевское время, когда солдат без излишней рефлексии могли многократно прогонять по «зеленой улице», уделяли самое серьезное внимание предотвращению оскорблений чести и достоинства военнослужащих: «Начальник, употребивший в данных им приказах слова оскорбительные для чести подчиненных, подлежит строгому наказанию и, по важности дела,

отрешению от должности или исключению из службы»[60] — устанавливал Военно-уголовный устав 1839 года.

Такой подход приносил благие плоды. Например, в кровопролитном сражении с поляками при Остроленке (1831) понесшие тяжелые потери русские «гренадеры засели в канаве; их разделяли одно шоссе от польских войск. Никто не решался начать бой; сначала переругивались, потом начали кидаться камушками; один унтер-офицер Астраханского полка закричал: “Разве мы собаки, что в нас камнями бросают!”, вскочил, и все за ним бросились. Польские войска вынуждены были отступить»[61].

Интересно, что к особенностям военного слога автором первой русской военной риторики (1825) Я. В. Толмачевым относились *скромность* для подчиненного и *решительность для* начальствующего. Однако в решительных по тону приказах начальника не должны были слышаться «ни гордость, ни слабость; в замечаниях — ни грубость, ни колкость: гордость уменьшает должную доверенность подчиненного начальнику; слабость вредит почтению; **грубость низка и простонародна** (выделено нами. — С.З.); колкость раздражает»[62]. «Крик и угрозы только что раздражают, — как бы подтверждал его слова прославленный герой Отечественной войны генерал П.П. Коновницын в наставлении великим князьям Николаю и Михаилу Павловичам, — а пользы вам не принесут»[63].

Мемуары русских офицеров оставили множество примеров неослабного внимания к чистоте речи, выступавшей осязаемым показателем здорового морально-нравственного микроклимата в воинских подразделениях. Например, в воспоминаниях офицера Лейб-гвардии Егерского полка читаем: «Могу с уверенностью сказать, что за все мое время пребывания в полку в мирное время (1911–1914 гг.) в роте не было ни одной кражи, ни драки, ни пьянства, **ни даже ругани** (выделено нами. — С.З.)»[64]. Сквернословие офицера перед подчиненными считалось взаимным оскорблением чести и личного достоинства, и это в тогдашнем сословном обществе, в армии, где командные должности занимались представителями привилегированного класса. Мат — иначе «площадная брань», воспринимался образованными людьми как принадлежность самой площади, то есть простонародья, низшего слоя общества.

В «Записках кирасира» бывший офицер Лейб-гвардии Кирасирского Ее Величества полка В.С. Трубецкой приводит великолепную отповедь, данную командиром эскадрона юному корнету, увлекшемуся «воспитательным» процессом и допустившему в речи употребление ненормативной лексики: «Послушай, дружок, — отечески проговорил ротмистр, — когда ты непотребными словами оскорбляешь людей, одетых в ту же форму, какую носишь ты сам, ты этим оскорбляешь свой собственный мундир, а, следовательно, и тот полк, который мы все любим и обязаны чтить… Мы должны развивать в наших солдатах чувство гордости, а не унижать их. Ты можешь и даже обязан подтягивать и наказывать своих подчиненных, но оскорблять их матерным словом — это уже хамство, дружок. Ну, а теперь ступай к своему взводу и чтобы слово «мать» я от тебя больше не слышал!»[65].

Конечно, в армейских полках, разбросанных по медвежьим углам империи, отношение к сквернословию, насколько можно судить по нравам, описанным в купринском «Поединке», было несколько проще. Задавленная всегдашней нуждой армейщина, для которой единственным очагом культуры в провинциальной глухомани нередко был только железнодорожный вокзал, не особо стесняла себя ни речевым, ни прочим этикетом. И все же в этой книге, полной горького разочарования молодого офицера, находится место описанию порядков, принятых в лучшей роте полка, которая по выучке и внешнему виду не уступала гвардейской. Командир роты капитан Стельковский описан у Куприна в следующих выражениях: «…в высшей степени обладал он терпеливой, хладнокровной и уверенной настойчивостью», «он скупо тратил слова и редко возвышал голос», что закономерно приводило к тому, что «в роте у него не дрались и даже не ругались».

Конечно, были и замшелые строевые «бурбоны» по образцу капитана Сливы, или ожесточившиеся нервные «идеалисты», вроде гаршинского капитана Венцеля, но не они олицетворяли собой Императорскую русскую армию, а такие люди, как герой, к сожалению, неоконченного романа И.С. Шмелева рыцарь долга и чести капитан Бураев, которые если и не могли избавить своей жертвой Россию от зла, то смогли хотя бы спасти ее честь.

«Капитан Бураев прошел по фронту привычных лиц, следивших за ним дыханием, скомандовал — “первая шеренга… шаг вперед!” — прошел вдоль второй шеренги, останавливаясь и поправляя то выгнувшийся погон на гимнастерке с накрапленными вензелями шефа, то криво надетый пояс, деловито-спокойно замечая — “как же ты, Рыбкин… все не умеешь носить ремня!” — или, совсем обидно, — “а еще в третьей роте!” — или, почти довольный, — “так… чуть доверни приклад!” — взял у левофлангового Семечкина винтовку, потер носовым платком и показал отделенному Ямчуку зеленоватое жирное пятно, — “кашу у тебя, братец, маслят!” — сделал франтоватому взводному Козлову, которого отличал, строгое замечание, почему у троих за ушами грязь, а у Мошкина опять глаз гноится, — “доктору показать, сегодня же!”»

[Солдаты]

Прямо в соответствии с основательно нами забытым требованием нашего же Полевого устава 1912 года: «Словесные распоряжения *отдавать спокойно*»[66]. Никакого крика, ругани, грубости, или — неизвестно, что хуже — изощренно «вежливого» издевательства. Русской армии было еще очень далеко до того разгула матерщины, который стал повсеместной реальностью в не столь далеком будущем.

Даже в тяжелые годы Первой мировой войны русское командование, как показывает приказ известного впоследствии белого генерала С.Л. Маркова, боролось со сквернословием не только офицеров, но и младших командиров. Например, во время передачи позиций подпрапорщик 13-го стрелкового полка, которым командовал Марков, «употребил несколько бранных выражений»[67] по адресу подразделения сменяемого полка за оставленные в окопах грязь и беспорядок. На это немедленно последовала реакция полкового командира: подпрапорщик, несмотря на боевые заслуги, был снят с должности и арестован на семь суток, к которым своей властью добавил еще тринадцать командир дивизии.

Спору нет, нельзя сказать, что и солдаты и унтер-офицеры русской армии совсем не матерились — бессмысленно было бы это отрицать, — но важно то, что сквернословие до 1917 года получало должную оценку и отповедь со стороны командования и, если смотреть шире, со стороны образованных классов.

Глава 2

Коловращение мата в военной среде

Во второй половине XIX века с народным сквернословием велась деятельная борьба в основном священниками и мирянами Православной Церкви. Позиция Церкви была заявлена в заголовке одного из «листков», посвященного этому вопросу: «Тяжкий грех — сквернословие»[68]. Основания такой позиции остаются неизменными по сей день, — уста, которые возносят хвалу Богу в молитве не должны оскверняться произношением бранных слов: «Ни один источник не может изливать соленую и сладкую воду» (Иак. 3, 12). Слово «скверный» происходит от «скверна», которое в словаре В.И. Даля толкуется в том числе и как «все богопротивное». Другими словами, матерщина богопротивна, мерзка и непристойна — так считал В.И. Даль; так, очевидно, считал некогда и русский народ, зеркалом языка которого традиционно признается словарь.

Начало широкого распространения мата в отечественном воинском дискурсе приходится на годы революции и Гражданской войны, когда народ, отринув нормы «буржуазной» морали, без помех со стороны власти и отделенной от государства, гонимой религии предался вкушению запретных плодов.

«Искусство» сквернословия вместе с арготическими[69] выражениями в «окаянные дни» (по И.А. Бунину) вошли в разговорную речь настолько, что даже стали своеобразной визитной карточкой победившего пролетариата. «Большевизм родился из матерной ругани»[70], — не без основания полагал С.Н. Булгаков. Как это напоминает времена первой русской Смуты, когда, по свидетельству дьяка Ивана Тимофеева, ко всем прочим грехам русского народа приложилось «последнее нетерпимое зло — самовольное оскорбление каждым при ссорах лица ближнего, именно — зловонное произношение языком и устами матерных скверных слов, ибо этим они не укоряемому досаждали, а родную (мать) оскверняли своими ругательствами»[71]. Но в XVII веке русские люди

хоть осуждали этот грех, правильно связывая моральное падение народа и войска, выражавшегося порой в откровенном потворстве многочисленным самозванцам, с безнравственностью отечественных «языковредных лжевоинов», чья свирепость и разнузданность приводила в ужас самих польских завоевателей.

После 1917 года сквернословие уже не осуждалось, ибо свидетельствовало о «пролетарском происхождении», простоте обхождения и близости к народу. В общении с подчиненными особенной простотой отличались красные командиры периода т. н. «красногвардейской атаки на капитал» (1917-*1918).* Например, некий С.М. Пугачевский, назначенный начальником костромского отряда Красной гвардии, для начала терроризировал свое расхлябанное войско: «…собрал всех офицеров гарнизона и, сказав им пару теплых слов, по русскому обычаю, добавил, что если отряд мой не выступит, так и знайте, — всех перевешаю. Добровольцам, записавшимся в отряд, сказал, что кто из них не поедет — расстреляю»[72]. Подобный стиль общения, конечно, во многом определялся характером «личного состава», который сам народный комиссар В. А. Антонов-Овсеенко честно характеризовал в следующих выражениях: «…были эти ребята бравые, не умевшие находить вежливых оборотов; а иногда были это и люди недостойные — пьянчуги и тупые насильники»[73].

Однако скоро выяснилось, что такое воинство еще могло наводить ужас на безоружного «буржуя», но противостоять более-менее регулярной армии было не в состоянии. Если употребление мата в строю есть хамство, то терпение его, пусть даже и по долгу службы, — холопство. Главные душевные качества хама и холопа — низость и наплевательское отношение ко всему, что не касается шкурных интересов. Именно «шкурники» были самой распространенной инвективой в текстах приказов по Красной Армии периода Гражданской войны; с ними яростно боролось советское командование. Примечательно, что это слово было неведомо до 1917 года. Естественно, что ни из хама, ни из холопа никогда не может вырасти сознательный воин, воспринимающий воинский долг как личную ответственность за защиту своей Родины, как того впоследствии требовала Военная присяга.

Чтобы двинуть массы в братоубийственную гражданскую войну, надо было народное сознание ожесточить. Особенно изобретателен в нагнетании классовой ненависти был лучший большевистский оратор, отец-основатель Красной армии, народный комиссар по военным и морским делам Л.Д. Троцкий. Он очень любил экспрессивные выражения, особенно словечко «раздавить»; не только враги, но и свои трусы, дезертиры, изменники у него должны были быть «раздавлены», «уничтожены», «стерты с лица земли», «стерты в порошок». Глагол «раздавить» передает не только решительность действия, но и неодушевленность объекта воздействия. Раздавить можно жука, таракана, вошь — все эти представители фауны у человека обыкновенно вызывают отвращение. Когда Троцкий требовал истребить и раздавить классовых противников, он недвусмысленно низводил их до уровня насекомых и пресмыкающихся, освобождая сознание красноармейцев от мыслей о возможной ответственности за убийство и от естественного чувства гуманности по отношению к соотечественникам.

Этой же цели служило применение в пропаганде и воинском дискурсе широкого спектра инвектив. Помимо «негодяев», «трусов», «предателей», «шкурников», «изменников» и прочих «отщепенцев», по возрастанию накала чувств в речах и приказах наркомвоенмора можно расположить «врагов народа», «разбойников», «контрреволюционные банды (контрреволюционных бандитов)», «наемников буржуазии (капитала)», «белую гадину», «белогвардейскую нечисть». В особых случаях могли применяться инвективы, оперировавшие ветхозаветными персоналиями, ставшими нарицательными, как, например, в приказе № 100 от 25 мая 1919 г. карательным войскам, предназначавшимся для подавления восстания на Дону: «Каины должны быть истреблены». Но Троцкому было далеко до изощренного словотворчества многочисленных «полевых большевиков», описанных впоследствии в прозе Андрея Платонова. Чего стоит, например, инвектива из прокламации некоего амурского партизана: «Товарищи! Гнусные рептилии изолгавшейся буржуазной прессы распространяют провокационные известия о насилиях и грабежах, якобы чинимых отрядом Каландарашвили…»[74].

Однако любой боеспособной армии требуется нравственная идея — как заявил в 1920 году на диспуте в комиссии по изучению опыта мировой войны сам Троцкий. Нравственная идея для красноармейца не могла быть иной, кроме как идеей классовой, и все же опора на социально-классовую нравственность не исключала и внимание к воспитанию нравственности общечеловеческой. В характерном приказе по Красной Армии № 140 от 7 августа 1919 года Троцкий писал: **«Брань унижает человеческое достоинство, отучает человека от разумной речи, отучает его от мысли и тем самым ослабляет его боевую волю** (выделено нами. — С.З.). Командирам и комиссарам вменяется в обязанность изгонять из обихода Красной Армии безобразные ругательства, каких нет ни в какой другой стране, и всеми мерами содействовать установлению достойных форм речи и товарищеских отношений»[75].

По другую сторону баррикад наблюдалось полное единодушие с красным наркомвоенмором по вопросу о сквернословии. Текст присяги воинов дружин Святого Креста, формировавшихся в белой Сибири в июле-августе 1919 года, гласил: «Я, брат дружины Святого Креста, обязуюсь и клянусь перед Святым Крестом и Евангелием быть

верным Господу Христу, Святой Церкви и друг другу, быть трезвым, честным, **совершенно не произносить бранных слов** (выделено нами. — С.З.), не быть жестоким с врагом, к своим всей душой братораспoложенным. Аминь»[76].

В Уральском казачьем войске еще весной-осенью 1918 года был известен старик-старообрядец казак Кабаев, организовавший для борьбы с большевиками группу стариков-«крестоносцев» человек в семьдесят, которые «бород не брили, табака не курили и нехороших слов в разговорах не употребляли»[77]. Старик Кабаев, участвовавший еще в скобелевских походах, разъезжал по войскам с медным восьмиконечным крестом на груди и со старинной иконой Богоматери в руках, пел псалмы, учил нравственности казацкую молодежь и нередко ходил с ней в атаку.

Во внешности Кабаева не было ничего воинственного. «Его морщинистое лицо, окаймленное бородой, на первый взгляд не представляло ничего особенного, и только серые глаза были интересны. В них светилась бесконечная доброта, любовь и наивность… И, глядя в эти глаза, я понял, что только его доброта, любовь и вера заставляют казаков идти на смерть»[78], — так передавал свои впечатления от русского «крестоносца» хорунжий Уральского казачьего войска. Много говорит рассказ самого Кабаева об обстоятельствах его ранения в ходе наступления белых на Уральск: «… около него убили казака и как он выругал красных — «у, проклятые!» и сейчас же был ранен в ногу. Но он продолжал идти. Убило другого казака около него, и ему стало страшно; как только почувствовал он страх, так упал, раненый в другую ногу. — Никогда не ругайся, сынок, и не бойся в бою, а иди с молитвою, и Господь сохранит тебя, — закончил он свой рассказ» [79]. В понимании Кабаева, даже относительно литературная инвектива (что уж говорить о сквернословии), свидетельствовавшая о неуловимом снижении духовного настроя воина, оказалась фатальной для защищенности его Богом, или судьбой, или некой «высшей силой», тут каждый пусть судит по мере своего разумения.

Ранее эта тема еще более определенно была выражена другим казаком — знаменитым донским «стариком» Осипом Ивановичем Зубовым, в возрасте 54 лет принимавшим участие в обороне Севастополя. Любопытно, что даже внешне Кабаев и Зубов были

очень схожи; в наружности последнего также «не было ничего замечательного: небольшой рост, сухощавое старообразное лицо, серые глаза с кротким выражением, телосложение умеренное, ухватки в движениях казацкие; — один только висевший на шее большой серебряный крест, очень похожий на наперсные, очень отличал его от всех простых казаков»[80]. История этого креста замечательна: несколько таких крестов на голубой ленте императрица Александра Феодоровна с началом Крымской кампании прислала в армию для раздачи храбрецам. На кресте, кроме распятия, были по углам изображены архистратиг Михаил, Георгий Победоносец и Николай Чудотворец. На обратной стороне располагалась надпись: «Бог нам прибежище и сила, а спасение крест».

Вот как описывал Зубов обстоятельства своей первой вылазки вместе с легендарным матросом Кошкой против англичан 24 ноября 1854 года: «К счастью, все прошло так благополучно, что из нас, кроме одного убитого солдата, не оказалось даже раненого. Убитый был польский уроженец, ругавшийся перед вылазкою поносными словами. Многократно замечал я, ваше благородие, что кто ругается в сражении дурными словами, того пуля не минует»[81]. Как видим, весьма авторитетные источники убеждают нас примером своей многотрудной боевой жизни, что сквернословие в боевых условиях отнюдь не способствует продлению жизни воина.

Разумеется, Осип Зубов время перед боем проводил совсем по-другому: «Зажгу, бывало, ночью в земляной своей каморке (землянке. — С.З.) лампадку перед образом и молюсь, читая псалмы из псалтыря царя-пророка Давида. И как легко бывает на душе!.. Видя часто, как в глазах моих убивают матросов, моих знакомых друзей и товарищей, перекрещусь, бывало, и только подумаю: «Господи, уж если Ты и судил мне погибнуть вместе с ними, — об одном молю: не погуби мою грешную душу! А когда ходил на вылазки, всегда читывал: *“Живый в помощи Вышняго в кровь Бога небесного водворится* (Пс. 90. — С.З.), или *Возлюблю тя, Господи, крепосте моя”* (Пс. 17. — С.З.)»[82]. И молитва, как полагал Зубов, проводила его сквозь огонь и воду невредимым.

Отринувшим чуть более полувека спустя «опиум народа» красным бойцам и командирам такие проверенные временем средства, конечно, не подобали. Но их вожди скоро почувствовали, что на матерщине

боеспособную армию рабочих и крестьян не построишь. Упомянутый выше приказ наркомвоенмора Троцкого правильно определял характер вреда, который сквернословие наносит личности: ее **рациональному, логическому мышлению, нравственности и воле.**

Отсутствие серьезной аналитической работы мысли и навыка ее грамотного выражения дорого обошлась Красной армии. Анализируя речевую деятельность советских военачальников в период Советско-польской войны (1920), в разработке для академии РККА комдив А.М. Перемытов отмечал: «…особенно поражает неумение кратко, четко, ясно формулировать мысли в оперативных документах даже в высших штабах»; ненужное многословие, по мысли Перемытова, пагубно отразилось на итогах наступления Красной Армии на Варшаву, когда многочасовая дешифровка директивных документов съела время, необходимое для контрманевра для парирования удара поляков, приведшего к катастрофе советского Западного фронта. Заканчивал свое исследование Перемытов фразой, справедливость которой с трудом воспринимается некоторыми и сегодня: «Нужна военным работникам культура слова»[83]. Культура слова как свидетельство общей культуры и развития личности действительно способно приравнять перо к штыку, ибо война есть в первую очередь противоборство человеческих воль и интеллектов и только во вторую — более или менее организованное применение оружия. Слово — маркер силы духа бойца: его спокойствия и хладнокровия, уверенности в собственных силах, превосходства над неприятелем.

Нравственность советских военных, выражающаяся в достойных формах речи и товарищеских отношениях, подверглась серьезному испытанию с началом Большого террора 1937–1938 годов, когда признавать не то что дружбу, но простое хорошее знакомство с опальными сослуживцами стало опасным. На заседании Военного совета 1–4 июня 1937 года, открывшего виток сталинских репрессий против командного состава армии и флота, советские военачальники усиленно демонстрировали лояльность власти, соединенную с неприкрытой агрессивностью по отношению к вчерашним друзьям и товарищам. Например, комдив Н.Н. Криворучко грубо помянул своего бывшего начальника — командующего Киевского военного округа И.Э. Якира, объявленного «врагом народа», такими словами: «Якир — это сукин сын и, если нужно, несмотря на то, что я с ним проработал

16 лет, я сам возьму его за горло и придушу как жабу»[84]. Обилие инвектив самого площадного свойства — «сволочей», «мерзавцев», «подлецов» и пр., — витавших на заседании Военного совета, свидетельствовало о кризисе как речи, так и сознания советской военной элиты предвоенного периода.

Раскручивавшаяся с этого памятного заседания шпиономания и ненависть к «врагам народа» имела результатом резкое огрубление советского воинского дискурса. В ходе боев на озере Хасан (1938) заявления красноармейцев с просьбами принять их в партию и комсомол содержали мотивы борьбы с «гадами — японским самураями», «фашистскими гадами», «японскими бандитами», «нечистью» и «налетчиками». Широко цитировался пассаж о «грязной самурайской ноге», осмелившейся ступить на священную территорию советского государства, «неумных соседях» и проч. Самая распространенная инвектива — «гады» — выражение совершенно новое для отечественного воинского дискурса — потом перекочевало на поля сражений Великой Отечественной войны.

Не призывы к благородному подвигу и героизму, а разжигание ненависти к врагу становились доминантой воспитания советских войск. Противник совершенно лишался каких-либо человеческих черт, запечатлеваясь в сознании красноармейцев и командиров образами самых отвратительных и нечистых животных и пресмыкающихся, что, конечно, психологически чрезвычайно облегчало задачу его беспощадного истребления. Вот как, например, описывал преследование японцев во время штурма сопки Заозерной 6 августа 1938 года командир танковой роты старший лейтенант М. Сирченко: «Перед нами была не отступающая армия, а огромное стадо обезумевших зверей, спасающихся от лесного пожара. Надо было беречь боеприпасы, и я подал по радио команду экипажам танков:

— Не расходуй зря патронов. Дави врага гусеницами»[85].

Речи советских командиров и политработников стали отличаться злобной агрессивностью. «Бойцы, командиры и политработники корпуса в борьбе с обнаглевшей самурайской сволочью проявили исключительное мужество, героизм и беспредельную преданность родине, — говорилось, например, в обращении командно-политического состава 39-го стрелкового корпуса, изданном сразу по окончании боев у озера Хасан. — Враг дорого поплатился за гнусную

попытку сунуть свое свиное рыло в наш советский огород. Мы должны помнить, что самурайская сволочь не отказалась от борьбы с нами, она будет искать наши слабые места, чтобы попытаться нанести новый удар»[86]. Такое обилие грубых инвектив особенно нехарактерно для жанра благодарственного приказа, роль которого формально играло обращение.

Преодоление нравственного закона было успешно отработано большевистской пропагандой еще в годы Гражданской войны; в репрессиях и военных конфликтах 30-х гг. оно получило новое направление, основанное на воспитании уже не классовой, а *зоологической* ненависти.

Ненависть, однако, редко бывает однонаправленной. Это истерическое состояние психики трудно контролировать и каналировать в заданном направлении — на врага. Жертвами всеобщего ожесточения значительно чаще становятся боевые товарищи и сослуживцы, особенно если они по долгу службы не могут ответить на грубость и оскорбления. Не случайно в ходе работы Главного военного совета (апрель-май 1940 года), обсуждавшего итоги тяжело сложившейся для нас Советско-финляндской войны (1939-194°) военачальники высшего ранга (например, Д.Г. Павлов, К.А. Мерецков) в один голос говорили об отсутствии товарищеского, доброжелательного отношения между военнослужащими. Но без взаимного уважения командиров и подчиненных не могло быть и речи о добросовестном исполнении приказов, повиновения не за страх, а за совесть, независимо от ранга и служебного положения, — участники совещания были единодушны в том, что «такой разболтанности и низкого уровня дисциплины нет ни в одной армии, как у нас»[87].

Укрепление института единоначалия, ставшее стрежнем «военной идеологии» Красной Армии в последний предвоенный год, дало рецидивы в виде ужесточения форм социальной коммуникации в армии и на флоте, ввиду относительно невысокого культурного и образовательного уровня основной массы командиров, красноармейцев и краснофлотцев. На совещании Главного военного совета ВМФ СССР в докладе наркома Н.Г. Кузнецова об итогах боевой подготовки 1940 года и задачах на 1941 год прозвучали тревожные нотки: «С поднятием требовательности у нас параллельно возникла грубость. Я считаю, что грубость не имеет ничего общего с

требовательностью. **Кое-где появился в употреблении мат** (выделено нами. — *Авт.).* Когда начали греть за невыполнение приказаний, то у нас появились люди, которые дают глупые приказы и говорят — все равно выполнишь. Разве не дико, когда командир объясняет бойцу, что теперь, если прикажу, то из подметки котлету сделаешь. Это самодурство, а самодурство ничего общего с требовательностью не имеет»[88].

Вслед за распущенностью в слове неизбежно распускаются руки — об этом говорили высокопоставленные политработники на совещании руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 года. Тот же Л. Д. Троцкий в свое время отмечал методические особенности воспитательной работы «комиссаров в пыльных шлемах» периода Гражданской войны: «…некоторые коммунисты говорили мне откровенно: «Я его рукояткой по зубам!»[89]. Теперь же член Военного совета (ЧВС) Закавказского военного округа корпусной комиссар Я.А. Доронин признавал, что «мы имеем отдельные случаи мордобития», а ЧВС Киевского особого военного округа корпусной комиссар Н.Н. Вашугин цитировал некоего командира части, который на совещании младших командиров интерпретировал требования Дисциплинарного устава следующим образом: «Видишь, что койка не заправлена, вызови этого красноармейца и дай ему в зубы»[90]. В армии имели место и совершенно дикие случаи, например, один замполит разъяснял подчиненным что «теперь можно бить красноармейца чем попало»[91], и даже заботливо указывал, чем именно можно бить — ломом, топором и т. д.

Воспитанию сознательности, воли, стойкости, доблести и чести у военнослужащих это, конечно, не способствовало. В тяжелые дни 1941 года кризис общественного сознания закономерно отражался в формах и содержании воинского институционального дискурса: «Нецензурная брань стала неотъемлемым атрибутом Красной Армии, — это одно из многих свидетельств участников войны. — Брань была одним из дополнительных средств унижения и морального подавления — необходимым для того, чтобы держать людей в повиновении. Страшные, часто кощунственные ругательства сыпались со всех сторон, как из рога изобилия»[92]. По наблюдению автора, из 100 слов одного из его командиров не менее 65 составляли бранные. «Кругом

мат, жестокость и черствость»[93], — так характеризовал сержант Н.Н. Никулин моральную атмосферу в начале войны.

Неудивительно, что часть военнослужащих Красной Армии разбегалась, предпочитая в сложившихся условиях заботиться о себе самостоятельно. «Большая часть потерь падала на пропавших без вести, — свидетельствовал генерал А.В. Горбатов, — меньшая часть — на раненых и убитых (главным образом командиров, коммунистов и комсомольцев)»[94]. Участник тех летних боев танкист И.Л. Деген более определенно говорил, что с началом войны «началось повальное дезертирство»[95], а ветеран Гражданской войны, воевавший в Испании и Финляндии, кадровый командир-артиллерист И.Я. Кузнецов многозначительно записывал во фронтовом дневнике 31 июня 1941 года: «Положение серьезное, пехота слабо сопротивляется — бегут, бросая все по пути, вплоть до сапог»[96].

В немецких газетах того времени писали, что «отрицательной стороной подготовки русского наступления является также и то, что еще задолго до его начала слышатся крики, шум, ругань. Тем самым русские предупреждают нас о готовящейся атаке и дают нам возможность подготовиться к ее отражению»[97]. Вот и оглашали поле боя «хриплый вой и густая матерная брань, пока пули и осколки не затыкали орущие глотки»[98], — с болью вспоминал Н.Н. Никулин бесплодные кровавые атаки 1942 года, в которых, не считаясь с потерями, передавали в «наркомзем»[99] целые поколения русских людей, недостаток в которых так остро переживается нашей страной сегодня.

В Красной армии на долгое время забыто было удивительно точное наблюдение М.И. Драгомирова: «У иных грубость считается силой характера. Там, где человек привык всего бояться, где его энергия притуплена, самостоятельность преследуется, как нечто вредное, там он по необходимости будет бояться и неприятеля; не настолько, может быть, чтобы бегать от него при первой стычке, но настолько, чтобы носить вечно с собой язву нравственного убеждения в невозможности его победить»[100]. Забыта была и уничтожающая характеристика ругателей и сквернословов известного военного теоретика А.Е. Снесарева: «Грубияны чаще всего трусы, а дерзость служит им ресурсом, заменяющим отсутствующее нравственное влияние»[101].

Сквернословием и рукоприкладством дело, однако, не ограничивалось. Подавление личности подчиненного при помощи грубости, брани и кулака есть только первые шаги на пути морального падения военного руководителя, за которыми закономерно следует применение оружия. В начале войны самому председателю Государственного комитета обороны (ГКО) И. В. Сталину пришлось предпринимать меры по ограничению распространения бессудного насилия и необоснованного применения оружия командным составом Красной Армии. Приказ № 0391 от 4 октября 1941 года «О фактах подмены воспитательной работы репрессиями» требовал восстановить в правах метод убеждения и «разъяснять начальствующему составу, что самосуды, рукоприкладство и **площадная брань**[102]**, унижающая звание воина Красной Армии** (выделено нами. — С.З.), ведут не к укреплению, а к подрыву дисциплины и авторитета командира»[103].

Меры верховного командования несколько снизили масштабы бессудной расправы, однако использование метода убеждения нередко подкреплялись рукоприкладством до самого конца войны, особенно в боевых частях (пехота, танковые войска) на переднем крае. «Расстрельные» аргументы 1941–1942 годов сменили в 1943–1944 годах аргументы «палочные». Об этом имеется масса свидетельств ветеранов, как, например, воспоминания Героя Российской Федерации генерал-лейтенанта В.П. Брюхова о «риторике» маршала Г.К. Жукова во время трудных боев 5-й гвардейской танковой армии за г. Золочев (Украина) в 1944 году: «Командный пункт потрясала отборная брань: “Трус, подлец, негодяй, ничтожество…”. Маршал размахивал перед носом комкора палкой и казалось вот-вот его ударит. Натешившись и доведя командира до невменяемого состояния, маршал на прощание махнул палкой и пригрозил: “Не возьмешь Золочев — сниму с должности, отдам под трибунал”»[104].

Николай Яковлевич Кузнецов записывал во фронтовой дневник 15 февраля 1942 года: «Встретился с генералом Вахитовым (ген. л-т Ф.И. Вахитов — С.З.). Я думал — будет генералом, хоть ругаться матом не будет, нет, все равно кроет, невзирая на ранги и чины»[105].

Николаю Николаевичу Никулину довелось подслушать в каком стиле общался по линиям связи с командирами дивизий (!) его командарм И.И. Федюнинский: «“Вашу мать! Вперед!!! Не продвинешься — расстреляю! Вашу мать! Атаковать! Вашу мать!.. ”»[106]. Приведем еще одно высказывание фронтовика Великой Отечественной: «Новый командир дивизии обладал неподражаемой способностью всех и вся крыть трехэтажным матом. Особенно свирепствовал во время неудачных боев: **создавалось впечатление, что ругательствами [он] пытается прикрыть отсутствие собственных военных знаний** (выделено нами. — С.З.)»[107]. Разгадка главной причины зла, правильно вскрытой автором записок Д.

Коробковым, заключается в отсутствии военных знаний — вот что заставляло морально подавлять людей отдельных представителей офицерского корпуса в годы войны и заставляет прибегать к этой практике и поныне. В том и состоит объяснение феномена коловращения мата в военной среде и одновременно заключается его главная опасность, что большие и малые начальники, практикующие такую форму речевой коммуникации, как правило, бывают связаны одной общей чертой — профессиональной некомпетентностью. Именно поэтому большие невежды так склонны подавлять, а малые — так готовы терпеть подавление с тем, чтобы впоследствии еще грубее отыграться на тех, кто по правилам субординации не может ответить аналогично.

Грубость, некультурность и «орательские» приемы командующих неминуемо приводили к безынициативности, «тупости» и «нерадивости» подчиненных, на которых за это отыгрывались вдвойне, уже на всех законных основаниях. «Во фронте создана такая атмосфера, — отмечалось в материалах комиссии ГКО по Западному фронту, образованной после одиннадцати безрезультатных наступательных операций в Белоруссии с октября 1943 года по апрель 1944 года, — и люди так воспитаны, что боятся ставить перед командованием фронта вопросы о недостатках»[108]. Но как было подчиненным ставить эти вопросы, если на служебных документах рука командующего фронтом генерала армии В.Д. Соколовского безапелляционно чертила: «Цена документа очень ничтожная, даже в хороший базарный день»; «Вранье!»; «Глупое вранье»; «Писатель совершенно не понимает боя»; «Слова и не больше!» Изощренная язвительность тона генерала достигала только одного — уничтожения самостоятельного, творческого мышления офицеров, что искупалось большой солдатской кровью.

Обратную картину мы можем наблюдать в полководческой и риторической практике одного из лучших советских военачальников Великой Отечественной войны маршала К. К. Рокоссовского. Генерал армии П.И. Батов отмечал, что общение с ним «создавало **удивительно приятную рабочую атмосферу** (выделено нами. — С.З.), когда не чувствовалось ни скованности, ни опасения высказать свое суждение, отличное от суждения старшего. Наоборот, каждому хотелось смелее думать, смелее действовать, смелее говорить»[109].

Высокая культура начальника зримо способствовала проявлению чувства ответственности и творческой инициативы у подчиненных. Именно прекрасные человеческие качества маршала К. К. Рокоссовского, проявлявшиеся в коммуникативных качествах его речи, обеспечивали высокую эффективность работы его штаба: «Люди его любили, они к нему тянулись, в результате перед командующим был всегда открыт неиссякаемый родник боевого творчества»[110]. Видимо, поэтому маршал отмечал: «Нет худшего в Красной Армии преступления, кроме измены и отказа от службы, как рукоприкладство, матерщина и грубость, то есть случаи унижения достоинства человека»[111]. Заметим, что приказы и прочие штабные документы фронтов, которыми командовал К. К. Рокоссовский, отличаются наибольшей смысловой завершенностью и стилистической чистотой.

Один из лучших советских командующих армиями в годы войны генерал А.В. Горбатов писал: «Мне всегда казалось вредным для дела, когда начальник с руганью обрушивается на подчиненных за предложенное неверное решение. Нет, не ругать, не наказывать нужно в таких случаях, а поправлять, помогать, учить. От этого куда больше пользы!»[112].

Сопоставим факты: о необходимости воспитания офицерской чести, как гарантии *нравственного* влияния военных руководителей, в СССР заговорили только в 1943–1944 годах — до этого честь считалась атрибутом царского или белого «офицерья», — и именно эти годы стали периодом коренного перелома в войне, когда победа начала склоняться на нашу сторону.

Не следует, конечно, думать, что грубость и сквернословие были свойственны исключительно советским военачальникам. В высшем эшелоне командования американской армии в годы Второй мировой войны этими качествами речи очень отличался, например, генерал Дж. Паттон.

Речи Паттона перед солдатами и офицерами были обычно колоритны. Так выражались, наверно, кондотьеры, командиры ландскнехтов или генералы разношерстных воинств эпохи Тридцатилетней войны. Еще в Америке, выступая перед солдатами 9-й дивизии, он вещал, низводя на немцев казни египетские: «Мы изнасилуем их женщин, разграбим их города и сбросим трусливых сукиных сынов в море»[113]. Неудивительно, что Паттона сопровождала по фронтам кличка «Кровь с Потрохами».

Сам Паттон лично никого насиловать не собирался, как не стал бы резать глотки неприятелю, но **он ошибочно полагал, что занятие военным *ремеслом* предполагает сознательное огрубление души.** Это заблуждение, как правило, питающееся фильмами о войне не очень высокого художественного достоинства, не изжито у иных военных руководителей по сей день.

В Африке после принятия командования 2-м американским корпусом именно так он старался сформировать боевой дух в своих солдатах; очевидец вспоминал, что «все слова не годились для печати. Передать сказанное им в его выражениях, полных непристойных сравнений, позерства, честолюбия, сумасбродных суждений и проч., все равно никому не под силу»[114]. Схожие приемы Паттон демонстрировал, накачивая боевым духом солдат и офицеров 82-й воздушно-десантной дивизии перед высадкой на Сицилию (операция «Хаски»): «Генерал использовал терминологию, применяемую для описания половых актов. Он демонстрировал большое знание вопроса, особенно подчеркивая, что нужно делать, когда мы зайдем противнику в тыл… Я (командир полка. — *Авт.)* порой чувствовал себя неловко, и меня не покидало ощущение, что некоторые из наших солдат испытывали подобные чувства»[115]. По крайней мере, ближайший помощник Паттона в Тунисе генерал О. Брэдли отмечал, что тот «считал неприличную брань самым лучшим средством общения с солдатами. Если некоторые и были в восторге, когда он применял с изумительной оригинальностью свои знаменитые бранные выражения,

большинство людей, на мой взгляд, чувствовали себя скорее шокированными и оскорбленными»[116].

Установка Паттона на эмоциональное заражение аудитории, чтобы *произвести впечатление*, понятна. Однако приведение солдат в бодрое *настроение* — лекарство сиюминутное, напоминающее мгновенное действие сильного обезболивающего. Оно снимает симптомы, но не устраняет причину, говоря медицинским языком. Все, на что мог рассчитывать генерал, говоря языком сержанта, — что его забористые словечки и выражения станут муссироваться в солдатской массе, способствуя возникновению «культа личности» командующего, покоящегося на иррациональной уверенности, что с этим отчаянным рубакой нигде не пропадешь. Впрочем, в этом он был не одинок. Сам главнокомандующий союзными силами в Европе генерал Д. Эйзенхауэр, во время инспекционных поездок «ругался, как сержант», что, по словам его биографа С. Эмброуза, нравилось солдатам[117]. В последнем случае представляется, что солдатам больше приходилось по душе, что четырехзвездный генерал не чурался близкого общения с подчиненными, что «он всегда умел увидеть в рядовом личность»[118], а уж какими словечками интеллектуал Айк сыпал, подлаживаясь под их язык, было делом второстепенным.

Имидж Паттона стремился укрепить представление о суровом техасском рейнджере; внешне он был очень узнаваем: кольты, отделанные перламутром, широчайшие бриджи с высокими кавалерийскими сапогами, лакированная каска, — все эти аксессуары ярко подчеркивали его индивидуальность. Восприятию «образа оратора» способствовали вступительные слова начальников частей, перед которыми разворачивался спектакль Паттона. Так, например, предварял его речь перед началом операции «Оверлорд» генерал Симпсон: «Вот мы собрались послушать великого человека. Человека, который поведет нас на встречу с тем, что нам предстоит, как герой, как искусный полководец, умеющий видеть все наперед»[119]. После промоушена всем присутствующим должно было стать ясно, что они слушают речь настоящего американского героя, а не «бестактного, психованного, неотесанного солдафона с одноклеточным мозгом незрелого юнца»[120].

Такое восприятие Паттона не было редкостью. Это обязательно надо иметь в виду адептам стиля общения с подчиненными на уровне «телесного низа», по изящному выражению М.М. Бахтина. Ясно, что наилучший эффект подобные речи должны были давать при выступлении перед молодыми необстрелянными солдатами, принимавшими позу генерала за чистую монету. Кстати, на Сицилии Паттон настолько прочно вошел в роль, что отвесил оплеуху солдату, страдавшему от боевой психической травмы. Это едва не стоило генералу карьеры.

И все же не парни типа Паттона составляли костяк офицерского корпуса американской армии в годы Второй мировой войны. Как правило, на командные должности попадали представители элиты американского общества, получившие прекрасное образование, воспитанные в духе пуританской морали, настоящие «офицеры и джентльмены», вроде Д. Эйзенхуэра и Д. Макартура. Умение держать себя в руках всегда было визитной карточкой джентльмена. «Презирать опасность, не струхнуть под огнем, — писал А. Моруа, — в их глазах это даже не свидетельство мужества, а просто признак хорошего воспитания… Преувеличение они считают худшим из пороков, а холодную сдержанность — признаком аристократизма»[121]. Именно такие качества обнаруживает генерал Каммингс — один из героев романа Н. Мейл ера — американского писателя, участника Второй мировой. Когда тропическая буря, обрушившаяся на остров, на котором оперировала против японцев его дивизия, смела коммуникации и уничтожила линии связи, Каммингс, кажется, один не потерял самообладания и твердо, по наблюдению его адъютанта Хирна, взял в руки управление войсками:

> «Эта буря буквально пришибла всех офицеров, генерал же не поддался ей, не потерял целеустремленности. Он произнес перед солдатами очень вежливую и очень сдержанную, но воодушевляющую речь как раз в тот момент, когда они только и думали о том, как бы поджать мокрые хвосты да спрятаться в каком-нибудь укрытии…. По тону, каким говорил генерал, по его вежливости Хирн чувствовал, что его мысли сосредоточены на одном: как восстановить положение на линии фронта, какие меры принять предстоящей ночью. Эти мысли делали Каммингса

совершенно иным человеком, как бы превращали его в кончик нерва, настойчиво ищущего объект для действий.

Теперь генерал принимал решения совершенно свободно и быстро, и они, как он полагал, были четкими и ясными. Более счастливым и довольным, чем в этот момент, Каммингс чувствовать себя не мог бы…. Краем глаза Каммингс успел заметить, что присутствовавшие при разговоре капитан и рядовой артиллерийской батареи смотрели на него с благоговением».

[Нагие и мертвые]

Люди очень хорошо ощущают в других силу духа, превосходящую меру, обыкновенно отпущенную среднему человеку. Неудивительно, что такие начальники вызывают восхищение, их уважают, перед ними преклоняются, их морально-психологический авторитет практически не нуждается в подкреплении должностными полномочиями, что позволяет им смягчить жесткие субординационные формы общения с подчиненными. В результате, последние не испытывают обезличивающего давления дисциплины, которая всегда в большей или меньшей степени есть форма насилия над личностью, и повинуются скорее за совесть, нежели за страх.

В мемуарной и художественной литературе сквернословие сержантского состава американской армии овеяно легендой. У всех, наверно, в памяти лихие выражения сержанта Магвайра из повести Р. Фленагана «Черви» или сержанта Хартмана из фильма Стэнли Кубрика «Цельнометаллическая оболочка». Последнего со знанием дела сыграл Ли Эрми, сам в прошлом «эс-ин»[122], ветеран войны во Вьетнаме, произведенный, кстати, комендантом морской пехоты в следующий чин в знак признания его заслуг в работе над ролью, — факт, красноречиво свидетельствующий, что персонаж вышел, что называется, жизненным.

В то же время нельзя не отметить, что и Магвайр и Хартман списаны с прототипов периода войны во Вьетнаме, когда в воспитании американских военнослужащих господствовала, так называемая утилитарно-технологическая парадигма[123], в соответствии с которой в ходе боевой подготовки психика солдата подлежала

целенаправленной десенсибилизации (огрублению, обесчувствливанию), с тем чтобы впоследствии оказаться способной вынести сверхнагрузки и травмирующие факторы боя.

Корни данного подхода надо искать в практике подготовки войск в годы Второй мировой войны, когда американцы столкнулись с необходимостью быстро развернуть многочисленную армию в условиях дефицита подготовленного в предвоенные годы резерва.

Вот как с присущим ему юмором описывал соответствующие порядки в Корпусе морской пехоты США Роберт Леки, активный участник боев с японцами на островах Гуадалканале, Новой Британии и Пелелиу: «Сержант-ганни[124], ставший нашим «пастухом», быстро расставил все на свои места. Сочные ругательства, к которым мне еще предстояло привыкнуть, срывались с его губ и текли непрерывным потоком, словно он всю жизнь только и практиковался в этом занятии… На стрельбище я впервые получил возможность в полной мере оценить способность морских пехотинцев к ругани. Отдельные проявления этого самобытного, виртуозного мастерства проявлялись и в бараке, но это было ничто по сравнению с всеобъемлющим богохульством и вопиющей непристойностью, которые мы наблюдали на стрельбище. Здесь были сержанты, которые не могли произнести и двух фраз, не вставив между ними ругательства или не призвав на чью-нибудь голову проклятия. Слушая их, мы не могли не содрогаться, а самые религиозные из нас начинали пылать от гнева, мечтая вцепиться в глотки богохульникам.

Очень скоро нам предстояло к этому привыкнуть, да и самим начать грешить тем же. Позже мы поняли, что все это — показная бравада, а вовсе не наступательное оружие. Но вначале мы были шокированы. Как можно было из обычных проклятий, пусть даже самых свирепых, создать целое искусство? Это не была злобная хула, стремление очернить, облить грязью. Обычная ругань, сквернословие, богохульство, не слишком грозное, зато удивительно разнообразное.

Первым всегда было слово. Уродливое слово, состоящее всего лишь из четырех букв, которое люди в форме трансформировали в самостоятельную часть мира лингвистики. Это был предлог, дефис, гипербола, глагол, существительное, прилагательное, даже, пожалуй, союз. Оно было применимо к еде, усталости и метафизике. Оно использовалось везде и не значило ничего, по сути своей

оскорбительное, оно никогда не применялось по прямому назначению. Оно грубо описывало половой акт и никогда не использовалось, чтобы описать его в действительности. Низкое, оно означало возвышенное, уродливое — характеризовало красоту. Это слово входило в терминологию бессодержательного, но его можно было услышать от священников и капитанов, рядовых 1-го класса и докторов философии. В конце концов, имелись все основания предположить, что, если нашу беседу услышит посторонний человек, не слишком хорошо знающий английский язык, он легко докажет путем несложных подсчетов, что это короткое слово — определенно то, за что мы сражаемся»[125].

Общий принцип понятен: чтобы сделать своих подопечных жесткими, как гвозди, сержанты погружали их в атмосферу очень жесткой коммуникации, в изобилии используя при этом слово, аналогичное существующему в русском языке, универсальность употребления которого так тонко подметил Ф.М. Достоевский.

Видно, что сквернословие сержантов не носило характер инвективы, — скорее, за ним стояло стремление шокировать новобранцев, вырвать их из привычных норм речевого поведения, чтобы продемонстрировать, что прежняя мирная жизнь на «гражданке» закончилась, и они вступили на «harm’s way» — путь зла, который закончится бескомпромиссным столкновением с врагом не на жизнь, а на смерть. Упрощение, даже сужение сознание, достигаемое посредством сокращения лексикона нормального обыденного языка, призвано было облегчить морпехам фиксацию сознания на единственной цели — выжить любой ценой. И это сержантам с успехом удавалось. Однако им следовало бы иметь в виду, что сужение сознания ограничивает адаптационные возможности психики, которые на войне играют существенно более важную роль, нежели жесткость, чреватая ригидностью психики. Образно говоря, ожесточенное сознание подобно старой ели, которую ураган безжалостно выворачивает вместе с неглубокой корневой системой, а лабильную психику с богатым потенциалом адаптации — молодой березке, хоть и клонящейся до земли под порывами ветра, но снова и снова выпрямляющейся, успешно противостоя стихии. Как говорил, цитируя Лао-цзы, герой фильма А. Тарковского «Сталкер»: «Когда человек родится, он слаб и гибок, когда умирает, он крепок и черств». Немногим друзьям Роберта Леки, несмотря на всю их «крутизну» и

брутальность, довелось пережить ад на островах, убедившись в справедливости этой восточной мудрости.

Стоит обратить внимание на заключительные слова Леки, из чего можно сделать вывод, что простые американские парни, надевшие форму по призыву своей страны, не очень-то представляли себе, почему и за что конкретно им придется убивать «япошек». Мотива мести за Перл-Харбор явно недоставало; такого рода стимулы годятся только пока не засвистят пули. Об этом свидетельствуют книги Нормана Мейлера, Джеймса Джонса и даже в какой-то степени Энтона Майера. Сам Леки признает это, говоря, что «без понимания причины (войны. — С.З.) мы становимся язвительными… Нам приходилось смеяться над собой, иначе, оказавшись в самом центре безумной механической бойни, можно было сойти с ума»[126]. Язвительное остроумие, наполненное непристойностями, было характерно и для немецких солдат Второй мировой, о чем свидетельствуют мемуары их ветеранов. Оно представляло собой попытку избавиться от навязчивой неопределенности истинных ценностей, помимо ценностей корпоративных, вроде фронтовой дружбы и воинского братства, за которые стоит забирать жизнь и жертвовать собственной. Тот же Роберт Леки пришел к идее жертвенности военной службы, только испытав сначала тяжелую контузию, а потом и шок от всеуничтожающей мощи ядерного взрыва, перечеркнувшего все, что первоначально ценилось молодым парнем: чести, доблести, стойкости, силы — приобретенных на войне качеств, которые помогали ему выжить и возвышали в собственных глазах его личность и смысл его борьбы.

Насколько ожесточающее душу сквернословие могло и может заменить возвышенные цели войны, питающие сознательную работу духа воина? Думается, что не вполне, иначе бы не была столь печальной статистика боевых психических травм американцев в годы Второй мировой, когда в отдельные периоды количество пострадавших превышало количество призываемых под знамена, и не погибло бы вследствие ПТСР почти в три раза больше ветеранов Вьетнама по сравнению с тем, сколько жизней унесла та непопулярная война. Да и последние события, связанные с выводом американских войск из Афганистана и Ирака, свидетельствуют, что не только непомерные расходы, но и психологические издержки войны

превысили разумный предел: количество пострадавших от ПТСР в этих войнах доходило в отдельные периоды до 15–17 %. И это при том, что в подготовке военнослужащих США утилитарно-технологическая парадигма на рубеже веков сменилась духовно-практической, ориентированной на расширение возможностей психики, овладение навыками саморегуляции, воспитание благородства, достоинства, уравновешенности, самообладания, сострадания, уважения к другим и прочих привлекательных качеств.

Вернемся к любезному отечеству. Все написанное здесь о сквернословии и грубости командиров и начальников как о свидетельстве их профессиональной некомпетентности, неумении владеть собой или стремлении статьи «ближе» подчиненным в меньшей степени у нас приложимо к рядовому и сержантскому составу. Тут можно говорить о распространении в армейской и флотской среде сквернословия как о следствии недостаточной морально-психологической устойчивости людей, не получивших полноценного образования и воинского воспитания.

На передовой и в ближайшем тылу солдатский мат служил средством эмоциональной разрядки. «Вообще-то тяжело на войне без крепкого словца, — это простодушное признание из дневника старшего сержанта В.И. Ермоленко. — Особенно нередко они вырываются в адрес фрица. Загнешь иногда в три царства и три государства, и в центр мирового равновесия, и на душе сразу станет легче»[127]. Конечно, фрицу такое облегчение души советского солдата никакого вреда не приносило. Попутно отметим, что в приказах высшего советского командования начального периода войны как только ни честили упомянутого фрица: «фашистской сволочью», «гнусным врагом», «фашистскими мерзавцами и разбойниками», «бандой злодеев», а уж Гитлера и вовсе — «людоедом» и даже почему-то «кровавым черносотенцем» (!). «Обнаглевший враг», однако, неуклонно продолжал продвигаться к Москве. И только когда советская пропаганда и советская военная риторика заговорили суровым и честным, свободным от ненависти к врагу, но исполненным любовью к Родине и ее святыням языком, тогда медленно, но верно мы начали вращать землю сапогами, по выражению В.С. Высоцкого, на Запад.

Ситуация со сквернословием советских военнослужащих, судя по всему, начала усугубляться, когда для пополнения действующей армии стали «подгребать» всех, включая умственно отсталых (дебилов) и уголовников, которые быстро обогатили армейский фольклор. «Осуждавшаяся политотделом ненормативная лексика — смесь эротического и лагерного фольклора процветала»[128], — свидетельствуют мемуары одного из пехотных офицеров. Происходили даже своеобразные «соревнования» по мату: кто дольше сможет безостановочно материться, не повторяясь в выражениях. Курьезно, но

в описанном случае «безобразного соревнования» победил комсорг, которому «удалось, опираясь на свою начитанность и обширную лексику, превзойти всех — продержаться полчаса»[129].

Войну выиграли молодые, — в боевых порядках редко можно было встретить людей старше тридцати лет, особенно среди солдат, сержантов и младших офицеров. Естественно, молодой задор проявлялся в откровенно ребяческих выходках — противника могли от души выматерить, как описывает это Д.Б. Ломоносов, когда наши связисты случайно обнаружили и включились в линию немцев:

«Сидевший рядом командир взвода лейтенант Казбеков потребовал:

— А ну-ка, дай мне трубку.

Он слушал некоторое время, затем, дождавшись паузы, заорал в трубку:

— Эй, фриц! Пошел ты на…!

Послушав, протянул трубку мне. В ней звучала раздраженная тирада, в которой различались знакомые слова: “Иван, швайне, ферфлюхте хунд!”»[130]

Смешная бравада и откровенное мальчишество командира взвода имели важные последствия: они исключили возможность и дальше прослушивать переговоры противника или устроить на линии засаду и захватить языка. К тому же, немцы, как видим, в долгу не остались.

Неизжитые боевые впечатления прорывались в разговорах, которые велись с госпитальных коек; характерно, что велись они на языке, *не называвшем реальные понятия*, которые могли бы вызвать у окружающих собственные травмирующие воспоминания. «Наш лексикон, на котором ведутся рассказы, — свидетельствовал сержант Ю.М. Сагалович, — всего на пять-шесть слов богаче, чем язык, предложенный Ф.М. Достоевским в «Дневнике писателя», и состоявшего, как мы помним, из одного весьма короткого и односложного слова. Типичная фраза: “Слышу, б… летят.

Ну я, б… думаю, он — х…к, х…к — и все. Потом как е…л! Ну, б..!” — всем все было понятно»[131].

Это, пожалуй, единственный случай, когда можно сказать, что мат выполнял *психотерапевтическую* функцию. Ведь в разговоре не прозвучало ни одного названия вражеской техники, ни одного вражеского имени, ни одного действия врага, даже переданного

эвфемизмом. Но психотерапевтическая беседа фактически удалась; рассказ о событии состоялся, а значит оно не получило шансов перерасти в травмирующее воспоминание.

Но и здесь не все выглядит так уж невинно. Интересно мнение ветерана войны Д.К. Левинского: «Две военные кампании (освободительный поход в Западную Украину и Западную Белоруссию и Советско-финляндская война. — *Авт.)* изменили людей: они прошли через смерть и ранения, научились хладнокровно убивать, теперь многие не могли разговаривать без мата. За весь 1940 год, как бы нам не было трудно, мы обходились без него. А эти люди, познавшие огонь войны, необходимость убивать других, не могли обходиться без мата, хотя, считаю, **элемент распущенности и вседозволенности имел место** (выделено нами. — С.З.)»[132]. Здесь мат скорее выступал как свидетельство поражения психики бойцов, выражавшегося в повышенной нервозности. С другой стороны, открытой и вызывающей матерщиной бывалые солдаты как бы стремились подчеркнуть перед командирами свой особый статус в подразделении и претензии на особые права. Своеобразный «двойной стандарт» в речи военнослужащих, конечно, не может способствовать уставному порядку и воинской дисциплине в подразделении.

До борьбы со сквернословием в годы Великой Отечественной войны руки у советского военного руководства почти не доходили. Попытки «указать» отдельным военачальникам предпринимались только в самых одиозных случаях, как например, с командиром 20-го стрелкового корпуса генерал-майором Кирюхиным, у которого, как докладывал командованию Центрального фронта начальник Генерального штаба 3 июня 1943 года, «постоянная ругань, угрозы расстрела и оскорбления своих заместителей и начальника штаба вошли в систему»[133]. Как видим, некоторая реакция начальства на матерщину последовала только после жалоб командиров достаточно высокого ранга.

Надо отдать справедливость наркому ВМФ Николаю Герасимовичу Кузнецову. Он единственный из советских главкомов, кто полностью осознал всю губительность сквернословия для дисциплинированности и, в конечном счете, боеспособности войск и сил флота. Его короткую директиву № 75/14 от 4 апреля 1944 года приводим здесь полностью: «За последнее время нередким стало явление, когда офицеры матом ругают своих подчиненных и даже подчиненных офицеров. Явление это не только позорное и не укрепляющее честь офицера, а, самое главное, это несовместимо с высокой воинской дисциплиной, если мы желаем ее иметь. Если своевременно не ударить по этой распущенности, то она будет распространяться во все звенья. Все старшие начальники всегда были очень требовательны к себе в этом отношении»[134].

Недвусмысленный намек на старших начальников, как нам кажется, следует относить к порядкам, принятым в Императорском флоте, офицерский состав которого представлял собой элиту элит. Борьба со сквернословием здесь велась, начиная с петровского «Устава морского» (1720), 14-я глава которого так и называлась «О поносительных, бранных и ругательных словах» и требовала: «Ежели кто другаго не одумавшись с сердца или не опамятовась бранными словами выбранит, оный пред судом у обиженного христианского прощения имеет просить, и ежели гораздо жестоко бранил, то сверх того наказанием денежным наказан будет»[135]. Впрямую ставить в пример «проклятое прошлое» советский главком ВМФ, конечно, позволить себе не мог. Полумеры же и недоговоренность никогда не приводили к положительным результатам. Поэтому о необходимости бить по *распущенности* языка советских офицеров после Победы как-то позабыли. Как следствие — сквернословие действительно *распространилось во все звенья* наших вооруженных сил.

Процесс этот развивался настолько успешно, что даже на флоте теперь находятся апологеты грубости и сквернословия, возводящие это *позорное*, по определению славного наркома ВМФ, явление чуть ли не в норму. Мата флотским начальникам как-то уже и стыдиться не приходится, поскольку отдельными авторами он выдается за основу системы работы командира, полностью определяющейся спецификой флотской службы.

Например, в книге Г.П. Белова под обязывающим названием «Честь и долг» в главе «Экстремальный лексикон флота» читаем интересные строки: «Все знают, что на флоте за соленым словом и шуткой в карман не полезут…Начальничий гнев на флоте интернационален. Он не имеет должностей и званий, потому что в роли начальника на флоте выступает любой, у кого в подчинении есть люди. Все зависит только от красноречия и от приобретенных ранее качеств. Но возникает вопрос, а зачем столько эмоций? Нельзя ли поспокойнее и без крепкий соленых выражений? Можно! Да не нужно! И все потому, что на флоте — не как в нормальной жизни. События, приказания, совещания, разборы, проверки, инспекции, стрельбы, боевые упражнения, зачетные тактические учения, рейдовые сборы, общефлотские учения мелькают как в калейдоскопе. **Встать, постоять и подумать некогда!** Все время: «Давай! Давай! Давай!.. Давай!» Служба на флоте — это непрерывная гонка, марафон, который надо выдержать и не сойти с дистанции. Но ведь на душе накапливается груз, тяжелый груз, который надо сбросить! Именно вот здесь, на разборе, оперативке, на совещании, начальник и сбрасывает с себя этот груз **и очищается, и почти что причащается, дав волю своим эмоциям** (выделено нами. — С.З.). И подчиненные, как правило, уходят с разборов с чувством осознанной вины и доводят уже свой гнев до тех, кто помог им это не доделать, не проверить, не выполнить. И так сверху вниз. А потом все начинается сначала. Как кругооборот воды в природе»[136].

Мы позволили себе привести столь пространную цитату, поскольку она иллюстрирует, к сожалению, весьма распространенные воззрения, бытующие сегодня в армии и на флоте. Свидетельство это — как искренняя поэтизация и чуть ли не сакрализация (!) грубости и сквернословия — хорошо передает состояние организационного кошмара, который нередко воспринимается как норма служебной деятельности офицера. Обремененный массой ответственнейших мероприятий, тонущий в море архиважных документов военный руководитель действительно функционирует в режиме настолько жесткого цейтнота, что невольно складывается впечатление, что военная служба есть какой-то особый вид деятельности, априорно предполагающий жесткость и суровость от своих адептов.

Но проявляться они должны не по отношению к сослуживцам и подчиненным! Как же иначе понимать свидетельство участника

Отечественной войны 1812 года Н.Е Митаревского, что в то время чувствовалось «душевное спокойствие и какая-то особенная снисходительность высшего начальства, что переходило и на низших начальников — все это располагало нас к приятному настроению. В нашем корпусе все были люди благородные и добрейшие… **Если, бывало, начальники и взыскивали, то всегда с какой-то отеческой добротой** (выделено нами. — С.З.)»[137].

Даже в критических обстоятельствах, после длительного отступления и кровопролитнейших сражений русские генералы самого, пожалуй, героического периода истории Отечества не грубили подчиненным офицерам, а те не занимались стрельбой по собственным солдатам. И ведь речь в 1812 году шла не об изнурительных, так нагружающих психику наших современников *событиях, приказаниях, совещаниях, разборах, проверках, инспекциях* и т. п., а о грозном выборе быть или не быть России как независимому и суверенному государству.

О приятности исполнения служебных обязанностей в наше время, к сожалению, и упоминать как-то даже кощунственно, недаром статья устава недвусмысленно «требует от военнослужащих организованных действий независимо от их желаний» (Устав внутренней службы, ст. 2). Зато при таком подходе о *желании служить* в армии и на флоте красноречиво говорит тот факт, что пополнять их ряды иногда приходится не без помощи полиции.

Рискнем предположить, что обилие вышеуказанных мероприятий, «кошмарящих» жизнь современного российского офицера, проистекает в равной степени как от недостатка ответственности в среде офицерского состава, так и от недостатка уверенности высшего командования в наличии таковой ответственности у своих подчиненных. Однако обилие проверок, призванных побудить подчиненных к кипучей деятельности, толкает последних на не менее изощренные усилия компенсировать кратковременное героическое перенапряжение длительным периодом полного покоя. Именно этим по умолчанию и определяется отнюдь не христианское смирение подчиненного в готовности претерпеть *очищение* и *причащение* начальника соблазнам сквернословия, подкрепляемое, конечно, утешительной надеждой перелить избыток эмоций на нижние ступеньки воинской иерархии. Общий результат подобной

деятельности, очень напоминающей поведение белки в колесе, или, как изящно выражается Г.П. Белов, *кругооборот*[138] воды в природе, очевиден, — он представляет собой затухающие колебания вокруг точки гомеостаза.

Привычка же военных руководителей к штурмовщине, не считающейся с регламентом служебного времени, нередко дает эффект, оказывающий пагубное влияние на человеческие судьбы и микроклимат в воинских подразделениях: сколько офицерских семей распалось из-за того, что мужья проводили на службе чуть не 24 часа в сутки, сколько отцовского внимания недополучили дети, скольких конфликтов с подчиненными можно было бы избежать. Поддается ли учету моральный ущерб от неумения или нежелания рационально организовать деятельность?

Густой мат висел над полями боев и в Афганистане, и в Чечне. Об этом, не скрывая, пишут участники войн, свидетельств которых не вместит, пожалуй, и целый том. Парадоксальным образом это помогло, пожалуй, только при штурме дворца Амина, как о том свидетельствует А. Ляховский: «Сначала на штурм пошли спецгруппы КГБ, за ними последовали некоторые солдаты из спецназа. Для устрашения оборонявшихся, а может быть, и со страху атакующие дворец громко кричали, в основном матом. Солдаты из охраны Амина, принявшие спецназовцев сперва за собственную мятежную часть, услышав русскую речь и мат, сдались им как высшей и справедливой силе. Как потом выяснилось, многие из них прошли обучение в десантной школе в Рязани, где, видимо, и запомнили русский мат на всю жизнь»[139]. Конечно, не стоит полагать, что матерщина сыграла здесь роль средства морального подавления противника — просто оборонявшие дворец гвардейцы Амина растерялись, услышав русскую брань, ведь Советский Союз официально считался другом и союзником Афганистана.

Другим позитивным аспектом этого явления может считаться, что матерщина подчас работала в бою в качестве системы опознавания «свой — чужой», что в ряде случаев помогало избегать жертв со стороны «дружественного огня». Из рассказа Героя Советского Союза В.В. Колесника о захвате здания генерального штаба афганской армии: «Поскольку спецназовцы были одеты в афганскую форму и ехали на афганском танке, десантники без лишних слов шарахнули по танку из

«Мухи». Сахатов[140] со своими спешился и, нещадно матерясь, объяснил, что они свои. Услышав родную речь, десантники огонь прекратили»[141].

Матом советские солдаты в ходе войны разговаривали и с душманами, особенно в ответ на предложение сдаваться.

В остальном — употребление мата свидетельствовало о растерянности и стремлении прикрыть недостатки тактического мышления и речевого воспитания выплеском примитивных эмоций. Недаром в характеристике одного из генералов, слывшего «недалеким человеком, матерщинником и невеждой»[142] профессиональная некомпетентность соседствовала с невоздержанностью языка. Другого высокого начальника его замполит даже вынужден был увести с инструктажа, начатого «по привычке в три-бога-душу-мать»[143], на котором присутствовали афганские союзники («командиры дружественных банд»), из опасения, как бы те, чего доброго, не обиделись и не перекинулись к душманам.

«Одной из причин живучести неуставных взаимоотношений является грубость, оскорбления и даже рукоприкладство со стороны некоторой части офицерского состава, что сводит на нет всякие воспитательные усилия», — это строки из доклада на совещании после поездки в Афганистан в апреле 1984 г. маршала Советского Союза С.Л. Соколова. Привычная в армейской среде вербальная агрессия по цепочке провоцировала проявление жестокости к местным жителям и пленным, которых нередко расстреливали без суда. Позволим обратить внимание читателя на мнение А. И. Лебедя, приведенное в начале книги, которое созрело у него, судя по всему, именно в период командования батальоном в Афганистане.

В то же время истинный профессионализм и там совершенно не нуждался в сквернословии, что доказывает, например, запись переговоров группы 334-го ооспн[144] во время операции против укрепленного района «Карера» 29 марта 1986 года: «Первый, я Второй. По мне работает ДШК, попробую подойти поближе…» Пауза. Потом: «Первый, я Второй, работаем гранатами…» Пауза. Опять: «Первый, я Второй, идем дальше». И вот такая спокойная работа в море огня»[145], — с восхищением комментировал красивую работу спецназовцев очевидец. Добавим: и результативную.

Грубость начальников в российской армии конца XX в. явственно ограничивала инициативу подчиненных, боявшихся нарваться на оскорбление и унижение. «Выговора, выволочки от начальства, разноса военный человек часто боится больше, чем врага, — свидетельствует военный корреспондент Н. Стародымов. — Когда штурмовали Грозный или погнали целый полк по горной дороге на Шатой — многие офицеры понимали, что это ничем не оправданная авантюра. Но решительно возражать не решились. Под пули врага идти не так боялись, как начальственного рыка»[146].

«Окопный генерал» Г.Н. Трошев в своих воспоминаниях приводил нелестную характеристику одного из своих начальников в Первую чеченскую войну (1994–1996), у которого «грубость с подчиненными временами переходила «критические отметки»»[147]. Гневаясь, генерал «стучал по столу кулаком так, что подлетали телефонные аппараты, а крепкий мат не глушили даже дубовые двери кабинета. И ожидавшие в приемной офицеры начинали бледнеть еще до встречи с генералом. Такой стиль общения, даже при всей «крутизне» нынешних нравов, некоторые просто не могли перенести»[148]. И если генералы, не желавшие терпеть подобного обращения, еще могли перевестись к другому месту службы, то что оставалось делать простым офицерам, недаром, по словам Трошева, в период командования упомянутым военачальником войсками округа среди них подскочила статистика инфарктов. Как настоящий военный, Геннадий Николаевич Трошев очень сдержанно отзывался о полководческих дарованиях своего начальника. Тем не менее, между строк можно прочесть, что привычка не сдерживать себя в слове распространялась у последнего и на способность сохранять хладнокровие, проявлять терпение и выдержку в боевых условиях.

Для понимания морально-психологической обстановки в ходе вооруженного конфликта в Донбассе показательно свидетельство одного из ополченцев армии Новороссии: «Мата в казарме было много, иногда доходило до половины сказанного текста»[149]. Уровень речевой культуры ополченцев легко связать с уровнем их боевого мастерства: «Сват (позывной командира батареи. — С.З.) стрелял по цели долгих 45 минут, так и не добившись попадания»[150]. И это при том, что по самым «щадящим» нормативам, на поражение цели могло

быть потрачено не более 10 минут. Видимо, не случайно один из последних приказов[151] И.И. Стрелкова (Гиркина) от 28.07.2014 г. был посвящен запрету матерной брани в воинстве ДНР. Мера весьма похвальная; единственно, с чем, к сожалению, никак нельзя согласиться, что мат для пагубы Отечества придумали враги России. Явление это безусловно наше (чтобы убедиться в происхождении некоторых матерных слов достаточно ознакомиться с текстом новгородских берестяных грамот №№ 35 и 955) хоть и не делающее нам чести.

Обратимся теперь к рассказу одного высокопоставленного российского офицера, боровшегося с терроризмом в Сирии, показывающему, к каким удивительным результатам, порой, приводит избавление от сквернословия в среде военнослужащих.

«В начале 2016 года, как-то утром меня вызвали в штаб группировки и представили заместителю командующего Северным флотом по работе с личным составом, который прибыл для инспекции десантно-штурмового батальона морской пехоты, охранявшего базу, сменив в конце декабря 2015 года черноморцев. Контр-адмирал (колоритнейшая личность — в прошлом командир атомного подводного ракетоносца — образец флотского офицера, с прекрасной четкой и грамотной речью) прошел везде, вник во все до мелочей, побеседовал со многими матросами и офицерами. Перед его возвращением в Россию мне удалось пообщаться с ним накоротке. Подводя итоги своего посещения Сирии, он заметил с горечью: «Сколько матерщины — бессмысленной, грубой, привычной…». И рассказал о книжке «Правда о русском мате», пообещав прислать несколько экземпляров. А мат, как это ни прискорбно, действительно был у нас широко распространен и в штабах, и в подразделениях, причем уже на уровне, практически не замечаемом — бытовом.

Адмирал сдержал слово, и вскоре я получил от него посылку с несколькими десятками экземпляров тоненькой черно-белой книжки[152], написанной епископом Североморским и Умбским Митрофаном (Баданиным). Книжку эту я буквально проглотил, был ею впечатлен и на вечернем совещании провел беседу с командирами подчиненных мне подразделений по этой тематике. К своему удивлению, понял, что на подсознательном, интуитивном, самом глубоком уровне люди в момент наивысшей опасности тянутся не к

матерному слову, а, если так можно выразиться, к изначально молитвенному, созвучному слову «мама». Ведь всем нам только мать в детстве представлялась тем абсолютом, который уютно защитит-спасет-укроет от всех бед, невзгод и напастей.

На совещании решили: книжку изучить с бойцами, постараться внедрять живое слово, а мат изживать везде и всюду. Решение оказалось плодотворным — бойцы настолько прониклись нашей идеей и так глубоко прочувствовали силу и выразительность русского языка, что начали даже друг другу замечания делать по поводу мата и между собою назначили систему штрафов за брань, превратив борьбу за чистоту речи в своего рода спорт.

А жизнь тем временем шла своим очень плотным чередом: тревоги учебные и боевые, боевые задачи, охрана колонн, обеспечение охраны наших советников, представителей Центра примирения и еще сотни обычных, в общем-то, рутинных, но от этого не менее опасных дел. Подразделения постоянно и напряженно днем и ночью трудились по всей территории этой небольшой страны от Камышлии и до Даръа. То в одном месте, то в другом, то в третьем обозленное недобитое боевичье («иглы», как мы их называли) совершало вылазки и нападения на блокпосты, колонны, населенные пункты. И немногочисленные российские сухопутные подразделения, предназначенные для охраны и обеспечения деятельности нашей военной базы, практически ежедневно вынуждены были отражать врага. Те, кто работал вдали, в базу прибывали в основном за боеприпасами, продовольствием, отремонтировать вооружение и технику или провести регламентные работы на них. Сутки отдыха, баня, получение новой задачи и снова еще до рассвета «Тигры» и «бронекамазы» уходили кто в горы, кто в пустыню.

Но что характерно — интерес солдат и офицеров к нормальному, без мата общению не угасал. То ли они подсознательно ощутили всю грязь и оскорбительность матерщины, то ли осознанно перестали употреблять нецензурщину в речи, но обыденного фонового мата стало значительно меньше, и он как-то стал резать всем слух. Неделя командировки шла за неделей, и вот однажды, подводя итоги очередного месяца, я с приятным изумлением отметил: а ведь потерь-то, слава Богу, нет. Вот это выучка! Практически каждый день воюем, чего только не случается, а потери — максимум раз в две недели один,

редко два легкораненых. Причем в сложнейших боевых ситуациях, как, например, в районе Пальмиры в марте 2016 года.

Тогда в один из дней наш БТР из группы охраны советников под утро в сильнейший туман вышел на исходный рубеж. Через двадцать минут стало светать, «молоко» тумана под утренним ветерком начало размывать, и в трехстах метрах неожиданно обнаружился игиловский танк. Он успел выстрелить первым, попал в башню БТР; снарядом ее буквально вырвало. Второй раз «иглу» выстрелить не дали — наш танк его уничтожил первым выстрелом. Итог — в БТРе двое «легких»! Экипаж, да и все мы, были уверены, что чудо произошло именно потому, что перестали материться — Бог уберег.

Или там же, спустя полтора месяца: группа обеспечивала работу саперов, которые разминировали старый город, когда во время патрулирования по периметру музейного комплекса Пальмиры с гор по нашему бронетранспортеру был произведен пуск ПТУРа. Расстояние

минимальное, шансов никаких, однако в двух метрах от «брони» ракета попадает в камень и свечой уходит вверх. Что это? Неопытный оператор или божий промысел? Мы были уверены во втором. И подобных примеров можно привести еще много.

Можно добавить, что всю командировку атмосфера в подчиненных подразделениях была на редкость спокойной, пронизанной единодушием и духом взаимовыручки».

«Кто на войне не бывал — Богу не маливался», — справедливость этой пословицы подтверждается из поколения в поколение. И все же позволим сослаться на замечание самого автора: «Вот это выучка!» и слова А. В. Суворова «Раз счастье, два раза счастье — помилуй Бог! Надо же когда-нибудь и немножко умения». Мы далеки от мысли, чтобы давать с научной точки зрения оценку написанному в упомянутой книге епископа Митрофана о происхождении и духовном смысле матерщины, — важно то, к каким результатам может привести избавление от сквернословия в армейской среде. Профессионализм и высокое морально-психологическое состояние военнослужащих, как видим, не нуждаются в подкреплении столь «сильнодействующим» средством даже на войне.

Можно ли попытаться рационально объяснить отмеченный факт снижения потерь после отказа воинов от матерщины?

С научной точки зрения феномен матерной брани может быть объяснен в свете проводившихся во второй половине 1970-х годов исследований унилатерального электросудорожного эффекта. Для лечения психозов на полушарии головного мозга воздействовали электротоком через электроды, прикрепленные к височной и затылочной области черепа больного. Оказалось, что «после левосторонних УП (унилатеральный припадок, вызванный действием электротока. — С.З.) в условиях относительно изолированного функционирования правого полушария чрезвычайно упрощается синтаксис высказываний, а в лексике возрастает удельный вес существительных и прилагательных, т. е. слов, знаменующих внеязыковые реалии — предметы и их признаки. После правостороннего УП, в условиях относительно изолированного функционирования левого полушария, синтаксис высказываний значительно усложняется, а в лексике возрастает удельный вес глаголов, которые необходимы для построения сложных

синтаксических конструкций, и служебных слов, имеющих формально-грамматическое значение»[153].

Можно заметить, что для речи с преобладанием ненормативной лексики как раз и характерны примитивизм грамматических конструкций и широкое употребление прилагательных и существительных, одно из которых (по замечанию Ф.М. Достоевского) вполне способно заменить собой все остальные слова русского языка. Это свидетельствует, что у постоянно и привычно матерящегося человека левое полушарие для производства речи задействуется в меньшей степени, нежели правое. Для военнослужащих привычка больше «полагаться» на правое полушарие небезобидна.

Во-первых, левое полушарие, отвечающее за абстрактно-логическое мышление, больше устремлено в будущее, по выражению известного лингвиста Р.О. Якобсона; оно отвечает за анализ ситуации и планирование деятельности, в отличие от правого, «всегда оперирующим только в реальном времени»[154]. Надо ли говорить, что анализ и планирование лежат в основе принятия взвешенного, обоснованного командирского решения, дефицит требований к которому так явственно обозначен современными боевыми уставами. Создается впечатление, что сильная воля и организаторские способности командира предполагают принятие скорее быстрых и волевых, нежели правильных решений. А ведь недостаток командирского ума искупается только солдатским трудом и солдатской кровью.

Во-вторых, левое полушарие отвечает за речевую деятельность, за понимание и продуцирование связной речи. Неумение командовать есть прямое следствие недостаточного развития левого полушария, обеспечивающего речь глаголами. Требование А.В. Суворова отучать новобранцев от «подлого вида и речей крестьянских» подкреплялось в его «Словесном поучении». В той части «Поучения», что содержит обязанности солдата в бою, существительных — 50,7 %, глаголов — 32,9 %. По количеству существительных суворовские тексты стоят в одном ряду с современными служебными документами, но по глаголам втрое превосходят их. Частое употребление глаголов подчеркивало предельно активную роль солдата в бою и косвенно способствовало развитию «левополушарности» чудо-богатырей — характерной

суворовской сметки, находчивости, способности верно оценивать обстановку.

В-третьих, «если правое полушарие мозга связывает человека с внешним миром, то левое облегчает ему быстрое вхождение в то общество, в котором он живет. Более того, левое полушарие можно в известной мере считать представителем этого общества в нейропсихологической структуре личности»[155]. Успешность социализации человека во многом определяется его левым полушарием, в нем «зашиты» культурно-исторические программы поведения, которыми общество снабжает личность в процессе ее формирования. Не случайно «социально значимое» левое полушарие меньше подвержено морфологическим изменениям, в то время как правое отличается большей вариативностью индивидуальных различий. Левое полушарие обеспечивает способность к внутренней речи, в которой осуществляется осмысление событий окружающей действительности и рефлексия пережитых и переживаемых психических состояний. Эгоцентрики, эгоисты — жертвы «правополушарного» сознания, неспособного воспринять «двоичную логику» интересов; им крайне трудно примирить существование отличной от единственной доступной им собственной точки зрения.

И наконец, в-четвертых, ученые установили, что «виды поведения, означающие катастрофическую реакцию или указывающие на беспокойно-депрессивную ориентацию настроения, особенно часто встречаются у больных с поражением левого полушария»[156]. Это свидетельствует, что недостаточное развитие «левополушарности» у военных чревато с одной стороны, большей склонностью к проявлению панических реакций, а с другой, — затрудненностью рационализации тяжелых боевых впечатлений и, следовательно, повышенным риском возникновения боевой психической травмы и ПТСР.

Отметим, что подчиненные нашего офицера, служившего в Сирии, отказавшись от матерщины, «загружающей» правое полушарие мозга, фактически стали больше использовать ресурсный потенциал своих левых полушарий, что способствовало более взвешенной оценке ими боевой обстановки, принятию более обоснованного решения и более четкому планированию собственных действий в бою. Вдобавок, отказ от грубости, мата способствовал «смягчению нравов», что обеспечило

более здоровую обстановку в воинском социуме, привело к тому, что атмосфера в подразделениях даже в условиях напряженных боевых действий была *на редкость спокойной*.

В современной разработке «Основы победы в бою», выпущенной Генеральным штабом по опыту войны в Сирии, отмечается, что целые районы осажденной Пальмиры освобождались в результате прямых переговоров армейских командиров с главарями террористов. Такие переговоры мало отличаются от поединка, в которых сходились на поле боя герои древности. Чтобы победить в нем, военнослужащий должен в совершенстве владеть речью, нормами военного и национального речевого этикета, уметь оперировать оттенками смысла и тона, чтобы придать силу, остроту и выразительность высказыванию.

Глава 3

Сквернословие в армии: быть или не быть?

«Еще в глубокую старину народ убедился в том, — писал один из первых исследователей русского фольклора С.В. Максимов, — что брань на вороту не виснет, и это укрепил в своем убеждении так твердо, что уже и не сбивается»[157]. То, что наш народ, несмотря на все усилия отдельных радетелей за чистоту речи, продолжает материться, есть, на наш взгляд, свидетельство тяжелых материальных условий его жизни, соединенных с дефицитом интереса к интеллектуальному развитию и нравственной деградацией, как следствиями непреодоленного наследия эпохи социальных экспериментов.

Другое дело — армия, которая, по словам И.А. Шмелева, «есть сосредоточенная волевая сила моего государства, оплот моей родины, воплощенная храбрость моего народа, организация чести, самоотверженности и служения»[158]. Можно ли терпеть, чтобы сквернословие безнаказанно распространялось по казармам и кубрикам?

К сожалению, в последнее время обозначилась тенденция легкомысленного отношения к этому явлению не только среди военных, как правило, не могущих похвалиться глубокой гуманитарной образованностью ввиду традиционного для военных вузов отношения к дисциплинам социально-гуманитарного цикла как к полуобязательным по сравнению с техническими и специальными, а, самое главное, по сравнению со служебной деятельностью. Печально, что даже в научной среде или околонаучной и псевдонаучной тусовке высказываются парадоксальные идеи о допустимости и даже пользе мата в армии и, если смотреть шире, в прочих видах деятельности, сопряженных с экстремальными условиями.

Так, известный ученый, исследователь стресса доктор психологических наук Л.А. Китаев-Смык утверждает: «На всякой войне повышается сексуальная окраска поведения бойцов в виде чрезмерностей ненормативной (матерной) лексики, скабрезного ерничества, похабных частушек и анекдотов. Научные исследования обнаружили, что они способствуют психологической адаптации (приспособлению) к тяжелой боевой обстановке потому, что мужские сексуальные гормоны уменьшают действие гормонов стресса»[159]. На самом деле, если что и было установлено *научными исследованиями, так это* «антагонизм между мужскими половыми гормонами (андрогенами) и «гормонами стресса» (кортикостероидами)», что признает и сам уважаемый автор со ссылкой на полувековой давности работу венгерских ученых К. Лишшак и Э. Эндреци[160].

Однако и здесь не все так просто. В цитированной автором работе связь между половыми гормонами и кортикоидами признается весьма осторожно, на основании данных других исследователей: «Результаты, полученные при изучении взаимоотношений между этими железами внутренней секреции и их взаиморегуляции, хотя и указывают на связь между половыми железами и функцией коры надпочечников, но ее значение для физиологии и патологии в настоящее время не может считаться установленной»[161]. Проблема заключается в том, что большинство исследований отмеченной выше взаимосвязи было посвящено влиянию женских гормонов (эстрогенов) на секреторную функцию коры надпочечников, где вырабатываются кортикоиды.

Антагонизм кортикоидов и половых гормонов был весьма осторожно констатирован именно применительно к эстрогену. Было экспериментально установлено, что эстрогены понижают уровень агрессивности, в том числе и у людей. Собственными исследованиями авторы установили, что самки низших животных с удаленными половыми железами проявляют повышенную агрессивность. В отношении обратного влияния К. Лишшак и Э. Эндреци были не столь категоричны: «Действие гормонов коры надпочечников на половое влечение еще не совсем выяснено, и наши данные во многих отношениях неполны»[162]. Обращаясь к теме связи нейроэндокринной деятельности и эмоциональных состояния людей, ученые и вовсе признавали, что «страх, радость, гнев, по сути дела, являются проявлениями мотивированного состояния поведения в объективной и

субъективной плоскостях»[163], так что успешность психологической адаптации к экстремальным условиям не может считаться исключительно условнорефлекторной или обусловленной деятельностью желез внутренней секреции организма.

Какие научные исследования позволяют достоверно связать матерщину с *выработкой мужских сексуальных гормонов* и *сексуальной окраской поведения бойцов* — вопрос до сих пор принципиально открытый.

Зато в книге самого Леонида Александровича «Стресс войны» встречаем такие описания военнослужащих, испытавших во время боевых действий в Чечне воздействие боевого стресса 3-го ранга (в терминологии автора), т. е. стресса в самой тяжелой форме, запускающего фактически механизмы самоуничтожения индивидов: 1. *«„Дурашливые”* — Эти постоянно склонны шутить, как правило, невпопад. Дурацкие шутки их чаще беззлобны, нередко эротичны (матерны)»[164]; 2. «„Остервенелый” заметен среди других солдат. Взгляд злобный… Отвечает отрывисто, резко. О чем с ним ни заговоришь — все у него: «Суки!» и… (матерно)»[165]. Получается, что матерная брань на войне — это не лекарство от стресса, а симптом тяжелейшего поражения психики, когда адаптационные механизмы уже не справляются с действием стрессоров.

В другой книге приводится следующий эпизод: «Автор был свидетелем того, как в 2000 году рота российской армии была выведена из многосуточного боя в Аргунском ущелье (в Чечне) с большими потерями. Мальчишки — солдаты-срочники в полном унынии, грязные, голодные — падали от изнеможения. Офицеры войсковой службы воспитательной работы (бывшие «политруки») подогнали к солдатам грузовую машину с откинутыми бортами. С нее, как со сцены, бригада «песенников-контрактников» 15 минут пела ядреные матерные частушки. За это время солдаты преобразились. Они смеялись, хохотали, их лицам вернулась индивидуальность, прямо на глазах восстанавливалась боеспособность. Ни сон, ни еда, ни отдых не дали бы столь интенсивного рекреативного эффекта (Китаев-Смык Л.А., 2001)»[166]. Здесь дана ссылка на уже упоминавшуюся книгу «Стресс войны», внимательное изучение которой показывает, что ничего подобного приведенному здесь отрывку в ее тексте нет. Настораживает и сам факт наличия сомнительной бригады *песенников-*

контрактников, якобы радовавших бойцов скабрезными песнопениями; о выступлениях Ю. Шевчука, А. Розенбаума и других признанных мастеров сцены в Афганистане и Чечне хорошо известно, и воздействие их песен, как и выступлений фронтовых бригад артистов в Великую Отечественную, способствующее восстановлению морально-психологического состояния воинов также не подлежит сомнению.

В свое время Л.Д. Троцкий, стоявший у истоков культурно-досуговой работы в войсках, неоднократно указывал, что успехи Красной армии, которые в массовом сознании устойчиво ассоциировались с масштабной революционной агитацией, на самом деле были обусловлены правильной *организацией* дела. Даже многократно битые войска за две-три недели приходили в себя и восстанавливали боеспособность, если им могли вовремя «дать хороших командиров, несколько десятков опытных бойцов, десяток самоотверженных коммунистов, добыть босым сапоги, устроить баню, провести энергичную агитационную кампанию, накормить, дать белья, табаку и спичек… Красноармеец плотнее поел, сменил белье, переобулся, выслушал речь, встряхнулся, подтянулся и — стал другим»11. Заметим, *рекреативный эффект* достигался не после прослушивания матерных частушек (и это во время Гражданской войны, когда, напомним, мат был необыкновенно популярен в массах), а после риторически разработанной вдохновляющей на подвиги речи, до которых был великий мастер и сам Лев Давидович, и тогдашние комиссары (будущие политруки).

Далее, при описании собственных экспериментов по воздействию укачивания (кинетоза) на экипажи космических кораблей автор указывает, что исследователями было апробировано создание «матерной атмосферы (лихого использования нецензурных скабрезностей)» в некоторых экипажах, причем «была отмечена тенденция снижения многих негативных симптомов стресса-кинетоза у “матерных экипажей” по сравнению с “благопристойными” (Китаев-Смык Л.А., 1983)»[167][168]. Однако в солидной авторской монографии «Психология стресса», на которую в цитированном отрывке ссылается Л. А. Китаев-Смык, ничего подобного нет. Встречается только упоминание, что «дополнительные сенсорные нагрузки в виде быстрого увеличения освещенности визуального поля практически у

всех испытуемых вызывали резкое ухудшение самочувствия, в какой-то степени непроизвольные эмоциональные реакции, как правило, в виде произнесения междометий, ругательств, выражающих протест»[169].

Вырывавшиеся подчас у космонавтов не самые литературные выражения вряд ли могут считаться *матерной атмосферой*, да еще и специально созданной. В действительности в упомянутой книге описаны эксперименты по воздействию на испытуемых песен В.С. Высоцкого, после чего у членов экипажей до некоторой степени снижались симптомы дистресса, улучшалось настроение за счет отвлечения от неприятных ощущений и пробуждения позитивных эмоций.

И наконец, поражающее воображение сообщение о благотворном терапевтическом воздействии матерщины: «Изучение влияния эротических стрессоров на здоровье мы продолжили в травматологическом отделении Института имени И.В. Склифосовского. Там врачи заметили, что в одних палатах раны у больных заживают в несколько раз быстрее, чем в других. Наши исследования обнаружили, что раны рубцевались, а кости срастались быстрее в палатах, где мат звучал с утра до ночи. В них могли оказаться и рабочие, и интеллектуалы. А вот где лежали «чистюли без мата», заживление было небыстрым. Почему? Потому что разговор с постоянным матерным сексуальным подтекстом способствует выделению обезболивающих эндорфинов и мужских половых гормонов — андрогенов. Они являются мощными противниками (антагонистами) гормонов, вызывающих воспаление, кроме того, андрогены ускоряют восстановление (регенерацию) тканей»[170]. О бездоказательности влияния матерщины на половую сферу говорилось выше. Жаль, что до сих пор никто из медиков, руководствуясь наблюдением Л.А. Китаева-Смыка, не догадался организовать в больничных и госпитальных палатах плановых выступлений стриптизерш или, на худой конец, просмотр порнофильмов. Можно представить, какую массу лекарственных препаратов, времени и средств можно было бы сэкономить, да и больным и раненым не пришлось бы лишний раз напрягаться, из последних сил матерясь, в ожидании, когда же, наконец, срастутся их кости и зарубцуются раны.

О *психотерапевтическом* эффекте употребления ненормативной лексики в воспоминаниях Ю.М. Сагаловича мы уже упоминали. В подтверждение сказанного приведем рассказ ветерана Афганистана, командира разведроты 345-го парашютно-десантного полка, трижды кавалера ордена Красной Звезды А.В. Меренкова об эпизоде, свидетелем которого он стал, находясь в Баграмском медсанбате весной-летом 1988 года. В один из дней туда доставили партию раненых прямо из боя, в пропыленном, окровавленном обмундировании и даже в касках. Внимание А.В. Меренкова привлек один молодой боец с оторванной ступней, находившийся в шоковом состоянии, истерично причитавший, что ему теперь делать и кому он будет нужен. В ответ обрабатывающий рану военный врач обложил его отборным матом; содержание речи сурового эскулапа можно было кратко передать так: «Что истеришь? Ты думаешь, с одним тобой такое случилось? Ничего, залатаем, еще танцевать будешь! Не пропадешь!». Солдатик удивленно притих. Через неделю А.В. Меренков наблюдал бойца уже в больничной палате перед отправкой в Союз. Раненый вел себя адекватно, был спокоен, весел и не проявлял признаков нервно-психической неустойчивости. Как видим, мат здесь сыграл положительную роль по принципу «клин клином вышибают», но, конечно, вряд ли потому, что раненого вдохновил *скрытый сексуальный подтекст* в речи военврача.

Апофеозом исследований воздействия мата на организм человека явилось не нуждающееся в комментариях свидетельство Л.А. Китаева-Смыка о том, что «у женщин и девушек из компаний, где мат — обыденный язык, тело обрастает волосами и начинает, как у подростков, ломаться голос»[171]. Досадно только, что такого рода утверждения исправно кочуют из книги в книгу Леонида Александровича и, вольно или невольно, становятся достоянием иногда и понемногу читающей общественности.

Попытки вскрыть негативную природу матерщины также, к сожалению, нередко стремятся опереться на псевдонаучные подходы. Так, в упоминавшейся работе епископа Митрофана (Баданина) автор, сойдя с проверенного временем пути обличения сквернословия с церковно-богословской позиции, не смог овладеть простейшей научной терминологией: вместо обсценной лексики в тексте бичуется и «обсцененная» и даже какая-то «обеденная» лексика. Наряду с

утверждением, что матерщина вызывает «гормональный дисбаланс» и даже «мутацию молекул ДНК» с отсылкой к «открытиям» П.П. Гаряева, основанных, очевидно, на результатах опыта влиянии мата на всхожесть семян многострадального растения арабидопсис, о научной ценности которых читатель может получить представление самостоятельно, обратившись к соответствующей статье в Википедии, это не прибавляет доверия к аргументам его высокопреосвященства[172].

Нам кажется, что из великих психологов о сути вреда, причиняемого сквернословием личности человека, лучше всех высказался в свое время Эрик Берн: «Верно, конечно, что неприличные восклицания доставляют некоторым людям облегчение, но это лишь подчеркивает тот факт, что употребляемые ими слова имеют особый психологический первичный характер (первой сигнальной системы. — С.З.). Некоторые придерживаются ребяческой теории, что все пойдет на лад, если только употреблять при каждом случае грязные слова; но если понаблюдать за таким субъектом пять или десять лет, то оказывается, что это не приводит к цели. Такой подход с самого начала выдает неудачника. После того, как этот человек в течение 10 лет повторит 100 000 раз *tish* или *mother-cuffer*[173] (что составляет скромное число — тридцать раз в день), он почти всегда обнаруживает, как об этом свидетельствует моя клиническая практика, что дела его пошли не лучше, а хуже»[174].

По-настоящему научное исследования инвективной лексики и ее разновидности сквернословия было предпринято В.И. Жельвисом, который, вслед за Э. Берном, правильно связал выражение в наполненной инвективами речи человеческих эмоций со снятием психологического напряжения, эмоциональной разрядкой. В этой связи ученый отметил даже некоторую пользу от сквернословия, что, впрочем, впервые выразил еще Гомер в сцене дележа добычи греками, который чуть было не закончился первобытным смертоубийством. Положение тогда спасла вовремя явившаяся Афина, повелевшая Ахиллесу:

«Ну, оканчивай ссору,
рукою меча не касайся!
Словом, впрочем, ругайся,

каким тебе будет угодно».

[Илиада, 1, 210]

В результате, греческие вожди расходятся относительно мирно, лишь «меж собою сражаясь словами враждебными». Принимая во внимание условия военного времени, тогдашние характеры и нравы, можно только удивляться, что и в гомеровскую эпоху люди достаточно эффективно пользовались словом, хоть бы и ругательным, как средством выпустить пар при разрешении тяжб и спорных вопросов. Вот и В.И. Жельвис с юмором цитирует строки из одного английского медицинского журнала: «Так что верно мнение, что тот, кто первым на свете обругал своего соплеменника, вместо того чтобы, не говоря худого слова, раскроить ему череп, заложил тем самым основы нашей цивилизации»[175]. Однако тут же признается, что употребление инвективы оборачивается лишь тактическим, сиюминутным выигрышем, что и по сей день обуславливает популярность в массах такого рода общения, но в стратегическом плане выступает явным просчетом, закрепляющим в личности человека разрушительные модели поведения. Особенно важно, что «обращение к инвективе есть фактически признание говорящим своего психологического банкротства, капитуляции перед ситуацией, вместо овладения ею»[176].

В армии есть такое выражение — владеть обстановкой — это требование предъявляется в первую очередь к военным руководителям, офицерам. Думается, что одним из элементов владения обстановкой является владение ситуацией общения с подчиненными и вышестоящим командованием. Капитуляция перед быстро меняющейся обстановкой современного боя, как мы могли убедиться, чаще всего выражается в «потере лица» в речи, переходе на оскорбления или матерщину.

Последняя может даже не заключать в себе признаки инвективы — носить характер «междометного употребления», что бывает характерно там, где матерными выражениями не говорят, ими думают. В экстремальной обстановке, когда все душевные силы уходят на удержание под контролем внешней ситуации, при отсутствии глубокой внутренней культуры матерщина вместе с хамством начинает, что называется, переть из всех щелей. Это именно та ситуация, когда «злой человек из злого сокровища своего сердца выносит злое, ибо от

избытка сердца говорят уста» (Лука. 6, 45), сам, может быть, того не замечая. Вот почему привычка даже к периодическому, междометному употреблению мата для военного человека небезобидна.

Командирам и начальникам, склонным порой грубо материться при разносах своих подчиненных, полезно помнить, что «инвективная речь, сравнительно с эмоциональной, но вежливой речью, больше служит целям возмездия, наказания противника: она дает ту же информацию, но резко, оскорбительно понижая статус оппонента, эти самым его еще и дополнительно наказывая»[177]. Получается, что в этом случае они фактически нарушают статью Дисциплинарного устава, запрещающей за один и тот же проступок наказывать человека дважды.

Вдобавок, мы, наверно, огорчим любителей замысловато-витиевато материться, с тем чтобы произвести впечатление на окружающих: «Там, где говорящие считают непристойную лексику нормой, карнавальное мироощущение исчезает»[178], — другими словами, исчезает катартическое, релаксирующее, раскрепощающее психику действие обеденной лексики. В одном из эпизодов романа Л.Н. Толстого приведена речь М.И. Кутузова после сражения под Красным:

> «В тишине, воцарившейся вокруг него, отчетливо слышны были его медленно выговариваемые слова. — Благодарю всех за трудную и верную службу. Победа совершенная, и Россия не забудет вас. Вам слава вовеки! — Он помолчал, оглядываясь…
>
> — Ура-ра-ра! — заревели тысячи голосов.
>
> Пока кричали солдаты, Кутузов, согнувшись на седле, склонил голову, и глаз его засветился кротким, как будто насмешливым, блеском…
>
> — А вот что, братцы. Я знаю, трудно вам, да что же делать! Потерпите; недолго осталось. Выпроводим гостей, отдохнем тогда. За службу вашу вас царь не забудет. Вам трудно, да все же вы дома; а они — видите, до чего они дошли, — сказал он, указывая на пленных. — Хуже нищих последних. Пока они были сильны, мы себя не жалели, а теперь их и пожалеть можно. Тоже и они люди. Так, ребята?
>
> Он смотрел вокруг себя, и в упорных, почтительно недоумевающих, устремленных на него взглядах он читал

сочувствие своим словам: лицо его становилось все светлее и светлее от старческой кроткой улыбки, звездами морщившейся в углах губ и глаз. Он помолчал и как бы в недоумении опустил голову.

— А и то сказать, кто же их к нам звал? Поделом им, м… и… в г…, — вдруг сказал он, подняв голову. И, взмахнув нагайкой, он галопом, в первый раз во всю кампанию, поехал прочь от радостно хохотавших и ревевших ура, расстроивавших ряды солдат»

[Война и мир]

Риторика учит нас, что успех воздействующей речи определяется наличием в ней элементов духовной морали, воспитывающих аудиторию на востребованных оратором началах, и практических интересов, запросов и ожиданий аудитории. Если первые пишутся и произносятся непременно «высоким штилем», то последние должны выражаться простым и доступным пониманию массы языком. Про ораторов, не поднимавшихся выше доводов к практической морали, римлянин Луций Сабин из эпистолярного романа О.П. Цыбенко писал, что они — «оратели, которые только “глас народа», но не его повелители”»[179]. С другой стороны, исключительно учительная речь, к каким бы высоким целям она не призывала, отрывается от реальных условий, в которых проходит жизнь человека. Умелая организация речи позволяет, опираясь на ценности обыденного сознания слушателей, определяемого практической моралью, добиваться воспитывающего воздействия речи, диктуемого интересами оратора. Так разговаривал с войсками А.В. Суворов, так говорил и его ученик М.И. Кутузов.

Духовная мораль его речи заключалась в необходимости внушить победителям гуманное отношение к побежденным. На принятие этого тезиса работала и благодарность, и обещание бессмертной славы, которая сама по себе мало что говорила уму и сердцу простого солдата, сутками на морозе и в снегу преследовавшего отступавшего неприятеля. Толстой очень тонко дает это понять, говоря о *почтительно недоумевающих* взглядах солдат, обращенных на полководца. Практическая мораль простого солдата ясна: уничтожить как можно больше неприятелей, чтобы не пришлось сходиться с ними еще раз на поле боя. Однако такая откровенно людоедская мораль

превращает войско в банду убийц, лишенных благородного воинского духа.

Поэтому, чтобы семена духовной морали взошли в сознании войска, они должны были упасть на подготовленную почву, — и Кутузов посредством сниженной и обеденной лексики создает во второй части своей речи атмосферу карнавала, по-видимому, подвергая осмеянию только что высказанные им высокие идеалы гуманизма с позиции солдатской практической морали, как говорил Суворов, «их языком». Впрочем, осмеяние это кажущееся, — вызванный добродушным старческим ругательством веселый смех относился не к содержанию речи; он выражал ощущение общности языка и, следовательно, формировал драгоценную атмосферу взаимной близости и доверия, доверия солдат к может, с первого раза и не совсем понятным словам полководца. Духовная мораль редко усваивается с первого раза; на перестройку сознания аудитории может потребоваться не одна речь, может уйти много времени, но время это только тогда будет потрачено не зря, если первый «вброс» новых ценностей станет ассоциироваться у слушателей с положительными эмоциями, как в рассмотренном историческом эпизоде.

Конечно, никакой атмосферы карнавала, ощущения праздничного «нисхождения» большого начальника до массы подчиненных не состоялось бы, если бы упомянутый начальник вседневно общался, так сказать, «шершавым языком плаката». Был бы просто унылый мат, обычные бессмысленные ругательства, которыми у Толстого обильно уснащают свою речь солдаты. На духовную мораль начальника, если бы таковая и присутствовала в подобном случае, солдаты, скорее всего, не обратили бы никакого внимания. Как с досадой реагировали солдаты на речи некоего генерала, подделывавшегося под Суворова: «Чего этот старик от нас хочет?»[180]

Большим начальникам, умудренным жизненным и служебным опытом, как правило, людям в возрасте стоит помнить, что их матерщина может быть воспринята как попытка обуздать «демона сексуальности» (по В.И. Жельвису). Нет, к несчастью, не демона *гиперсексуальности*, что характерно для матерящихся подростков, не могущих справиться с бушующими в крови гормонами, для которых нарочитая грубость и инвективизация речи есть форма попрания устоев «отжившего» поколения, более или менее естественное

следствие объективно присущего молодому поколению стремлению к социальному бунту, а демона *угасающей* сексуальности. Смакуемые некоторыми убеленными сединами руководителями непристойные темы и «эротический фольклор», матерщина, нередко есть достойная всяческого сожаления попытка заявить об избытке тестостерона, доказать более молодым подчиненным свою мужественность, жесткость, твердость характера, агрессивность. Выглядит это жалко: и смешно и грустно одновременно.

Как утверждает В.И. Жельвис, оттенки смысла обеденной лексики вполне доступны только носителям языка, поэтому людьми, воспитанными в нерусской культуре, «красоты» русского мата доступны не в полной мере и впечатления особого также не производят. К всему прочему, обыденный «междометный» мат носителя русского языка может быть воспринят как тяжкое оскорбление людьми, в чьей культуре существует настоящий культ матери. Так что в одном случает матерщина становится бесполезной, в другом — небезопасной для сквернослова.

К одной из функций мата, отмеченной В.И. Жельвисом, относится функция подбадривания (самоподбадривания). В первом случае, очевидно, имеет место способ общения с солдатами, к которому прибегал младший политрук Астахов из романа М.А. Шолохова:

> «Бывало, подымает нас в атаку, а мы лежим. И вот он повернется на бок, кричит: «Товарищи, вперед на проклятого врага! Бей фашистских гадов!» Мы обратно лежим, потому что фрицы такой огонь ведут, ну не продыхнешь!.. И тут Астахов подползет ко мне или к какому другому бойцу, даже зубами заскрипит от злости. «Вставать думаешь или корни в землю пустил? Ты человек или сахарная свекла?» Да лежачи как ахнет по всем этажам и пристройкам! А голос у него был представительный, басовитый такой, с раскатцем… Тут уж вскакиваем мы, и тогда фрицам солоно приходится, как доберемся — мясо из них делаем!.. У Астахова всегда был при себе полный набор самых разных слов. И вот прослушаешь такое его художественное выступление, лежачи в грязи, под огнем, а потом мурашки у тебя по спине по-блошиному запрыгают, вскочишь и, словно ты только что четыреста грамм водки выпил, бежишь к фрицевой траншее, не бежишь, учти, а на крыльях летишь! Ни холоду не сознаешь, ни страху, все позади

осталось! А наш Астахов уже впереди маячит и гремит, как гром небесный: «Бей, ребята, так их и разэтак!» Ну как было с таким политруком не воевать?»

[Они сражались за Родину]

Как относиться к такому пусть и скрашенному художественным переосмыслением явлению? С одной стороны, сам М.А. Шолохов не воевал. Замысловато матерятся у него все — от рядового до политрука и командира взвода; один из героев даже решительно отвергает перспективу военной карьеры, стоит ему представить, сколько человек будут его материть по мере продвижения по служебной лестнице. Оттого главы из несостоявшегося романа Шолохова явно носят следы лубка: складывается впечатление, что писатель даже любуется такой колоритной особенностью проявления народного духа. С другой — указанный эпизод демонстрирует способ выведения из психологического ступора, основанный на использовании «аргументов», слов и выражений, обычно используемых в повседневной, неэкстремальной обстановке. Речь в этом случае выступает средством возвращения индивида в привычную ситуацию и активации привычных для нее моделей поведения; в данном случае — подчинения. Вдобавок, «задача инвективы в ситуации эмоционального конфликта, — пишет В.И. Жельвис, — просто оглушить, ошеломить в надежде, что адресат не сможет в итоге оказать сопротивление»[181]. Таким образом, набором своих заветных слов Астахов оглушал сознание бойца не хуже разрыва снаряда или мины и добивался безоговорочного повиновения. Другой вопрос — к чему это приводило; ведь командирское искусство вождения подчиненных в бой не предполагает отправки их на убой. Тут мы склонны больше полагаться на свидетельство фронтовика Н.Н. Никулина, что на врага в Великую Отечественную шли несмотря ни на что, как наши предки на Куликовом поле и при Бородино, потому что так было НАДО, а не руководствуясь какими-то идеями или лозунгами вроде «ни шагу назад!» или «вашу мать!».

В другом случае (самоподбадривания матом) уместно вспомнить персонажа М.Е. Салтыкова-Щедрина:

«Он не ел, не пил, а только произносил сквернословия, как бы питая ими свою бодрость».

[История одного города]

Но надо иметь в виду, что Василиск Бородавкин один из самых упрямых и ограниченных глуповских градоначальников, развивавший бешеную энергию по вопросам, касавшимся преимущественно содержания выеденного яйца, и с успехом водивший в бой только *оловянных* солдатиков. Если же обратиться к солдатикам из плоти и крови, то определенный опыт в самоподбадривании при помощи сквернословия имелся у сослуживцев Р. Леки, поставленных своим начальником на заведомо убойную позицию: «Мы начали ругаться. Тихо, очень тихо, чтобы, не дай бог, никто не услышал, мы кляли на чем свет стоит непроходимую тупость офицера, который выбирал позиции, отсутствие соображения у лейтенанта Плюща и многое другое. Мы поносили самые разные вещи в отдельности и попарно, в общем и конкретно. Когда же это занятие наскучило, оказалось, что чувство беспомощности куда-то пропало»[182], — после чего бравые морпехи догадались-таки самостоятельно сменить позицию. Хорошо, что японцы не появились, прежде чем у американцев закончился этап самоподбадривания и наступило некоторое просветление мышления и тактического глазомера, а то неизвестно чем могла бы закончиться эта история.

Приходится встречаться с утверждениями, что при помощи мата можно кратко и исчерпывающе выразить мысль; Л.А. Китаев-Смык видит в этом даже «исконное предназначение мата»[183]. В пользу данного заблуждения свидетельствует даже глубокоуважаемый Н.Н. Никулин, с юмором делящийся с читателем своим педагогическим опытом: «Пришлось мне однажды обучать молодежь, объяснять устройство пушки. Старался я очень, но новобранцы попались дремучие, тупые, откуда только взяли таких? Однако ребята были хорошие, изо всех сил хотели понять меня, им было неудобно, что я из-за них волнуюсь. На исходе третьего часа я потерял терпение, повысил голос и перешел на наш родной, универсальный язык: вспомнил ихнюю маму. Лица моих подопечных просветлели, глаза засияли, рты раскрылись в счастливых улыбках. За пять минут я объяснил все, над чем так долго и безуспешно бился»[184].

Попробуем разобраться в причинах успеха оригинального педагогического приема. Как можно догадаться, разъяснение

устройства пушки происходило в выражениях, подобных следующим, почерпнутым из примера В.И. Жельвиса: «Стоит такая *уховина*, подошел какой-то *ухой*, крутанул какую-то *ухоенцию*, а она: *“Ухояк! Ухояк!”* — и на *ухой* отсюдова улетела»[185]. Нетрудно заметить, что, «несмотря на шестикратное использование одного и того же корня в коротком предложении, сказанное, в общем-то понятно»[186]. Ничего удивительного в этом нет — хрестоматийная щербовская «глокая куздра»[187] вообще построена на бессмысленном сочетании звуков, в отличие от приведенного примера, в котором, по крайней мере, иногда встречаются человеческие слова.

При объяснении устройства артиллерийского орудия Н.Н. Никулин сначала наверняка использовал терминологию — накатник, тормоз отката, уравновешивающий механизм и пр., — которую простым деревенским парням запомнить с первого раза было трудновато, а уж понять, каким образом части пушки, обозначенные столь мудреными словами, взаимодействуют при выстреле, и вовсе невозможно. К тому же, объем познаний наставника их, судя по всему, подавлял. Переход на *универсальный язык*, соединенный с показом, сыграл двоякую роль: во-первых, психологически подбодрил аудиторию, продемонстрировав, что «педагог» такой же человек, а значит, освоить премудрость и им под силу, во-вторых, вернул обучаемых в мир привычных им понятий, а сметливому русскому человеку стоит только приспособить их к реалиям жизни, и остальное уже не представляется чрезмерно сложным — не боги, дескать, горшки обжигают. Однако результат такого «усвоения» нельзя признать удовлетворительным — оно исключает применение полученных «знаний» в общеупотребительной практике: как, например, подопечные Никулина стали бы докладывать в бою командиру о выходе из строя, скажем, накатника? Вряд ли бы тот смог сразу понять, о какой *ухоенции* идет речь в данном случае, что и не преминул бы высказать в хорошо подобранных выражениях.

Ну и, наконец, о еще одной «функции» (по В.И. Жельвису) сквернословия, которая в какой-то степени перекликается с только что рассмотренной, когда «начальник полагает, что подчиненный поймет его, только если с ним разговаривать матом»[188]. Соблазн почувствовать себя таким образом ближе к народу испытывают в особенности молодые, неопытные военные руководители. В этой связи

полезно ознакомиться с рекомендациями предшественников, опубликованными в «Военном сборнике» в далеком 1859 году. Проблемы выбора языковых средств в общении с подчиненными, стоявшие перед русскими офицерами во второй половине XIX века, во многом были сродни тем, которые возникают перед лейтенантами (и не только лейтенантами!) современной Российской армии. И вот к каким выводам приходили: «Совершенно ошибочно думают некоторые, что для того, чтобы подделаться под тон солдата, говорить с ним его же языком и выражениями, необходимо вставлять в свою речь разные *крепкие* слова… Потакать подобной неразвитости, стараться вызвать улыбку при каком-нибудь ловко сказанном неприличном выражении — значит не понимать той прекрасной и благородной цели, к которой должны быть направлены действия ближайших начальников»[189].

Выдающийся советский педагог В.В. Давыдов отмечал, что обучение только тогда достигает своей цели, если она сочетается с развитием обучающихся, причем развитием опережающим. Та *прекрасная и благородная цель* ближайших к солдату начальников, о которой пишет автор публикации, есть обеспечение условий для развития его личности, заключающегося в стремлении дотянуться до уровня наставника, сравняться с ним и когда-нибудь превзойти его. Вряд ли это достижимо при помощи мата.

*** * ***

Перейдем к выводам. Приведенная ретроспектива свидетельствует, что **грубость, брань и сквернословие в воинском дискурсе несовместимы с высокой боеспособностью армии и флота.** Объяснить это можно следующим образом.

1. Каждая война свидетельствует о постоянном возрастании роли «частного почина», инициативы и ответственности всех военнослужащих от «вышняго генерала до последняго мушкетера», по выражению петровского Воинского устава. Инициатива в деятельности, как правило, начинается с инициативы в речи, поэтому все великие полководцы стремились обеспечить условия проявления этой инициативы через свою близость к солдату. Доступность высокого начальства, преодоление чиновного страха перед им не в последнюю очередь покупалась тщательным соблюдением этики

воинского дискурса, исключением всего, что могло препятствовать короткости и доверительности общения с подчиненными. Проявление ответственности, добросовестное исполнение воинского долга неотделимо от воспитания у каждого военнослужащего воинской чести, характеризующейся развитым чувством собственного достоинства, что также предъявляет высокие требования к этическому аспекту воинского институционального дискурса.

2. Сквернословие, не несущее никакой содержательной смысловой нагрузки, служит лишь выражению эмоций самого примитивного содержания: гнева, ярости, страха, ненависти. «В состоянии эмоциональной напряженности, — отмечает В.И. Жельвис, — в высказывании увеличивается количество элементов, не несущих никакой смысловой нагрузки: эмоциональная напряженность приводит к определенным затруднениям в выборе лексических единиц, к своеобразным “провалам в памяти”»[190], которые нередко заполняются известными «междометными» выражениями, что, конечно, не остается без внимания подчиненных, с одной стороны, лучше всяких слов сигнализируя, что дело пахнет керосином, а с другой, — попутно вырабатывая презрение к интеллектуальным способностям офицера, а значит, порождая опасную неуверенность в правильности его приказов. Перефразируя известную армейскую поговорку, можно утверждать, что «мат в речи офицера в мирное время вызывает смех, а в военное — панику».

«Первое и самое главное в жизни — это стараться владеть самим собой»[191], — эти слова В. Гумбольдт как будто специально адресовал офицерскому корпусу: командир, не владеющий своими чувствами, теряет способность принимать взвешенные, обоснованные, самое главное, *правильные* решения, рационально планировать свою служебную деятельность.

3. Неорганизованность языка и мышления неминуемо сказывается на стиле работы начальника, который обнаруживает явную склонность к штурмовщине, эмоциональным «накачкам» подчиненных, увлечении авторитарно-силовым стилем дисциплинирования, что в конечном итоге подавляет боевую волю подчиненных, препятствует их воспитанию как самодеятельных, энергичных *соработников* командира. В этой связи в 1816 году герой Отечественной войны генерал П.П. Коновницын писал великим

князьям Николаю и Михаилу следующее: «Оскорблять никогда не должно, ниже говорить о ком худо; по единой неосторожности получите недовольных. Общая вежливость привлекает, а надменность, и еще более грубость, лишает вас больших и невозвратных выгод»[192].

4. Если же офицер добровольно соглашается с ролью «мальчика для битья» у своего старшего начальника, безропотно перенося его грубость и впоследствии вволю отрываясь на подчиненных, он утрачивает честь и от него уже трудно ожидать проявления типично офицерских качеств — ответственности и инициативы. Далеко не случайно, что воспоминания ветеранов боевых действий конца XX века пестрят фактами бестолковщины, безынициативности, неорганизованности, халатности и неаккуратности при исполнении служебных обязанностей, которые на войне искупаются большой кровью. С этим связан и очень высокий процент небоевых потерь (например, в Афганистане, по свидетельству генерала А.И. Лебедя, — до 48 %) среди личного состава.

5. Устав внутренней службы требует от военнослужащих проявлять взаимную вежливость. Сквернословие есть речевая форма проявления недисциплинированности, внутренней расхлябанности. Нарушивший уставное требование в речи нарушит его и в жизни. Кто не сдерживается в речи — не будет сдерживаться и в поступках. *Сквернословие подчиненных* в присутствии офицера есть зачастую признак стремления сократить социальную дистанцию с начальником, заявить о своем праве на особое положение в системе воинской субординации. Подразделению, где процветают факты казарменной грубости, недалеко и до казарменного хулиганства. *Сквернословие начальников*, можно сказать, является первым симптомом развития болезни пренебрежения уставными нормами, за которым, в зависимости от тяжести обстановки, неизбежно следуют грубость, рукоприкладство и необоснованное применение оружия. Нет необходимости уточнять, что твердая воинская дисциплина есть непременное условие существования боеспособной армии, отличающая ее от вооруженной толпы.

6. Славянское слово «лай» (ругань) очень точно передает сущность сквернословия — добровольный отказ от преимуществ свойственной только человеку способности к членораздельной речи в пользу выплеска эмоций. «А что ты писал к нам лай и дальше хочешь лаем

отвечать на наше письмо, так нам, великим государям, к тебе, кроме лая, и писать ничего не стоит, да писать лай не подобает великим государям»[193], — так отвечал Иоанн Грозный на оскорбления шведского короля Юхана III. Формирование сознания, по В.А. Сластенину, осуществляется преимущественно словесными средствами, таким образом, сквернословие противоречит самим основам воинской деятельности, требующей сознательного отношения к исполнению своих обязанностей.

7. Все великие педагоги отмечали взаимосвязь умственного развития личности и ее способности к продуктивной речевой деятельности. Сквернословие, следовательно, есть печальный показатель слабого умственного и личностного развития, что не может быть терпимо особенно в военной среде, поскольку, по замечанию М.И. Драгомирова, «масса, сильная в умственной работе, всегда будет бить ту, которая в этой работе слаба»[194].

8. Речь — свидетельство социального статуса личности, ее «социальный паспорт», по выражению известного филолога И.А. Стернина. По речи судят, насколько человек соответствует положению в обществе. Замечательно сказал об этом, обращаясь к своим ученикам, знаменитый византийский ритор IV века Либаний: «Станьте выше слуг в отношении искусства слова. Ведь сейчас вы превосходите их лишь своим общественным положением. А если бы кто-нибудь очутился перед вами и ими, голыми и держащими речь, ничего другого не зная о вас, он не счел бы, мне кажется, справедливым, чтобы одни были господами над другими»[195].

Солдат обычно взирает на командира снизу вверх; психологически офицер обособлен от подчиненного своим сознательным выбором служения Родине, а не собственному благосостоянию. Речь офицера должна укреплять этот ореол. «Существуют (редко) такие подгруппы, — сошлемся на В.И. Жельвиса, — в которых престиж и власть в обществе ассоциируются только с полным отказом от грубых выражений. В высших классах общества, говорящего на суахили, даже ударив себя молотком по пальцу или обнаружив, что у машины лопнула камера, неудачник лишь процитирует строки из Корана: “Поистине Господь над сущим властен всем!”»[196]. Хорошо бы, чтобы когда-нибудь грубость и сопутствующая ей распущенность в слове была изжита и представителями российских элит!

Если же солдат слышит привычный с детства язык улицы, он мгновенно включает офицера в систему привычных ориентиров, выбирая и привычную ему модель речевого поведения, поэтому матерщина, как зараза, будет распространяться по всему подразделению, оказывая негативное влияние на деятельность военнослужащих. Отсутствие *достойных форм речи* отрицательно сказывается на воспитании *товарищеских отношений* в подразделении, препятствуя его сплочению в эффективную боевую команду.

9. Грубость в речи — ясное свидетельство грубости души, отсутствие в ней высоких помыслов, благородства, стремления к подвигу и славе, а **«равнодушие к славе и истине порождает застой в умах и сердцах** (выделено нами. — С.З.)»[197], — справедливо полагал Клод Гельвеций. Благородное стремление к славе Я.В. Толмачев почитал неотъемлемым качеством военного человека. Грустно, что в современной российской армии призывы к бессмертной славе уже почти не звучат в речи военачальников и редко становятся предметом обсуждения в военной среде. Мы полагаем, что истинное содержание воспитания военнослужащих должно заключаться в формировании у них благородного образа мыслей и воспитании чувств.

Такие качества военнослужащих как выдержка, воспитанность, вежливость, являющиеся несомненным признаком профессионализма и высокого морально-боевого духа, немало способствуют успешному решению широкого спектра задач. И эти качества необходимо целенаправленно воспитывать, памятуя о том, что **боеспособная армия есть школа личностного роста военнослужащих.**

К сожалению, искоренение сквернословия в среде военнослужащих Российской армии, наметившееся было в 2015 году, пробуксовывает. Заказанная известному петербургскому специалисту по речевому этикету И.С. Арциховскому книга «Вежливые люди» если и вышла, то не получила широкого распространения. Вдобавок, задумывалась она как пособие по этикету; сам автор в одном из интервью довольно легкомысленно заявлял: «Пусть офицер оставит мат для войны, а в жизни будет Болконским»[198]. Приведенная нами ретроспектива свидетельствует, что это невозможно, да и войны такими «Болконскими», как правило, не выигрываются.

Естественно, что проблема грубости, брани и сквернословия в воинском дискурсе — явление сложное и неоднозначно воспринимаемое в обществе. Здесь мы попытались выразить личное отношение к чистоте воинского дискурса; о прочем предлагаем судить и делать выводы читателю.

В заключение приведем выдержку из наставления маршала Франции Шарля Луи Огюста Фуке, герцога де Бель-Иля (1684–1760) своему сыну-командиру полка:

«Никогда не употребляй с солдатами выражений суровых, прозвищ грозных, слов низких и презрительных; полковник, употребляющий эти слова в разговоре с солдатами, сам себя унижает; а если он обращается к офицерам с подобными выражениями, то он компрометирует себя самым очевидным образом. Никогда не забывай, что офицеры твоего полка — люди, равные тебе, и потому, отдавая

приказания, помни, что тон твой и выражения должны быть приноровлены к лицам, которых двигатель — честь: поверь, сын мой, что это единственный наилучший способ, что тогда твои приказания будут уважаемы, будут приятны, исполнение их ускорится, и солдаты возымеют то доверие к своим офицерам, которое служит основой дисциплины и успехов. Никогда не употребляй наказаний недозволенных законами и нетерпимых национальным духом; когда будешь взыскивать, на лице твоем должно быть видно страдание, которое ты ощущаешь… Никогда не говори с офицерами твоего полка и даже о них тоном повелительным или презрительным, как это делают некоторые начальники; помни, повторяю, что многие из твоих подчиненных гораздо более тебя заслуживают командования полком; будь доступен, любезен, вежлив, предупредителен еще более с подчиненными, чем с равными; вежливость с равными большей частью есть только следствие искусной политики; с подчиненными же — это признак доброго сердца»[199].

Мы полагаем, что испытанный полководец, кавалер высших орденов Франции не стал бы советовать собственному сыну что-либо дурное.

Глава 4

Коммуникативный кодекс военнослужащего

После того как в предыдущих главах было подробно рассмотрены в основном негативные примеры организации воинского дискурса, настала пора предложить читателю нечто позитивное.

Современное общество можно по праву назвать обществом коммуникативным, а некоторые исследователи уже называют его информационно-коммуникативным. В науке возникло новое направление — коммуникология. Словарь-справочник «Коммуникология» Ф.И. Шаркова насчитывает 49 определений видов коммуникации. Важность коммуникации постоянно возрастает: согласно теории Ю. Хабермаса, социальная интеграция общества достигается на коммуникативном уровне, который в силу этого оказывается базовым и опережающим по отношению к процессам социального управления. В философском основании системы Хабермаса заложено концептуальное положение о важности учета *каждого* мнения, выраженного в определенном дискурсе, которое подлежит всесторонней социализации в ходе коммуникации со всеми участниками общественной деятельности. Само участие в общественной речи является фактором, способствующим успешной социализации личности, а значит и средством ее воспитания.

В связи с этим возрастает значение коммуникативной компетентности военнослужащих, которая должна способствовать повышению эффективности служебно-боевой деятельности (через совершенствование командно-административных, управленческих навыков военных руководителей) и достижение целей военно-педагогического процесса (высоких результатов в обучении и воспитании военнослужащих).

Значительное внимание вопросам межличностной коммуникации уделяется в армии США. Так, устав американской армии FM 22-100

устанавливает, что каждый руководитель должен обладать навыками межличностного взаимодействия, к которым его авторы относят:

— демонстрацию хороших навыков устной и письменной речи и навыков активного слушания;

— выбор линии поведения, способствующей выполнению задачи, заключающейся в доведении решения командира и логической аргументации его правильности для подчиненных;

— стимулирование и направление окружающих для выполнения задачи[200].

Нетрудно заметить, что указанные навыки входят в структуру коммуникативной компетентности, предполагающей свободное владение основными жанрообразующими родами речи (информационной, убеждающей и вдохновляющей), нормативным и этическим аспектом культуры речи.

Однако, несмотря на признание военным руководством важности успешной коммуникации на всех уровнях для развития современных Вооруженных Сил Российской Федерации, требования аналогичных уставных документов Российской армии, к сожалению, пока не распространяются на характер речевой деятельности военнослужащих. При этом в системе высшего образования и при повышении квалификации офицерских кадров в настоящее время больше полагаются на то, что соответствующие компетенции сформируются у офицеров самой практикой армейской и флотской службы. При этом забывается мысль М.И. Драгомирова: «Поздно учиться говорить с солдатом, когда нужно уметь словом посылать его на смерть. Отдать приказание коротко и ясно, подбодрить словом, взглядом — великое и трудное искусство, которое большинству дается только практикой»[201]. То же можно сказать и речевом воспитании рядового и сержантского (старшинского) состава армии и флота, актива подразделений, поскольку указанные категории военнослужащих в своей речевой деятельности руководствуются, как правило, только строками устава внутренней службы (УВС, гл. 2, с. 38), гласящего, что «приказ должен быть сформулирован ясно, не допускать двоякого толкования и не вызывать сомнения у подчиненного». Как следствие, недостаточное внимание к речевой деятельности военнослужащих приводит к тому, что даже при подаче уставных команд, отдании приказов и распоряжений речь нередко

организуется с грубейшими нарушениями правил, выработанных военной риторикой за тысячелетия ее существования.

Современное командирское и штабное мышление не может воспитываться на недостаточно продуманных, запутанных и многословных формулировках. Указанные недостатки неизбежно будут отражаться в текстах приказов и распоряжений, большинство из которых пишутся по некогда невесть кем установленному шаблону. Но спасительный в мирное время шаблон оказывается бессилен передать что-либо выходящее за рамки безликих «решил», «приказываю», мобилизовать простыми и ясными словами волю тех, к кому он обращается, на ответственное и инициативное исполнение своих требований в боевой обстановке. В первый период Великой Отечественной войны, по свидетельству маршала К. К. Рокоссовского, подобные шаблоны нередко имели целью скрыть истинное положение дел и снять ответственность с их авторов. Война потребовала нового языка как приказов, так и боевых уставов; не случайно и Боевой устав пехоты (1942), и приказ № 227 заговорили простым, понятным, суровым и честным языком.

Наряду с внедрением в военное образование и подготовку военных кадров полноценного речевого воспитания[202](введение спецкурсов, факультативов, разделов и отдельных учебных дисциплин, посвященных изучению наследия военной риторики, культуры речи и особенностей коммуникативной деятельности военнослужащих), кардинально решающего проблему формирования коммуникативной компетентности, представляется целесообразным предложить некоторые меры организационного характера. Данный подход, заключающийся в формировании у солдат, сержантов и офицеров установки на соблюдение наиболее профессионально значимых речевых стандартов, несложных и легко запоминающихся правил речевой деятельности основывается на принципах, впервые реализованных в тексте суворовского «Словесного поучения солдатам»: *ясность, лаконичность, обязательность запоминания и исполнения*. Опираясь на традиции нашей армии и исходя из современных требований, представляется, что речевую деятельность российских военнослужащих следует организовать в соответствии с коммуникативным кодексом, положения которого должен знать каждый.

В толковых словарях слово «кодекс» определяется как свод законов. Но также кодекс можно рассматривать и как свод правил, принципов. В настоящее время применительно к различным сферам деятельности получает распространение такое понятие как «коммуникативный кодекс», представляющее собой систему положений, принципов, регулирующих речевое поведение участников коммуникации.

Формулировки коммуникативного кодекса военнослужащего Вооруженных Сил Российской Федерации должны быть краткими, приближенными к разговорной речи, свободными от занаученых оборотов или канцелярита, начинаться с глагола, выражающего действие (по аналогии с текстом суворовского «Словесного поучения», который почти на 33 % состоит именно из глаголов)6.

Целесообразно, по аналогии с практикой заучивания «Кредо солдата» в американской армии и уставных положений в Российской армии (таких, например, как обязанности солдата) рассматривать знание **коммуникативного кодекса военнослужащего** (ККВ) как условие для присвоения очередного звания и назначения на вышестоящую должность. Положения ККВ приведены ниже:

Говори, что думаешь, и не говори, в чем не уверен.

Излагай последовательно и аргументировано.

Говори и пиши правильно, кратко и просто.

Не бойся говорить красиво и увлекательно.

Старайся больше слушать, чем говорить.

Говори на языке интересов собеседника.

Не стесняйся задавать вопросы.

Начинай с главного.

Говори о важном.

Рассмотрим вкратце содержание максим кодекса.

Говори, что думаешь, и не говори, в чем не уверен

Это положение ККВ вытекает из критерия *искренности* и критерия *истинности*, лежащих в основании коммуникативного кодекса, разработанного английскими лингвистами Г. Грайсом и Дж. Личем,

которые при организации речи можно трактовать, с одной стороны, как *верность себе*, а с другой, как *верность действительности*. Такой подход стремится гармонизировать соотношение речевой деятельности, служащей самовыражению личности военнослужащего, и речевых действий, направленных на обеспечение интересов служебно-боевой деятельности.

Существует и еще один важный аспект этого правила: в контуре управления должна циркулировать исключительно проверенная и *правдивая* информация. Информация «снизу» не должна вводить вышестоящее командование в заблуждение относительно истинного положения дел, чтобы решения, принимаемые на основании этой информации, были адекватными ситуации. Особенно это касается описания боевой и оперативной обстановки и *исчисления потерь противника*. В отношении последнего традиционно наблюдается наибольшее число злоупотреблений. Например, спецназовец В.П. Ковтун так комментировал порочную практику приукрашивания боевой деятельности советских войск в Афганистане: «Как правило, для того чтобы оправдать большие потери, командование сочиняет легенду о жестоком бое с превосходящими силами противника, в котором и полегли герои. А раз герои, то награждать надо соответственно. Отсюда и история о лично убитых в рукопашной схватке «духах» и тому подобные сказки… Все, что перечислено «в общем итоге операции» как уничтоженное — обыкновенная социалистическая приписка»[203]. Приписскомания и очковтирательство даже в важнейших документах, на основании которых планировались боевые действия Ограниченного контингента, доходили до того, что, по словам другого офицера спецназа ГРУ Е.Г. Сергеева, начальник штаба Туркестанского военного округа генерал-лейтенант Гусев называл офицеров оперативно-агентурных групп военной разведки не иначе как «бородатые сказочники»[204](бороду офицеры разведки отращивали, чтобы «сливаться» с местным населением). Как следствие, до 90 % засадных действий, предпринимаемых советскими войсками, оказывались неэффективными.

Не менее важно, чтобы информация, поступающая «сверху» в виде приказов и распоряжений, была ориентирована не только на безоговорочное, но и сознательное исполнение, на понимание личным составом требований командования. Для того чтобы суметь в полной

мере использовать в боевой обстановке метод примера, начальнику надо быть искренним с подчиненными; официальная информация должна обязательно интерпретироваться, чтобы она звучала голосом собственных убеждений. «Мне не раз приходилось общаться с солдатами и офицерами, которые участвовали в боях в Афганистане и Чечне и не могли понять смысла этих боев»[205], — свидетельствует военный корреспондент Н. Стародымов. Подобная недопустимая дезориентация чревата снижением мотивации личного состава, падением дисциплинированности, проявлением агрессии к раненым, пленным и нонкомбатантам.

Излагай последовательно и аргументировано

Сочетание принципов правильного мышления и речевого воспитания войск основано на требовании первого документа, регламентирующего речевую деятельность военнослужащих — византийского трактата «Rhetorica militaris» *(лат.* «Военная риторика») и положениях современной теории аргументации. Указанный документ рекомендовал полководцам, пока позволяют условия обстановки, разъяснять воинам свои требования, вырабатывая у них привычку *доверять* правильности его решений, с тем чтобы в бою, когда аргументировать и растолковывать, естественно, некогда, приказы исполнялись с полной уверенностью в их обоснованности и целесообразности.

Последовательность изложения предполагает важнейшую способность говорящего структурировать мысль, обеспечить полное раскрытие ее смысла и хода рассуждений, не полагаясь на, к несчастью, распространенное заблуждение что очевидное адресату будет настолько же ясно адресанту.

Говори и пиши правильно, кратко и просто

Данное требование представляет собой отражение основных коммуникативных качеств речи, разработанных лингвистами в рамках культуры речи. Соблюдение последних двух положений особенно

актуально для информационной и убеждающей речи. Служебные и боевые документы не должны усложнять коммуникацию, запутывать адресата, а в случае передачи секретной, шифрованной информации — увеличивать время на ее обработку. Лаконичность речи и текста служебного документа особенно важны, если учесть какое обилие информации приходится перерабатывать штабам и командиру, чтобы быстро принять всесторонне обоснованное решение. В этом смысле актуально звучит требования американского наставления AP 600-70 PAM «Правила эффективного письма для армейских руководителей», чтобы написанное можно было понять за одно быстрое прочтение, и оно, как правило, не содержало бы грамматических ошибок»[206] при сохранении точности в деталях. К сожалению, грамотность курсантов наших военных вузов оставляет желать много лучшего, в чем автор имел возможность неоднократно убедиться, преподавая дисциплину «Русский язык и культура речи», но этот недостаток вызывает в лучшем случае снисходительную улыбку начальников, не подозревающих, насколько трудно бывает понять текст, написанный даже в комфортной, спокойной обстановке учебной аудитории. А вот американцы понимают, что «плохая письменная речь затрудняет принятие решений»[207], особенно в экстремальной обстановке современного боя, когда обстановка меняется буквально ежеминутно.

Нельзя забывать, что культура речи есть показатель общей культуры, и в первую очередь именно по этому критерию судят о руководителе. Что же можно сказать о культурном уровне некоего «весельчака»-политрука, заявившего, по воспоминаниям Н.Н. Никулина, в 1941 году на политбеседе: «Украина уже захвачена руками грязных фашистских лап!»[208]. Следующие перлы уже из авторской коллекции лексико-грамматических откровений современных курсантов показывают, что в чем-то мы действительно наследники славы своих дедов и отцов: «Итоги сражения превзошли ожидания, хотя оставляли желать лучшего»; «Потери немецких войск составили около двухсот трупов»; «Сопротивление противника разбежалось в лес»; «Враг поглощался в панику» и т. п. Как тут не вспомнить слова генерала П.Д. Киселева о военачальниках печальной памяти николаевской поры: «Невежество этих господ ужасное, особенно когда подумаешь, что рано или поздно они будут командовать тысячами человек, обязанных им повиноваться»»[209][210].

Не бойся говорить красиво и увлекательно

В этом положении ККВ заключено условие воздействия на эмоционально-волевую сферу личности, являющуюся залогом успешности вдохновляющей речи. Еще Цицерон полагал, что всякая хорошая речь должна быть «способна убеждать, услаждать, увлекать»11. Великие полководцы были, как правило, и великими ораторами и вошли в историю не только своими победами, но и яркими, запоминающимися речами, обращенными к возглавляемым ими войскам. К сожалению, сейчас богатейшее наследие военной риторики практически не изучается в военных вузах. Мы до сих пор опрометчиво полагаем, что офицер должен быть прежде всего техническим специалистом, в то время как выпускники в один голос свидетельствуют, что в технических специалистах в подразделениях недостатка обычно нет, — с техникой вполне справляются прапорщики и контрактники с солидным служебным опытам, а вот молодым офицерам как раз не хватает умения работать с людьми, тех самых командно-организаторских навыков, о дефиците которых регулярно оповещают отзывы из войск.

В речи проявляется личность военачальника, которая есть такой же осязаемый элемент боевого успеха, как и техническая оснащенность, и выучка войск. Например, «войска Скобелева, — по слову русского военного психолога С.К. Гершельмана, — почерпали в нем свою уверенность. Он являлся перед ними всегда бодрый, спокойный, веселый, перед боем радостный и одним своим видом вселял в них уверенность. Сам он в своих приказах и словесных обращениях к войскам откровенно и пылко выражал свою полную уверенность в их силах»[211]. В военных вузах надо не только формировать личность будущего офицера, но и учить ее выражать в речи.

Старайся больше слушать, чем говорить

Важность активного слушания как одного из видов речевой деятельности, как правило, остается на периферии сознания командного состава армии и флота. Поразительна незыблемая уверенность нашего офицерского корпуса в том, что истинный начальник только тогда может считаться таковым, если умеет сурово

приказывать и требовать неукоснительного исполнения приказов. Спору нет, но как же быть с теми, что будет исполнять эти приказы? Как начальник сможет понять, будут ли они выполнены, как принято выражаться, любимым личным составом, не говоря уже о том, насколько они исполнимы? Полезно помнить, что Фридрих Великий на заре своей полководческой карьеры два месяца провел в солдатском лагере, наблюдая жизнь своих солдат, слушая солдатские разговоры, изучая солдатский характер. Впоследствии он указывал офицерам: «В эскадронах находятся старые солдаты, довольно опытные, знающие и благоразумные, которые могут открыть что-либо новое, или способствовать к такому открытию; пусть офицер расспрашивает их о прежних походах; это научит его, а им внушит доверие, приносящую великую пользу во всяком роде действий»[212]. Как видим, умение слушать полезно не только для расширения собственного кругозора, но и в воспитательном плане, поскольку оно предоставляет подчиненным ощутить собственную значимость, обратив на себя заинтересованное внимание начальника и окружающих товарищей.

«Кивайте головой каждый раз, когда вы сказали бы: “Да, я понимаю”, — рекомендует офицеру американский устав FM 22-100. — Если вы согласны с говорящим, вы можете использовать эпизодические “ага”. Смотрите говорящему в глаза. Отдайте говорящему все ваше внимание. Не позволяйте себе отвлекаться, глядя в окно, проверяя ваши часы, играя с чем-то, отвлекаясь на прием и обслуживание гостей, или пытаясь делать более одного дела одновременно. Избегайте прерывания говорящего; это смертный грех активного слушания»[213].

Не менее важно активное слушание для обеспечения принципа диалогичности педагогической коммуникации, которая одна только и может служить более или менее надежной гарантией усвоения знаний.

Говори на языке интересов собеседника

Это положение основывается на педагогической практике А.В. Суворова. Суворовская наука побеждать трезво обращалась к самым главным солдатским интересам — остаться в живых («вот оно, братцы, воинское обучение!»), победить («победа, слава, слава, слава!») и

нахватать трофеев («в Измаиле золото и серебро делили пригоршнями»). Наполеон

в свою очередь прагматично полагал, что солдату нужны слава, почести и награды, и что если бы у него хватило орденской ленты, он смог бы завоевать весь мир. Человеческая природа бойца и движущие силы боевой активности войск мало изменились с тех пор; признавая этот простой факт мы избегнем многих разочарований, пытаясь взывать к высоким материям, вроде патриотизма, не подкрепляя их более насущными соображениями. Генерал О. Брэдли в своих воспоминаниях приводил достаточно оригинальный способ мотивирования войск заместителем командира 1-й пехотной дивизии Т. Рузвельтом во время операции в Тунисе: «„Как только мы разделаемся с бошами[214], — говорил он своим грубым голосом, — мы вернемся в Оран[215] и изобьем поголовно всех военных полицейских в городе”. Это был один из немногих девизов, — комментировал бравого вояку Брэдли, — которые в 1-й дивизии выполнялись точно»[216]. Ну что ж, на худой конец, сгодится и это, — высокие боевые качества дивизии признавались всеми.

Ориентация на интересы собеседника, естественно, предполагает необходимость изучения подчиненных начальниками и умение опираться в аргументации речи на основные ценности общественного сознания, воплощенные в категории пафоса общественной речи[217] (героического, религиозного, государственного, национального, социального и наднационального).

Не стесняйся задавать вопросы

Тактика диалогического общения заключается во владении собеседниками вопросно-ответным комплексом, в котором ведущая роль принадлежит вопросу. Тем не менее, опросы, проведенные среди курсантов, показали, что в социально-ориентированном общении молодым людям бывает непросто преодолеть психологический барьер, обусловленный статусно-ролевым принципом. Более 60 % указали, что предпочли бы скорее потерять информацию, нежели задать вопрос, устраняющий недопонимание[218]. Обязанности старшего начальника, по М.И. Драгомирову, состоят, среди прочего, и в следующем: «Он

приучает подчиненных начальников почтительно, но твердо просить разъяснения непонятных приказаний… Он должен разъяснить им, что если команда не допускает просьбы о разъяснении, то приказание зачастую делает его необходимым, ибо в деле (в бою. — *авт.)* лучше двадцать раз переспросить, чем раз напутать»[219]. Поэтому необходимо целенаправленно формировать у военнослужащих установку на правомерность и необходимость вопросов в процессе служебной коммуникации.

Начинай с главного

Динамичное время петровских преобразований оставило след и в формах российских военных и государственных документов. Широкое распространение с легкой руки великого преобразователя России получили так называемые «пункты» — документы, в которых, минуя обязательное для старомосковского делопроизводства пышное велеречивое и многословное титулование адресата и адресанта, сразу, как сейчас говорят, маркированным списком излагалось существо дела.

Так была оформлена, например, петровская инструкция фельдмаршалу графу Б.П. Шереметеву о порядке действия его войск под Ригой: «1. Чтоб господину фельдмаршалу как возможно скорее итить и отрезать неприятеля от Риги, конечно, с помощью Божией. 2. Отрезав, отнюдь бою не давать, но на переправах держать, и естьли сильно захотят перейтить, то закопать перед собою, чтоб им конечно пресечь путь, и на каждой день посылать к нам письма, что чиниться будет, чтоб нам о всем быть известным, и потому немедленно поспешать… Piter (в Вильне, в 1 день августа 1705)»[220]. Содержание послания предельно кратко можно передать так: выступить под Ригу, осадить, отрезать от переправ, если неприятель будет усиленно пытаться прорваться, — окопаться и ежедневно докладывать о ходе дел царю. Подобным стилем писал свои диспозиции и А.В, Суворов.

В процессе служебно-боевой деятельности российских военнослужащих целесообразно учесть и центральное положение руководства DA 600-67 PAM, позволяющее минимизировать когнитивные усилия адресанта по восприятию информации в процессе коммуникации и таким образом сократить время на принятие

управляющего воздействия. «Необходимо настаивать, — рекомендует руководство, — как это делают бизнес-райтеры, чтобы сначала излагали суть. Подчиненные должны начинать с информации, которую они бы сохранили, если бы должны были избавиться от всего прочего»[221].

Говори о важном

Это положение можно трактовать двояко: с одной стороны, в нем находит отражение предыдущее требование ККВ, направленное на обеспечение прохождения значимой информации, а с другой — выражается системообразующий для речевого воспитания принцип социальной значимости речи. Под *социально-значимой речью* мы понимаем речь, способствующую возникновению изменений в общественном сознании или непосредственно влияющую на результаты общественной деятельности[222]. Примером реализации принципа может служить армия «новой модели» О. Кромвеля. Развитие собственного достоинства солдат Кромвеля обеспечивалось использованием потенциала диалогической речи, реализуемого в ходе дискуссий и проповедей на религиозные и политические темы. Не было до Кромвеля в истории армии, — писал английский историк Ф. Гаррисон, — в которой солдаты «представляли то, что в теориях известно под именем «деятельных граждан» в великой борьбе; они привыкли рассуждать, молиться и проповедовать по всякому случаю»[223]. Сознательность солдат открывала дорогу широкому проявлению ими типично «офицерских» добродетелей: ответственности и инициативы. О «железнобоких» Кромвеля говорили, что «они стремились в битву, причем каждый отдельный воин казался предводителем, всякий полагался на себя, как будто победа зависела лишь от его оружия, совершал дела, заслуживающие вечной славы…»[224].

Как показывает сравнение речевой деятельности советских и немецких военнослужащих в годы Великой Отечественной войны[225], даже в межличностном общении одни речевые действия (юмор, сатира, разговоры на пустые и непристойные темы), направленные на снятие боевого стресса, лишенные поддержки в речевой деятельности,

в раскрытии и выражении личности в социально значимой речи, со временем теряют способность достигать заложенных в эти действия целей. У красноармейцев в отличие от немецких «камрадов» было мощное средство речевого воспитания — комсомольские и партийные собрания, которые проводились регулярно, в обязательном порядке — в период резкого обострения обстановки. На собраниях правом голоса пользовался каждый присутствующий; даже простая реплика в коллективном обсуждении важных вопросов — кому первым вскакивать из окопа, кому прикрывать в бою командира — среди товарищей по оружию звучала своеобразным социальным обязательством, дисциплинировала и вдохновляла на подвиги. Немецкое же «солдатство», худо-бедно объединявшееся разговорами на обыденные темы в период временных успехов, нравственно стремительно деградировало, когда в войне произошел решительный перелом.

* * *

Нетрудно заметить, что предлагаемый коммуникативный кодекс актуализирует у военнослужащих осознание необходимости повышения речевой и коммуникативной культуры, владения основными жанрообразующими родами речи в устной и письменной форме, необходимости дифференцированного подхода к речевой деятельности в межличностном и социально-ориентированном общении, изучения военной риторики.

Старая истина «я мыслю, следовательно, — я существую», в настоящее время может быть переформулирована так: «я говорю, следовательно, — я существую», поскольку человек может реализовать себя только в обществе, в процессе коммуникации, общения, актуализации своей личности. Следование коммуникативному кодексу наряду с правильной организацией речевого воспитания позволяет побудить военнослужащих к речевой активности, которая зачастую знаменует начало активности деятельностной. Дать курсанту, офицеру, солдату, особенно молодому, почувствовать себя компетентным речедеятелем, «право голоса» которого является одновременно и его прямой обязанностью, к мнению которого прислушиваются, — значит помочь в развитии у него ответственности, способности и готовности к проявлению

инициативы и достижению успеха в решении служебных и боевых задач — качеств, без которых немыслим современный военнослужащий Вооруженных Сил Российской Федерации.

Список литературы

«За други своя…»: Хрестоматия православного воина. Книга о воинской нравственности. СПб.: Алетейя, 2016.

«Зимняя война»: работа над ошибками (апрель-май 1940 г.). Материалы комиссий Главного военного совета Красной армии по обобщению опыта финской кампании. М.: СПб.: Летний сад, 2004.

«Мастер-класс» Афганской войны. «В бою все одной крови». М.: Яуза: Эксмо, 2012.

1647 год. Ученье и хитрость ратного строения пехотных людей. СПб., 1904.

Алексеев В. Письма и бумаги Суворова. Т.1, письма 1764–1781 гг. Петроград, 1916.

Антонов-Овсеенко В.А. Записки о Гражданской войне. В 3-х томах. Т.1. М., 1924–1928.

Артикул воинский [Электронный ресурс]. Режим доступа: http//www. hist.msu.ru>. Дата обращения: 11.02.2013.

Арцишевский: «Пусть офицер оставит мат для войны, а в жизни будет Болконским…» [Электронный ресурс] http://livejournal. com/i39283.html. Дата обращения: 12.02.2018.

Балонов Л.Я. и др. Унилатеральный судорожный припадок (нейрофизиология, клиника, лечебное действие при психозах). М.: Наука, 1979.

Батов П.И. В походах и боях. М.: Воениздат, 1984.

Белов Г.П. Честь и долг. СПб: «Сударыня», 2009.

Берн Э. Секс в человеческой любви [Электронный ресурс] http:// www.litmir.me>br/?b=329O&p=i. Дата обращения: 22.09.2021.

Бои у Хасана. Партийно-политическая работа в боевой обстановке. М.: Воениздат, 1939.

Брэдли О. История солдата. М.: Изографус: ЭКСМО-пресс, 2002.

Брюхов В.П. Крепче брони. М.: Региональная общественная организация «Пермское землячество», 2005.

Булгаков С.Н. На пиру богов (Pro и contra): Соврем, диалоги. Киев: Летопись, 1918.

Взгляд на постепенное образование рекрута и солдата // Военный сборник. 1859. № 2.

Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. 1–4 июня 1937 г Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2008.

Воспоминания В.М. Еропкина∕Русский архив. 1878. Кн. 1.

Восточный фронт адмирала Колчака. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004.

Временник Ивана Тимофеева. М-Л. АН СССР. 1951.

Гельвеций К.А. О человеке, его умственных способностях и воспитании. М.: Соцэкгиз, 1938.

Генерал Дитерихс∕Ред. и сост. В. Ж. Цветков. М.: Посев, 2004.

Гершельман С.К. Нравственный элемент в руках М.Д. Скобелева. Гродна, 1902.

Горбатов А.В. Годы и войны. М.: Воениздат, 1989.

Гриммельсгаузен Г. Симплициссимус. М.: Эксмо, 2007.

Гумбольдт В. фон Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985.

Доклад Комиссии ГКО тов. Сталину 11 апреля 1944 г. № М-715. [Электронный ресурс] http://www.battlefield.ru>report-to-stalin- 11-04-1944.html. Дата обращения: 21.06.2013.

Дорогами войны: Сборник воспоминаний. СПб.: «Дума», 2005

Драгомиров М.И. Армейские заметки∕О долге и чести воинской в Российской армии: Собр. матер., докум. и стат.∕Под ред. В.Н. Лобова. 2-е изд. М.: Воениздат, 1991.

Драгомиров М.И. Жанна д’Арк. СПб., 1898.

Драгомиров М.И. Офицерская памятка: Мысли и афоризмы ген. М.И. Драгомирова о воен. деле. СПб., 1892.

Другая война. 1939_1945∕Под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. СПб.: РГГУ, 1996.

Ермоленко В. И. Военный дневник старшего сержанта. Белгород, 2000.

Жельвис В.И. Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М.: Ладомир, 2001. 349 с.

Законодательство Петра I. М.: «Юридическая литература», 1997.

Зверев С. Э. Военная риторика Второй мировой. Речевое воспитание войск в межвоенный период и годы войны. СПб.: Алетейя, 2014.

Зверев С. Э. Военная риторика Средневековья. СПб.: Алетейя, 2011.

Зверев С.Э. Психолого-педагогические аспекты воспитания американских военнослужащих // Военная мысль. 2016. № 6. С. 68–79.

Зверев С.Э. Языковое мышление и личностные особенности курсантов первого курса военного вуза // В мире научных открытий. 2013. № 1.2(37).

Иван Грозный. Государь / Сост. и прим. В.Г. Манягина. М.: Институт русской цивилизации, 2010.

Иванов Вяч. Вс. Чет и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем. М.: Сов. радио, 1978.

Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10 тт. М.: Русская книга, 1993–1999.

Каган-Тарковская М. Д. Переписка запорожских и Чигиринских казаков с турецким султаном (в вариантах XVIII в.) // Труды Отдела древнерусской литературы. М., Л.: Наука. Изд-во АН СССР, 1965. Т. XXI.

Казанская история // Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. М.: Худож. лит., 1985.

Каменский В. А. Жизнь гвардейского солдата // Сержант. 2002. № 3.

Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М.: Прогресс, 1987.

Кекавмен. Советы и рассказы византийского полководца XI века. СПб.: Алетейя, 2014.

Китаев-Смык Л.А. Матерная речь и матерная ругань в современной России [Электронный ресурс] http://www. psy.su>feed/9O35/… Дата обращения: 22.09.2021.

Китаев-Смык Л.А. Организм и стресс: стресс жизни и стресс смерти. М.: Смысл 2012.

Китаев-Смык Л.А. Психология стресса. М.: Наука, 1983.

Китаев-Смык Л.А. Стресс войны: Фронтовые записки врача-психолога. М.: РИК, 2001.

Китаев-Смык Л.А. Стресс. Эмоции и соматика. М.: Академический проект, 2020.

Козлов С. В. и др. Спецназ ГРУ: Очерки истории. Историческая энциклопедия в 5 книгах. Кн. 3: Афганистан — звездный час спецназа. 1979–1987. М.: «Русская панорама», 2013.

Константинов Д. Я сражался в Красной Армии. Буэнос-Айрес: «Новое слово», 1952.

Корни Иггдрасиля. М.: Терра, 1997.

Кретьен де Труа Ланселот, или рыцарь телеги. Ростов н/Д: Foundation, 2012.

Кривогуз Г. М. Солдатские мемуары. М., 2009.

Кузнецов Н. Г. Курсом к победе. М.: Голос, 2000.

Лебедь А. И. За державу обидно. М.: Редакция газеты «Московская правда», 1995.

Левинский Д. Мы из сорок первого… Воспоминания. М.: Новое издательство, 2005.

Леки Р. Каска вместо подушки. М.: Центрполиграф, 2005.

Литература Средних веков: хрестоматия. СПб.: Амфора, 2009.

Литературные шедевры средних веков. Ростов н/Д: «Донской издательский дом», 2014.

Лишшак К., Эндреци Э. Нейроэндокринная регуляция адаптационной деятельности. Будапешт: Изд-во Акад, наук, 1967. 219 с.

Ломоносов Д.Б. Записки рядового радиста: фронт, плен, возвращение, 1941–1946. М.: Центрполиграф, 2012.

Ляховский А.А. Пылающий Афган. М.: Планета, 2014.

Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. М.: ГПИ «Искона», 1993.

Максимов С.В. Крылатые слова. Н. Новгород: «Русский купец»,1996.

Марков и марковцы. М.: Информационное агентство «Белые воины», 2012.

Мартурель Ж., Галба М. Ж. де Тирант Белый: пер. с каталанского. М.: Ладомир, Наука, 2005.

Маршал Бель-Иль. Наставление полковому командиру. Одесса, 1910.

Мейл ер Н. Нагие и мертвые. М.: Вече и др., 1994.

Мишле Ж. Жанна д’Арк. СПб.: Изд. «Всемирная литература», 1920.

Моруа А. Полковник Брэмбл и его друзья. М.: Политиздат, 1992. 140 с.

Мышлаевский А.З. Петр Великий. Военные законы и инструкции. СПб., 1894.

Мы все войны шальные дети… (дневники периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). Саратов: ООО «Приволжское

издательство», 2010.

Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. В 3-х томах. М.: Государственное изд-во художественной литературы, 1957.

Никифор II Фока Стратегика / пер. со среднегреч. и комм. А.К. Нефедкина. СПб.: Алетейя, 2005.

Никулин Н. Н. Воспоминания о войне: фронтовой дневник. М.: АСТ, 2015.

Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года. В 3-х томах. Т. 2. М. — Л., 1950.

Ончуков Н.Е. Печорские былины. СПб., 1904.

Отечественная война 1812 г. в воспоминаниях современников. М., 2008.

Памятники византийской литературы IX–XIV вв./ под ред. Л.А. Фрейберг. М.: «Наука», 1969.

Памятники литературы Древней Руси: XIII век. М.: Худож. лит., 1981.

Перемытов А.М. Июльская операция Западного фронта (рукопись). М.: Военная академия РККА, 1934.

Перну Ж., Клэн М.-В. Жанна д'Арк: Пер. с франц. / Предисл. Н.И. Басовской. М.: Издательская группа «Прогресс», 1992.

Песни о Гильоме Оранжском. М.: Наука, 1985.

Песни, собранные П. В. Киреевским. СПб., 1862.

Письма Петра Великаго, писанный к генерал-фельдмаршалу, тайному советнику, кавалеру, графу Б.П. Шереметеву. М.: Императорский университет, 1774.

Приказ о запрете матерной брани в армии Новороссии [Электронный ресурс] http://derzhavnaya.info/pravoslavnomuvoinu.html. Дата обращения: 25.08.2016.

Пугачевский С. За власть Советов (из дневника участника гражданской войны) / Материалы по истории Красной армии. Т.1. М., 1923.

Речи Либания. Казань, 1914.

Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М.: Воениздат, 1988.

Русские летописи XI-XVI веков: избранное / Российская акад, наук, Ин-т русской литературы. СПб.: Амфора, 2006.

Русский архив: Великая Отечественная. Т. 12 (1–2). Накануне войны. Материалы совещания высшего руководящего состава РККА

23–31 декабря 1940 г. М.: ТЕРРА, 1993.

Русский архив: Великая Отечественная: Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны. 1943 год. Т. 23 (12-3). М. ТЕРРА, 1999.

Русский архив: Великая Отечественная: Накануне войны: Материалы совещаний руководящего состава ВМФ СССР в конце 1940 года. Т. 12 (1–2). М. ТЕРРА, 1997.

Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 Г.-1942 г. Т. 13 (2–2). М. ТЕРРА, 1997.

Сагалович Ю.Л. Пятьдесят девять лет в подарок от войны. Воспоминания и размышления фронтовика — пулеметчика и разведчика, прошедшего через перипетии века. М.: Издательское содружество А. Богатых и Э. Ракитской, 2004.

Сенюткин М. Донцы. Исторические очерки военных действий, биографии старшин прошлого века, заметки из современного быта м взгляд на историю Войска Донского. М., 1866.

Сирченко М. Танки на Заозерной. М.: Воениздат, 1939.

Сказание о Мамаевом побоище // Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV века. М.: Худ. лит., 1981.

Слово о полку Игореве. Л.: Сов. писатель., 1985 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http//www. LiЬгагу. Текст произведения. Дата обращения: 11.01.2018 г.

Современная военная риторика: речевое воспитание военнослужащих США: хрестоматия: пер. с англ. / сост. С.Э. Зверев. СПб.: Алетейя, 2013.

Сталин И.В. Сочинения. Тверь: Информационно-издательский центр «Союз», 2006.

Стеженский В.И. Солдатский дневник: воен, страницы. М.: Аграф, 2005.

Стенли Хиршсон Генерал Паттон. Жизнь солдата, 2004.

Толмачев Я.В. Военное красноречие, основанное на общих началах словесности, с присовокуплением примеров в разных родах оного. СПб., 1825.

Троцкий Л.Д. Как вооружалась революция. В 3-х томах. Т. 2. Ч. 2. М.: ВРВС, 1923.

Трошев Г.Н. Моя война: чеченский дневник окопного генерала. М.: Вече, 2016.

Трубецкой В.С. Записки кирасира: Мемуары. М.: «Россия», 1991.

Тяжкий грех — сквернословие. Одесса: Типо-хромолит. Е.И. Фесенко, ценз. 1902.1 с.

Устав военно-уголовный // Свод военных постановлений. Ч. 5. СПб., 1855.

Фирдоуси Хаким Абульхаким. Шах-намэ [Электронный ресурс]. Режим доступа: http//www. ModernLib.ru>books/hakim_abulkasim_ firdousi/shah-…. Дата обращения: 11.01.2018.

Фронтовые дневники генерала А.Е. Снесарева // Военно-исторический журнал. 2004. № 9.

Ходин А.А. Политика Швеции в германских землях Священной Римской империи во время Тридцатилетней войны / Дисс…канд. ист. наук. Смоленский ГУ, 2010.

Шестаков И.А. Полвека обыкновенной жизни. Воспоминания (1838–1881). СПб.: Судостроение, 2006.

Шиллер Ф. История Тридцатилетней войны. Собр. соч. в 7-ми томах. Т.5. М., 1957.

Шишкин А. Поездка в Новороссию [Электронный ресурс] http://navy-korabel.livejournal.com/139283.html. Дата обращения: 25.08.2016.

Шмелев И.С. Солдаты [Электронный ресурс] http:// az.lib.ru>s/ shmelew_i_s/. Дата обращения: 24.09.2021.

Якобсон Р. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985.

Примечания

1

Указ Президента РФ от 10.11.2007 N 1495 (ред. от 22.01.2018) «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных сил Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http//www. Consultant. ru>document/cons_doc — LAW—72806/. Дата обращения: 11.01.2018 г.

2

Лебедь А.И. За державу обидно. М.: Редакция газеты «Московская правда», 1995. С. 307.

3

Шестаков И.А. Полвека обыкновенной жизни. Воспоминания (1838–1881). СПб.: Судостроение, 2006. С. 48.

4

Жельвис В.И. Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М.: Ладомир, 2001. С. 112.

5

Кшатрии — члены варны (иногда ошибочно именуемой «кастой») профессиональных воинов в Древней Индии.

6

Кей-Кавус — мифический шах Ирана.

7

Фирдоуси. Шах-намэ [Электронный ресурс]. Режим доступа: http//www. ModernLib. ru >books/hakim_abulkasim_firdousi/shah-…. Дата обращения: 11.01.2018.

8

«Происхожденье друг друга мы знаем, родителей знаем», — так, например, обрывает Ахилла троянский герой Эней, предлагая сразу перейти к схватке.

9

Памятники византийской литературы IX–XIV вв./ под ред. Л. А. Фрейберг. М, «Наука», 1969. С. 158.

10

Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. М. — Л., 1950. Т. 2. № 75.

11

Ончуков Н. Е. Печорские былины. СПб., 1904. С. 69.

12

Песни, собранные П. В. Киреевским. СПб., 1862. Ч. 1, вып. 4. С. 113.

13

Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1957. Т. 3. С. 325.

14

Там же, с. 405.

15

Реконкиста (718 —1492) — период борьбы христианских народов за освобождение Пиренейского полуострова от арабов-мавров.

16

Время правления Карла Великого и его сыновей (751–987).

17

Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М.: Прогресс, 1987. С. 209.

18

Куртуазия — (от фр. courtois — учтивый), система правил поведения при дворе или набор качеств, которыми должен обладать средневековый придворный, рыцарь. Владение собой, подчеркнутая вежливость в речах — один из признаков куртуазности.

19

Литературные шедевры средних веков. Ростов н/Д: «Донской издательский дом», 2014. С. 826–827.

20

Кретьен де Труа Ланселот, или рыцарь телеги. Ростов н/Д: Foundation, 2012. С. 230–231.

21

Мартурель Ж., Галба М. Ж. де Тирант Белый: пер. с каталанского. М.: Ладомир, Наука, 2005. С. 72.

22

Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М.: Прогресс, 1987. С. 351.

23

Карл Великий, при котором в 877 году состоялся поход, завершившийся гибелью в Пиренеях франкского арьергарда под командованием графа Роланда.

24

Т.е. с графом Роландом.

25

Литература Средних веков: хрестоматия. СПб.: Амфора, 2009. С. 377.

26

Жеста (от фр. chanson de geste) — сказ о деяниях.

27

Корни Иггдрасиля. М.: Терра, 1997. С. 339.

28

Там же, с. 373.

29

Русские летописиХ1-ХУ1веков: избранное / Российская акад, наук, Ин-т русской литературы. СПб.: Амфора, 2006. С. 104.

30

Там же. С. 104–105.

31

Кекавмен. Советы и рассказы византийского полководца XI века. СПб.: Алетейя, 2014. С. 279.

32

Протоспафарий — одно из высших званий в Византии VIII–XII вв, присваиваемое заслуженным полководцам и губернаторам провинций.

33

Там же. С. 289.

34

Мишо Г. История крестовых походов. Часть II. СПб., 1823. С. 480–481.

35

Известно множество вариантов ответа турецкому султану как запорожских, так и Чигиринских казаков. Подлинность их достоверно не установлена. Мы приводим варианты списков с письма, датируемые

XVIII веком. Ответ запорожских казаков: «Я, славный запорожских воинств атаман, подчиненных мною на порогах храбрыми молотцами в совете и тебе, султану, пишу, и великой твой титул превозношу: Ты, султан, проклятаго врага враг, великой диаволской друг, надежной товарищ, антихристов сенатор, любцыферов адьютант, бесовский полковник, сатанинский генерал, бесовский король, над [д] яволами император, российское подножие, греческий кухмистер, вавилонский кузнец, иерусалимской каменщик, египецкой купец, македонский коваль, сурманский букур, антихристов понент, страж горба отца своего, страж гроба господня, — и не похваляйся защитником божиим, и не называйся искоренитель христианом, известно твоему величеству будет, что мы от тебя никогда помощи не просили и просити не будем, — у нас своих много против твоих брюхатых турок, ежели тебе угодно, то мы с ними переведаемся, а ты нас к себе неотменно ожидай, да и впредь своим титулом не угрожай. В Запороце, 1769 года». Ответ Чигиринских казаков: «Султан, сын проклятаго султана турскаго, внук сатанин, товарищ диаволский, привидение демонское, наследник адскиа бездны, турское падение, татарская погибель, греческий повар, вавилонский бронник, иерусалимский харчевник, ассирийский винокур, Великаго и Малаго Египта свинопас, александрийский кат, армейский пес, слепец всего света, аспид вселютейший, скорпиа смертотворная, волк и хищник, шпынь и скаред всего света, всех живущих на земли извощик, наследник тартара преглубокаго, обладатель всего адскаго пространства, лстивого и лживаго Махомета гонец, распятаго бога противник, веры его гонитель, смех и игралище христианское, басурманская погибель и скорбь. Мы тебя не боимся, имеем тебя вместо поводилщика, а не государя. Мы тебе на здадимся, а битися с тобою готовы. А как нам в руки попадет, тогда мы тебя будем имети в такой чести, как имеет повадилщик медведя. Чтоб тебе ведомо было, того ради и пишем к тебе». Цит. по: Каган-Тарковская М.Д. Переписка запорожских и Чигиринских казаков с турецким султаном (в вариантах XVIII в.) // Труды Отдела древнерусской литературы. М., Л.: Наука. Изд-во АН СССР, 1965. Т. XXI. С. 346–354.

36

Кузнецов Н. Г. Курсом к победе. М.: Голос, 2000. С. 122.

37

Цит. по: Зверев С. Э. Военная риторика Второй мировой. Речевое воспитание войск в межвоенный период и годы войны. СПб.: Алетейя, 2014. С. 517.

38

Цит. по: Зверев С. Э. Военная риторика Средневековья. СПб.: Алетейя, 2011. С. 182.

39

Там же, с. 186.

40

Никифор II Фока Стратегика ⁄ пер. со среднегреч. и комм. А.К. Нефедкина. СПб.: Алетейя, 2005. С. 38.

41

Цит. по: Зверев С. Э. Военная риторика Средневековья. СПб.: Алетейя, 2011. С. 120.

42

Повесть о разорении Рязани Батыем ⁄⁄ Памятники литературы Древней Руси: XIII век. М.: Худож. лит., 1981. С. 187.

43

Житие Александра Невского // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. М.: Худож. лит., 1981. С. 433.

44

Там же, с. 153.

45

Сказание о Мамаевом побоище // Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV века. М.: Худ. лит., 1981. С. 185.

46

Казанская история // Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. М.: Худож. лит., 1985. С. 475.

47

Только, пожалуй, донские казаки, осажденные турками в Азове (1641–1642), показали себя достойными славы мастеров язвительных речений своих запорожских собратьев. Вот какой пассаж содержался в их ответе на требование турецких военачальников сдать крепость: «Станем с ним, царем турецким, биться, что с худым свинопасом! Мы, казачество вольное, покупаем смерть вместо живота. Где стоят сейчас силы многие, там полягут трупы многие! Мы не то, что люди шаха персидского. Хотя нас, казаков, и сидит лишь семь тысяч пятьсот девяносто человек, а с помощью Божией не боимся мы великих тех царя турецкого сил трехсоттысячных и немецких хитростей. Ему, басурману гордому, царю турецкому, и пашам вашим Бог противится за речи их высокомерные. Равным он, собака смрадная, ваш турецкий царь, почитает себя Богу небесному. Не призвал он, басурман поганый и мерзостный, Бога себе в помощники. Понадеялся он на свое богатство великое, но тленное. Вознес его сатана, отец его, гордостью до небес, зато сбросит бог его в бездну навеки. Нашими слабыми руками казачьими посрамление ему, царю, будет вечное. Где теперь его рати великие в полях у нас ревут и похваляются, завтра тут полягут от нас под городом трупы людей его во множестве. Явит нас Бог за наше смирение христианское львами яростными перед вами, собаками.

Давно у нас, в полях наших летаючи, вас поджидаючи, клекчут орлы сизые, каркают вороны черные, лают у нас подле Дона лисицы рыжие, ждут все они трупов ваших басурманских. Накормили вы их головами вашими, как брали мы Азов, а теперь опять им хочется плоти вашей; накормим вами их уж досыта» (Памятники литературы Древней Руси: XVII век. Кн.1, с. 140–141).

48

Драгомиров М. И. Жанна д’Арк. СПб., 1898. С. 35.

49

Перну Ж., Клэн М.-В. Жанна д’Арк: Пер. с франц. / Предисл. Н. И. Басовской. М.: Издательская группа «Прогресс», 1992. С. 60.

50

Мишле Ж. Жанна д’Арк. СПб.: Изд. «Всемирная литература», 1920. С. 60.

51

Цит. по: Ходин А. А. Политика Швеции в германских землях Священной Римской империи во время Тридцатилетней войны / Дисс…канд. ист. наук. Смоленский ГУ, 2010. С. 264.

52

Гриммельсгаузен Г. Симплициссимус. М.: Эксмо, 2007. С. 37.

53

Шиллер Ф. История Тридцатилетней войны. Собр. соч. в 7-ми томах. Т. 5. М., 1957. С. 27–28.

54

1647 год. Ученье и хитрость ратного строения пехотных людей. СПб., 1904. С. 322.

55

Мышлаевский А.З. Петр Великий. Военные законы и инструкции. СПб., 1894. С. 27.

56

Там же, с. 56.

57

Артикул воинский [Электронный ресурс]. Режим доступа: http//www. hist. msu.ru>. Дата обращения: 11.02.2013.

58

Мышлаевский А.З. Петр Великий. Военные законы и инструкции. СПб., 1894. С. 13.

59

Алексеев В. Письма и бумаги Суворова. Т.1, письма 1764–1781 гг. Петроград, 1916. С. 63.

60

Устав военно-уголовный // Свод военных постановлений. Ч. 5. СПб., 1855. С. 149.

61

Воспоминания В.М. Еропкина // Русский архив. 1878. Кн. 1. С. 179.

62

Толмачев Я. В. Военное красноречие, основанное на общих началах словесности, с присовокуплением примеров в разных родах оного. СПб., 1825. С. 53–54.

63

Военный сборник. 1859. № 2. С. 492.

64

Каменский В. А. Жизнь гвардейского солдата // Сержант. 2002. № 3. С. 27.

65

Трубецкой В. С. Записки кирасира: Мемуары. М.: «Россия», 1991. С. 153.

66

Устав полевой службы. СПб., 1914. С. 12.

67

Марков и марковцы. М.: Информационное агентство «Белые воины», 2012. С. 109.

68

Тяжкий грех — сквернословие. Одесса: Типо-хромолит. Е.И. Фесенко, ценз. 1902.1 с.

69

Арго — тюремно-воровской жаргон.

70

Булгаков С.Н. На пиру богов (Pro и contra): Соврем, диалоги. Киев: Летопись, 1918. С. 75.

71

Временник Ивана Тимофеева. М.-Л. АН СССР. 1951. С. 265.

72

Пугачевский С. За власть Советов (из дневника участника гражданской войны) / Материалы по истории Красной армии. Т.1. М., 1923. С. 358–359-

73

Антонов-Овсеенко В. А. Записки о Гражданской войне. В 3-х томах. Т. 1. М., 1924–1928. с. 174–175.

74

Последние дни колчаковщины. М.-Л., [Госиздат], 1926. С. 199.

75

Троцкий Л. Д. Как вооружалась революция. В 3-х томах. Т. 2. Ч. 2. М.: ВРВС, 1923. С. 260.

76

Генерал Дитерихс / Ред. и сост. В. Ж. Цветков. М.: Посев, 2004. С. 331.

77

Восточный фронт адмирала Колчака. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. С. 541.

78

Там же.

79

Там же, с. 543.

80

Сенюткин М.Х. Донцы. Исторические очерки военных действий, биографии старшин прошлого века, заметки из современного быта м взгляд на историю Войска Донского. М., 1866. С. 68.

81

Там же, с. 75.

82

Там же, с. 73–75.

83

Перемытов А.М. Июльская операция Западного фронта (рукопись). М.: Военная академия РККА, 1934. С. 69.

84

Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. 1–4 июня 1937 г.: Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2008. С. 191.

85

Сирченко М. Танки на Заозерной. М.: Воениздат, 1939. С. 19.

86

Бои у Хасана. Партийно-политическая работа в боевой обстановке. М.: Воениздат, 1939. С. 103.

87

«Зимняя война»: работа над ошибками (апрель-май 1940 г.). Материалы комиссий Главного военного совета Красной армии по обобщению опыта финской кампании. М., СПб.: Летний сад, 2004. С. 360.

88

Русский архив: Великая Отечественная: Накануне войны: Материалы совещаний руководящего состава ВМФ СССР в конце 1940 года. Т. 12 (1–2). М. ТЕРРА, 1997. С. 498–499.

89

Троцкий Л. Д. Как вооружалась революция. М.: ВРВС, 1923. С. 81.

90

Русский архив: Великая Отечественная. Т. 12 (1–2). Накануне войны. Материалы совещания высшего руководящего состава РККА

23–31 декабря 1940 г. М.: ТЕРРА, 1993. С. 237.

91

Другая война. 1939–1945 / Под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. СПб.: РГГУ, 1996. С. 194.

92

Константинов Д. Я сражался в Красной Армии. Буэнос-Айрес: «Новое слово», 1952. С. 30.

93

Никулин Н.Н. Воспоминания о войне: фронтовой дневник. М.: АСТ, 2015. С. 19.

94

Горбатов А. В. Годы и войны. М.: Воениздат, 1989. С. 182.

95

Дорогами войны: Сборник воспоминаний. СПб.: «Дума», 2005. С. 338.

96

Мы все войны шальные дети… (дневники периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). Саратов: ООО «Приволжское издательство», 2010. С. 71.

97

Стеженский В.И. Солдатский дневник: воен, страницы. М.: Аграф, 2005. С. 87.

98

Никулин Н.Н. Воспоминания о войне: фронтовой дневник. М.: АСТ, 2015. С. 46.

99

Наркомзем — Народный комиссариат земледелия. «Отправить (передать) в наркозем» — фронтовой фразеологизм периода Великой Отечественной, означавший: понести потери убитыми.

100

Драгомиров М.И. Офицерская памятка: Мысли и афоризмы ген. М.И. Драгомирова о воен. деле. СПб., 1892. С. 17.

101

Фронтовые дневники генерала А.Е. Снесарева // Военно-исторический журнал. 2004. № 9.

102

Площадная брань — и в этом ее основная опасность для существования боеспособной армии — всегда выступает только в качестве одной из форм морального падения военнослужащих: грубость развязывает язык сквернословию, сквернословие влечет за сбой оскорбления, оскорбления перерастают в рукоприкладство, за рукоприкладством следует применение оружия. Вот какие дикие факты предавал гласности приказ № 0391: «Лейтенант 288 сп Комиссаров без всяких оснований выстрелом из нагана убил красноармейца Кубицу. Бывший начальник 21 УР полковник Сущенко застрелил мл. сержанта Першикова за то, что он из-за болезни руки

медленно слезал с машины. Командир взвода мотострелковой роты 1026-го стрелкового полка лейтенант Микрюков застрелил своего помощника — младшего командира взвода Бабурина якобы за невыполнения приказания. Военный комиссар 28-й танковой дивизии полковой комиссар Банквицер избил одного сержанта за то, что тот ночью закурил; он же избил майора Занозного за невыдержанный с ним разговор. Начальник штаба 529-го стрелкового полка капитан Сакур без всяких оснований ударил два раза пистолетом ст. лейтенанта Сергеева».

103

Сталин И.В. Сочинения. Тверь: Информационно-издательский центр «Союз», 2006. С. 269.

104

Брюхов В. П. Крепче брони. М.: Региональная общественная организация «Пермское землячество», 2005. С. 121.

105

Мы все войны шальные дети… (дневники периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.) Саратов, 2010.

106

Никулин Н.Н. Воспоминания о войне. С. 42.

107

Дорогами войны: Сборник воспоминаний. СПб.: «Дума», 2005. С. 272.

108

Доклад Комиссии ГКО тов. Сталину 11 апреля 1944 г. № М-715. URL: www. battlefield.ru>report-to-stalin-n-O4-i944.html. Дата обращения: 21.06.2013.

109

Батов П. И. В походах и боях. М.: Воениздат, 1984. С. 143.

110

Там же, с. 148.

111

Полководцы Великой Отечественной. Кн. 2. М.: ИД «Комсомольская правда», 2014. [Электронный ресурс] Режим доступа: http//www. litmir. me>br/?Ь=24б4б6&р=4. Дата обращения: 11.09.2021.

112

Горбатов А. В. Годы и войны. М.: Воениздат, 1989. С. 223.

113

Стенли Хиршсон. Генерал Паттон. Жизнь солдата, 2004. С. 362.

114

Там же.

115

Там же, с. 404.

116

Брэдли О. История солдата: Пер. с англ. М.: Изографус: ЭКСМО-пресс, 2002. С. 347-

117

Амброз С. Эйзенхауэр. Солдат и президент: Пер. с англ. М., 1993. С. 429.

118

Там же, с. 445.

119

Там же, с. 535.

120

Мнение современника Паттона журналиста, лауреата Пулитцеровской премии Д. Марканда. Цит. по: Хиршсон С. Генерал Паттон. Жизнь солдата, 2004. С. 468.

121

Моруа А. Полковник Брэмбл и его друзья. М.: Политиздат, 1992.140 с.

122

Эс-ин — сержант-инструктор, жаргонное выражение, принятое в морской пехоте США.

123

Зверев С.Э. Психолого-педагогические аспекты воспитания американских военнослужащих // Военная мысль. 2016. № 6. С. 68–79.

124

Ганни — уменьшительное от gunner (англ, оружие), master gunner sergeant одно из высших сержантских званий в морской пехоте США.

125

Леки Р. Каска вместо подушки. М.: Центрполиграф, 2005. С. 8, 37.

126

Там же, с. 97.

127

Ермоленко В.И. Военный дневник старшего сержанта. Белгород, 2ООО. С. 38.

128

Кривогуз Г.М. Солдатские мемуары. М., 2009. С. 107.

129

Там же, с 139.

130

Ломоносов Д.Б. Записки рядового радиста: фронт, плен, возвращение, 1941–1946. М.: Центрполиграф, 2012. С. 179.

131

Сагалович ЮЛ. Пятьдесят девять лет в подарок от войны. Воспоминания и размышления фронтовика — пулеметчика и разведчика, прошедшего через перипетии века. М.: Издательское содружество А. Богатых и Э. Ракитской, 2004. С. 24.

132

Левинский Д. Мы из сорок первого… Воспоминания. М.: Новое издательство, 2005. С. 72.

133

Русский архив: Великая Отечественная: Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны. 1943 год. Т. 23 (12-3). М. ТЕРРА, 1999. С. 195.

134

Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 Г.-1942 г. Т. 13 (2–2). М. ТЕРРА, 1997. С. 310–311.

135

Законодательство Петра I. М.: «Юридическая литература», 1997. С. 336.

136

Белов Г. П. Честь и долг. СПб: «Сударыня», 2009. С. 162–163.

137

Отечественная война 1812 г. в воспоминаниях современников. М., 2008. С. 242–243.

138

Правильнее было бы выразиться: круговорот воды в природе.

139

Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. М.: ГПИ «Искона», 1993. С. 148.

140

М.Т. Сахатов — заместитель командира «мусульманского» батальона (154-й ооспн ГРУ) по политической части.

141

Козлов С.В. и др. Спецназ ГРУ: Очерки истории. Историческая энциклопедия в 5 книгах. Кн. 3: Афганистан — звездный час спецназа. 1979–1987. М.: «Русская панорама», 2013. С. 40.

142

Ляховский А.А. Пылающий Афган. М.: Планета, 2014. С. 309.

143

«Мастер-класс» Афганской войны. «В бою все одной крови». М.: Яуза: Эксмо, 2012. С. 40.

144

Ооспн — отдельный отряд специального назначения.

145

Козлов С. В. и др. Спецназ ГРУ. Афганистан — звездный час спецназа. М., 2013. С. 305.

146

«Мастер-класс» Афганской войны. «В бою все одной крови». М.: Яуза: Эксмо, 2012. С. 157.

147

Трошев Г.Н. Моя война: чеченский дневник окопного генерала. М.: Вече, 2016. С. 178.

148

Там же.

149

Шишкина. Поездка в Новороссию [Электронный ресурс] http://navy-korabel.livejournal.com/139283.html. Дата обращения: 25.08.2016.

150

Там же.

151

«Мы называем себя православной армией и гордимся тем, что служим не золотому тельцу, а служим Господу нашему Иисусу Христу и своему народу. На наших хоругвиях изображен лик Спасителя. Употребление воинами матерной брани является хулой на Господа и

Божью Матерь, которым мы служим и которые нас покрывают в бою. ПРИКАЗЫВАЮ: 1. Запретить употребление матерной брани. 2. Командирам подразделений довести приказ до личного состава. Командирам и офицерам по идеологии проводить разъяснительную работу о смысле матерной брани и причинах ее недопустимости. 3. Брань в публичных местах приравнять к серьезному дисциплинарному нарушению и наказывать соответственно. Разъяснение. Слова матерной брани нерусского происхождения, и употреблялись врагами Руси для осквернения наших святынь, чтобы, воздействуя на русских воинов через дух, сломить их в бою и поставить народ на колени. Поэтому матерная брань — это богохульство, которое всегда считалось тяжким грехом. Принцип врагов Руси был тот же, что и сегодня у ненавистников христиан, захвативших власть в Киеве, которые приказывают православным украинцам стрелять по своим же храмам, глумиться над хоругвиями с ликом Спасителя и над православным священством. В этой связи невозможно русскому воину употреблять язык врага. Это духовно унижает нас и ведет армию к поражению. Командующий ополчением ДНР полковник И.И. Стрелков»: Приказ о запрете матерной брани в армии Новороссии [Электронный ресурс] http://derzhavnaya.info/pravoslavnomuvoinu.html. Дата обращения: 25.08.2016.

152

Правда о русском мате. Епископ Митрофан (Баданин). Санкт-Петербург-Мурманск: Изд. Ладан, 2014.

153

Балонов Л. Я. и др. Унилатеральный судорожный припадок (нейрофизиология, клиника, лечебное действие при психозах). М.: Наука, 1979. С. 77.

154

Иванов Вяч. Вс. Чет и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем. М.: Сов. радио, 1978. С. 29.

155

Там же, с. 173.

156

Якобсон Р. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 281.

157

Максимов С.В. Крылатые слова. Н. Новгород: «Русский купец»,1996. С. 218.

158

Ильин И.А. Собрание сочинений. Т. 1. С. 207.

159

Китаев-Смык Л.А. Стресс войны: Фронтовые записки врача-психолога/М.: РИК, 2001. С. 46.

160

Лишшак К., Эндреци Э. Нейроэндокринная регуляция адаптационной деятельности. Будапешт: Изд-во Акад, наук, 1967. 219 с.

161

Там же, с. 67.

162

Там же, с. 138.

163

Там же, с. 145.

164

Китаев-Смык Л.А. Стресс войны. С. 12.

165

Там же. С. 13.

166

Китаев-Смык Л.А. Организм и стресс: стресс жизни и стресс смерти. М.: Смысл 2012. С. 366.

167

Троцкий Л.Д. Как вооружалась революция. М.: ВРВС, 1923. С. 405, 419.

168

Китаев-Смык Л.А. Матерная речь и матерная ругань в современной России [Электронный ресурс] http://www. psy.su>feed/9O35/… Дата обращения: 22.09.2021.

169

Китаев-Смык Л.А. Психология стресса. М.: Наука, 1983. С. 146.

170

Китаев-Смык Л.А. Матерная речь и матерная ругань в современной России.

171

Китаев-Смык Л.А. Стресс. Эмоции и соматика. М.: Академический проект, 2020. С. 308.

172

Да не воспримет уважаемый читатель мои слова как насмешку над автором. Высокопреосвященство — официальный титул митрополита Мурманского и Мончегорского Митрофана (Баданина).

173

Берн прибегает здесь к перестановке букв в ругательствах, чтобы избежать цензуры. Заинтересованный читатель, безусловно, с легкостью восстановит первоначальный смысл слов, выделенных курсивом.

174

Берн Э. Секс в человеческой любви [Электронный ресурс] http://www.litmir.me>br/?b=3290&p=i. Дата обращения: 22.09.2021.

175

Жельвис В.И. Поле брани. С. 130–131.

176

Там же, с. 135.

177

Там же, с. 154.

178

Там же, с. 39.

179

Луций Эмилий Сабин. Письма к Луцию об оружии и эросе / текст подгот. О.П. Цыбенко. СПб.: Алетейя, 2011. 206 с.

180

Старков Я.И. Рассказы Старого воина о Суворове. М.: изд. Москвитянина, 1847. 482 с.

181

Жельвис В.И. Поле брани. С. 134.

182

Леки Р. Каска вместо подушки. С. 133.

183

Китаев-Смык Л.А. Матерная речь и матерная ругань в современной России.

184

Никулин Н.Н. Воспоминания о войне. С. 89.

185

Жельвис В.И. Поле брани. С. 58. Стесненные самоцензурой мы взяли на себя смелость, по примеру Э. Берна, переставить переставить и добавить некоторые буквы в выделенных курсивом словах из оригинального текста В.И. Жельвиса.

186

Там же.

187

Гло кая ку здра ште ко будлану ла бо кра и курдя чит бокрёнка — искусственная фраза, придуманная лингвистом Л.В. Щербой в целях иллюстрации влияния морфологии слова на восприятие его семантики.

188

Там же, с. 117.

189

Взгляд на постепенное образование рекрута и солдата // Военный сборник. 1859. № 2. С. 507.

190

Жельвис В.И. Поле брани. С. 89–90.

191

Гумбольдт В. фон Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. С. 117.

192

Военный сборник. 1859. № 2. С. 492.

193

Иван Грозный. Государь / Сост. и прим. В. Г. Манягина. М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 139.

194

Драгомиров М. И. Армейские заметки/О долге и чести воинской в Российской армии: Собр. матер., докум. и стат./Под ред. В. Н. Лобова. 2-е изд. М.: Воениздат, 1991. С. 137.

195

Речи Либания. Казань, 1914. С. 223.

196

Жельвис В.И. Поле брани. С. 60.

197

Гельвеций К.А. О человеке, его умственных способностях и воспитании. М.: Соцэкгиз, 1938. С. 363.

198

Арцишевский: «Пусть офицер оставит мат для войны, а в жизни будет Болконским…» [Электронный ресурс] http://livejournal.com/139283.html. Дата обращения: 12.02.2018.

199

Маршал Бель-Иль. Наставление полковому командиру. Одесса, 1910. С. 8–9, 20–21.

200

Современная военная риторика: речевое воспитание военнослужащих США: хрестоматия: пер. с англ. / сост. С.Э. Зверев. СПб.: Алетейя, 2013. С. 34.

201

Цит. по: О долге и чести воинской в Российской армии: Собр. матер., докум. и стат. / Сост. Ю.А. Галушко, А.А. Колесников; Под ред. В.Н. Лобова. М.: Воениздат, 1991. С. 343.

202

Речевое воспитание — это процесс формирования личности военнослужащего, основанный на развитии способности к восприятию и продуцированию в речевой деятельности социально значимой речи. Подробнее см. Зверев С.Э. Речевое воспитание военнослужащих. СПб., 2013.

203

Козлов С.В. и др. Спецназ ГРУ: Афганистан — звездный час спецназа. М., 2013. С. 496.

204

Там же, с. 489.

205

«Мастер-класс» Афганской войны. М., 2012. С. 67.

206

Цит по: Современная военная риторика: речевое воспитание военнослужащих США. СПб.: Алетейя, 2013.

207

Там же.

208

Никулин Н.Н. Воспоминания о войне. С. 13.

209

Епанчин Н.А. Тактическая подготовка Русской армии перед походом 1828–1829 гг. СПб, 1904. С. 46.

210

Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве / Под ред. М.Л. Гаспарова. М.: Наука, 1972. С. 133.

211

Гершельман С.К. Нравственный элемент в руках М.Д. Скобелева. Гродна, 1902. С. 156.

212

Тайные наставления Фридриха II короля прусского. СПб, 1820. С. 6.

213

Цит. по: Современная военная риторика: речевое воспитание военнослужащих США. СПб., 2013.

214

Боши — жаргонное прозвище немцев.

215

Оран — город в Тунисе, тыловая база 1-й пехотной дивизии в 1942 году.

216

Брэдли О. История солдата. М., 2002.

217

Пафос общественной речи — это совокупность концептуальных воззрений речедеятелей, опирающихся на ценности, устойчиво бытующие в общественном сознании в определенный исторический период. Подробнее см. Зверев С.Э. Речевое воспитание военнослужащих. СПб., 2013.

218

Зверев С.Э. Языковое мышление и личностные особенности курсантов первого курса военного вуза // В мире научных открытий. 2013. № 1.2(37). С. 290.

219

Драгомиров М.И. Избранные труды. М.: Воениздат, 1956. С. 256.

220

Письма Петра Великаго, писанный к генерал-фельдмаршалу, тайному советнику, кавалеру, графу Б.П. Шереметеву. М.: Императорский университет, 1774.

221

Современная военная риторика: речевое воспитание военнослужащих США. СПб., 2013.

222

Зверев С.Э. Речевое воспитание военнослужащих. СПб.: Алетейя, 2013. 408 с.

223

Гаррисон Ф. Оливер Кромвель. М., 1901.

224

Там же.

225

Зверев С.Э. Военная риторика Второй мировой. Речевое воспитание войск в предвоенный период и в годы войны. СПб.: Алетейя, 2014. С. 399.